

В. И. Булавинцев

Там где живут зимородки

• РАССКАЗЫ • ОЧЕРКИ •
• ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ •
• ПРОСТО О РАЗНОМ •

Фото автора

Верстка: Родионов М.С.

*Отпечатано в типографии «Квадратон»
(www.quadratone-print.ru)*

Москва, 2010г.

РАССКАЗЫ

Сальянский узник или история одного выстрела	3
Иволги	5
Ворон	8
Длиннохвостые синицы	13
Корольки	14
Вальдшнепы	16
Чибисы	18
Малые подорлики	20
Там где живут зимородки	22
Ника	25
Страшней барана зверя нет	27
Рябчики	29
Воробьи	32
Черные дятлы	33
Глухари	35
Куры и те с характером	39
«Умные» ласточки и другие...	40
Журавли	42

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ
ВОЗВРАТЯСЬ

Снежный буревестник	78
Белые ржанки	81
Там где живут пингвины	83
Кавказский заповедник	85
Оляпка	88
Стенолаз	89
Джаныбек	91
Кавказ, слово звонкое	93
Суслики	95
В горах все всерьез	97
Три дня с дрофой наедине	100
Новая Земля	103
Белые чайки	107
Кавказский улар	108
Чудаки и дудаки	111
Маныч – горькая вода	114
Теберда поднебесная	118

ОЧЕРКИ

Соболь	46
Вертишейка	48
Гадюки	49
Аист на крыше	51
Тетерева	52
Кедровка	54
Малиновка	55
Свиристели	57
Малые дятлы	58
Чибис	59
Большая поганка	60
Зяблик	62
Серые вороны и другие	63
Фифи	65
Псковская глухомань	66
Трясогузки	67
Луговой чекан	68
Щеглы	70
Дубонос	71
Птица невидимка – дергач	72
Ах, эта осень золотая!	74
Щурки	75
Куропатки в городе	76

ПРОСТО
О РАЗНОМ

Синица синице рознь	121
Нет нет, а бывает	125
Попугай	126
Сорока	130
Зимнее братство	133
Не смотрите свысока на простого червяка	135
Коллемболы – живущие на грани света и тьмы	137
Птичьи имена и душа народа	142
Птицы в городе	145

Сальянский узник или история одного выстрела

Давно это было, в ту пору о красных книгах и помину не было. Охотились по всему Советскому Союзу, взял путевку и езжай на все четыре стороны. Ружья продавали в магазинах без всякой надобности милиции. Записали в охотбилет и вся недолга, владей и радуйся. Хорошие были времена для охотников, при-вольные. К тому времени минуло мне восемнадцать лет, пора в армию идти. Тогда от армии так не бегали, служили многие, с этим строго было, без баловства. Прочили меня в десантники, я накануне парашют-ную школу в аэроклубе закончил, но в последний момент пришла целевая разнарядка в школу служеб-ного собаководства. Видно, сказалась тогдашняя моя работа в Уголке Дурова экскурсоводом - дресси-ровщиком. Уж и осенний призыв к концу, а меня все не вызывают. Время тянется невыносимо. Ведь на три года уходить из дома в полную неизвестность. Октябрь на исходе, а из военкомата ни гу-гу. Ну, думаю, нечего время терять, съезжу напоследок в Азербайджан за редкими птицами для своей коллек-ции. Надо заметить, что лет с тринадцати, под влиянием книг известного орнитолога Е.П. Спангенберга, увлекся я птицами и активно ездил по всему Союзу, когда с друзьями, а когда и в одиночку. Охотился за редкими птицами. Молодому, какая забота? На следующий день сел в Бакинский поезд и в путь. На место прибыл в пятницу, к вечеру. Пошел в кассу за билетом на местную линию, что тянется в сторону Кызыл-Агача. В тех местах птица к осени со всей европейской России собира-лась в несметном количестве. В кассе вежли-во спрашивают, а где пропуск в погранзону? Дело к закату. Ждать в Баку два дня до по-недельник, да волынки с пропуском еще на день, а у меня времени - кот заплакал. Да и в военкомате в любой момент хватиться могут. Решил пробираться наобум. Взял билет до того места, где еще не погранзона, но совсем рядом. Едем, ночь, за окном темень южная, несуетная. Безлунье, добела раскаленные звез-ды блещут, от них еще темнее округ. Слезать надо было на крошечном разъезде - полустанке, не доезжая до Сальян, те уже в погранзоне. Вышел в тамбур с вещами, жду разъезда. Вскоре притормозил поезд и останавливается, но как-то нерешительно, вот - вот дальше пойдет. Выглянул наружу, черным-черно, ни огонька, пусто вокруг, только ветерок в полынях да солянка шелестит. Нет, думаю, это не разъезд, еще не доехали. Дернулся поезд и дальше пошел, а там уж минут через десять огни впереди замаячили, погра-ничники с фонарями вдоль насыпи бегут. Одним словом, приехали. Попытался сойти, вроде бы без поня-тия, что пограничникам надобно. Да не тут-то было. Попросили войти в вагон для проверки документов, а у меня только охотбилет в кармане. Паспорт в военкомате остался, вместе с подпиской о невыезде.

Погрузили нас человек десять, подозрительных, в машину и повезли на погранзаставу. С прочими, местными, быстро разобрались и отпустили восвояси, а я остался в одиночестве, пред очи начальника заставы, в чине майора. В кабинете начальника, в сером каземате с высоченными потолками, в дверях ав-томатчик замер. Предложили раздеться до носок. Обыскали, забрали все вещи, что со мной были, правда, по описи. И оказалось, что я вроде бы шпион. Посудите сами. Молодой человек с бородкой, в китайском туристическом костюме, с множеством карманов, в темно-зеленой велюровой шляпе, при черном галсту-

ке и в сапогах-броднях. В рюкзаке кинокамера с длинноющим телеобъективом, (сам приспособливал для съемки птиц издали), и здоровенный бинокль. А надо заметить, что в те времена кинокамеры и сильные бинокли были еще большой редкостью. Мне достать их стоило трудов и средств немалых. Кроме того, в шпионское мое снаряжение входил набор хирургических инструментов, шприцы, мышьяк и прочие вещи необходимые для снятия птичьих шкурок и их обработки. Но для майора это ведь не довод, такие клиенты ему каждый день не попадаютсЯ. И, конечно, последней каплей, не в мою пользу, были новенькое ружье 32 калибра, вещь и в те времена, как и сейчас, довольно редкая, а еще новенькие блестящие металлические патроны, аккуратно залитые поверх картонных пыжей цветным лаком, для определения номера дроби по цвету (сам набивал) и упакованных в яркие цветастые пачки из-под немецкой кино-пленки Агфа, с броскими иностранными надписями. Ну что тут скажешь, типичный шпион. Как и положено, посадили меня в одиночную камеру, предварительно забрав ремень, галстук и шнурки из кед. Кеды у меня в рюкзаке про запас были. Взамен принесли журнал «Молодой коммунист», или что-то похожее, точно и не припомню. Я уж и журнал прочитал от корки до корки, у солдат кличку получил «москвич», а дело мое ни с места. Проверяем, говорят, твою благонадежность, послали запрос в Москву, ответа нет пока. Кормят ужасно. Хлеб ноздревато-серый, пополам с отрубями, даже солома попадаетсЯ. Сизая, холодная картошка и такой же, весь комками, кисель, тот, чем окна на зиму клеят.

На улице золотая осень, воля, а я за решеткой первый раз в жизни, да еще перспектива осложнений по линии военкомата. Грустно, одним словом. На четвертые сутки повезли меня в Сальяны к окружному прокурору, для продления санкции на арест. Оказалось, что больше четырех суток без этой самой санкции пограничники держать меня права не имели. Получили санкцию, а к ночи и ответ из Москвы пришел, с подтверждением, что я есть я, а вовсе не вражеский шпион. Отдали мне все вещи, посадили в газик и сам майор отвез к ночному поезду, предварительно взяв с меня подписку о том, что если в течение ближайших пяти лет снова попадусь здесь без пропуска, ждет меня срок, до трех лет, без суда и следствия.

Сижу в поезде, колеса километры отстукивают, уносят меня все дальше от птичьего рая. Обидно стало, что так и не увижу плавней, не поохочусь, не бывать этому! Соседом по купе оказался старичок местный. У него-то я и узнал, что если сойти на следующей станции и отъехать на попутке километров семьдесят степью, попадешь в Евлахские плавни, там и домик егеря имеется. К рассвету прибыл к егерю в мазанку. Застал там двух приезжих охотников и хозяина. Кончились мои мученья. Поговорили, выяснил, где какая птица держится. Погода на дворе лучше не бывает, солнце, тепло. Не терпится на волю с ружьем бежать. А егерь отозвал меня в сторонку и говорит. Тут с такими вещами, как кинокамера и морской бинокль, лучше, не светиться. Могут запросто и за ружье голову оторвать, в камышах не сыщешь, да и кабаны бывает кидаются. Кабаны кабанами да разве дома усидишь. Насмотрелся я в плавнях чудес. Султанские куры на прогалах - плесах, красноклювые, на толстых, длиннопалых морковно-красных лапах, с истошным ором, изумрудно-синими кикиморами шастают. Белые цапли, выпи, волчки, утки, нырки, луни над головой и в камышах. Усатые синицы, что твои воробьи, вокруг снуют, ремезы порхают. Синие зимородки живыми самоцветами над водой носятся. Рай для любителя птиц, да и только. Брожу в плавнях, охочусь, а слова егеря из головы не идут. В сумраке камышей по звериным тропам броднями хлюпаю, прислушиваюсь, не ломится ли где кабан или шалый зверь о двух ногах. Но долго сторожко не продержишься, особенно, если над головой солнце во все небо, да восемнадцать лет за плечами, всего-то. На третий день охотничьих странствий расслабился, обвыкся. Иду камышами, вода все мельче, значит к берегу ближе. Так и есть. Камыш все ниже, всего лишь по грудь шуршит. Все видно вокруг, вольно-то как, душа поет.

Вот тут то и ухнуло за спиной с треском. Крутнулся на каблуках, сердце в горле застряло, приклад у плеча и солнце в лицо. В мареве золотистой толчеи искрящихся пылинок взмывает свечкой, судорожно и шумно молотя крыльями, червенно-черная птица, на долю секунды зависла в воздухе и рванулась от меня над верхушками камыша. Опомниться не успел, палец сам сработал. Сухо щелкнул выстрел, ударило в плечо, птица дугой в камыш рухнула, а на ее месте, где дробь достала, в воздухе еще одна висит полупрозрачным шаром выбитого пера, плавно опадающего на землю. Этот выстрел и поныне у меня

перед глазами, как живой. Чисто битый турач лежал в редком сухом камыше, бархатисто черной грудью кверху, с россыпью жемчужных пятен по бокам, распластав золотистую охру бессильных крыл. Никогда более не приходилось мне стрелять такую птицу. Хотя позже, став зоологом, много побродил по свету. Охотился на самых дальних островах Арктики, в горах и пустыне, кольцевал пингвинов, белых ржанок и морского зверя в Антарктиде, а тот случай с турачем особняком и намертво врезался в память сердца, словно вчера это было.

Турач, или черный франколин, издавна обитал в Прикаспийской низменности Азербайджана, проникая по речным долинам в Грузию и Армению, еще недавно был обычен на юго-западе Туркмении. Теперь же птица эта везде редкость. Живя на пастбищах, зарастающих дюнах и пахотных землях, в виноградниках и садах, турач крайне уязвим, особенно в зимнее время. Вот что писал о тураче и охоте на него русский классик орнитологии конца девятнадцатого века М.А. Мензбир: «Охота по пороше еще губительнее и только то обстоятельство, что в области занятой турачами снег выпадает не ежегодно и, если выпадает, лежит не более нескольких дней, спасает турача от быстрого и окончательного истребления. Дело в том, что турач, не привыкший к снегу, боится его и забивается в тот куст, около которого его застал снег. Здесь он и сидит до тех пор, пока голод не заставит его отправиться на поиски корма, но и тогда, побегав немного, он спешит опять укрыться в кустах. Зная это, туземцы отправляются разыскивать турачей по следам и, подходя к ним почти в упор, убивают без промаха ...». Вот такая история о царственно красивой птице тураче и сальянском узнике.

Иволги

Серая, предрассветная мгла тает на глазах, наливаясь мягким светом нарождающегося дня. Солнце показывается из-за горизонта робко, оранжевым краешком, но, чуть помедлив, смелеет и вот уже все вокруг обозначилось мягкими полутонами раннего утра. Капли влаги искрятся голубовато-радужным хрусталем, серебрятся жемчугами паутины в травах на опушке леса, еще сонного, не стряхнувшего леньность летней ночи. Березы, свежеумытые ночным дождем, зябко трепещут зелеными ладошками листьев, купаясь в первых лучах солнца. Птичий хор еще нестроен, солисты только начинают пробовать голоса, как вдруг пролился над опушкой леса флейтовый перелив иволги, живой и чистый, как это летнее утро. Самого певца не видно, он устроился рядом с гнездом, надежно укрытым листвой в кроне старой березы. Гнездо укреплено в развилке на конце ветки. Глубокая чаша свита из травинок, листьев, мха, полупрозрачных пленок бересты и мягко устлана внутри шерстью и перьями. В гнезде яйца, белые, с буровато черными крапинками. Самка снесла перед рассветом последнее, пятое яйцо и теперь, пользуясь теплой солнечной погодой, кормится в кронах соседних деревьев, склевывая с листьев и веток, еще по-утреннему вялых насекомых. Ее невзрачное, зеленовато-бурое оперенье сливается с зеленью листьев. Присутствие птицы только угадывается по резкому движению веток, да легкому шелесту крыльев. Надо долго оставлять гнездо нельзя яйца в нем быстро стынут, и самка возвращается, шумно опустившись на ветку рядом с ним. Теперь можно разглядеть ее лучше. Размером она с дрозда, но плотнее телом. Сидит на лапках пониже, чуть плоскую, заостренную головку не тянет вверх, как дрозд, а немного вжимает в плечи и от того выглядит настороженно-строгой. Голос самки подстать ее внешности. Недовольная или испуганная кричит коротко и резко, словно кошка, которой случайно отдавили хвост. За этот крик, на Руси ее называли “лесной кошкой”

Птица осматривается вокруг и, убедившись, что ничего за время ее отсутствия не изменилось, довольно тяжело, помогая себе крыльями, прыгает в гнездо. Кончик ветки с гнездом проседает под тяжестью птицы и плавно раскачивается, подрагивая, пока она ворочается и ерзает, устраиваясь поудобнее. Наконец птица успокаивается и все замирает, и только солнечные блики да легкий шелест листьев оживляют идиллию птичьего рая. Насиживающая самка дремлет в ласковых лучах утреннего солнца, распушив

перья надхвостья и прикрыв блестящие вишенки глаз светло-серыми шторками век. Изредка у гнезда появляется супруг. Он великолепен. Ослепительно желтое оперенье тела, оттенка и нежности свежей мимозы, богато украшено изысканной, бархатной чернью крыльев и хвоста, отороченных по краям желтой каймой. Яркий клюв, цвета влажного коралла, оттеняется черной уздечкой, подчеркивающей красоту вишнево-карих глаз и переходящей на щеках в тонкий, нитчатый штрих.

Появление партнера не очень волнует самку. Она чуть приоткрывает глаза и снова погружается в легкую дрему. Видимое безразличие подруги не смущает самца. Пристроившись рядом, он замирает, но вот перышки на его горле начинают мелко подрагивать, топорщиться и возникает песня - чуть слышные

переливы тихой флейты, переходящие в нежный щебет и легкое журчанье. В звуках этих столько ласки и неги, что, кажется, будто исторгаются они сердцем птицы. Тень набежавшей на солнце тучки гасит очарование птичьего рая, стирая мозаику солнечных бликов с изумрудной зелени листьев и белизны березовых стволов. Сказка кончилась. В семействе иволг каждый занят своим делом. Она в гнезде, согревая собой чудо рождающейся жизни, он неподалеку, оповещая громким флейтовым зовом прочих обитателей леса, - здесь его дом, его место под солнцем.

Прошло довольно времени, около двух недель, в гнезде появились птенцы. Только что вылупившиеся, они беспомощны и безобразны. Мокрые, голые, розово-красные пульсирующие комочки. Непомерно большие головки еле держатся на тощих, спичечных шейках. Птенцы слепы, бестолково тычутся мотающимися головками, беззвучно раскрывая ярко-красные влажные рты, они еще слишком слабы для крика. Но уже через несколько дней, подсохшие, покрытые светлым пушком, дружно и требовательно свиростят, выпрашивая у родителей пищу - гусениц, бабочек, пауков и прочую мелочь, все, что могут поймать высоко в кронах деревьев взрослые птицы. Иволги редко и неохотно спускаются на землю, ходить они не умеют, только прыгают, чуть неуклюже, как-то боком. Летают они хорошо, но предпочитают держаться в кронах деревьев. Быстро подрастающим птенцам нужно много корма и оба родителя трудятся с утра до вечера, вылавливая пауков и различных насекомых, кстати, и мохнатых гусениц, тех, с которыми многие другие насекомоядные птицы предпочитают не связываться. Недели через три, подросшие птенцы покидают родное гнездо и оба родителя терпеливо обучают их навыкам самостоятельной жизни.

Иволги - птицы южные, семейство Oriolidae, к которому принадлежит и живущая у нас обыкновенная иволга, объединяет два рода и 32 вида птиц, обитающих, в основном, в тропиках и субтропиках восточного полушария. Поэтому не удивительно, что на зимовку в Африку, иволги улетают от нас рано, уже в августе. Своим чередом отморосит дождями осень. Свиристелевой стаей улетят от нас, отгуляв свое вьюги да метели. Отгремят весенние салюты вальдшнепиных тяг. Березняки оденутся в малахитовый наряд новых листьев. А у реки, на лесной опушке, заневестится белым цветом черемуха, заглядевшись в вечернее зеркало заводи, заслушавшись весенним гомоном птиц, и вдруг вздрогнет, уронив на воду пригоршню белого цвета, от чуда весенней песни иволги, солнечной птицы - наперсницы лета.

По-зимнему малиновое солнце нехотя показалось из сиреневой дымки промороженного январскими холодами неба. Неяркие лучи скользнули вяло и безучастно по вершине старой сосны на краю сфагнового болота, позолотив серебряную пыль инея на перьях ворона, проснувшегося задолго до рассвета и чутко дремавшего, укутав в распушенные перья лапы, по-стариковски опустивши голову с прижатым к груди тяжелым клювом. Холод его не особенно беспокоил. Он был сыт. Несколько дней назад на старой зарастающей вырубке, граничащей с его болотом, погибла от ран лосиха. Приезжие городские охотники тяжело ранили ее в брюхо уже под вечер и не успели добрать. Помешала разыгравшаяся к ночи метель, а утром все следы укрыло обильным снегопадом. Лосиная туша, седая от инея, с оскаленной мордой и пустой, выклеванной глазницей манила к себе обитателей леса. Скандальные сойки затеяли свару, надсадно оглашая вырубку истошными криками, не поделив лохмотья шкуры - остатки ночного пира волков. Сытые звери ушли под утро, не таясь. Их ленивые следы тянулись с вырубки широким веером и только в лесу сливались в тропу, петлявшую опушечным березняком в сторону чернеющего вдаль ельника. Бойкая белощекая синичка старательно теребила кусочек мяса, зажав его в одной лапке-кулачке и упираясь другой в снег, поминутно оседая при этом на растрепанный хвост. Чуть поодаль, за полусгнившим сосновым пнем устроилась, распластавшись на снегу, лисица, припавши щекой к лапам, с зажатым в них куском мерзлой плоти, щурясь и оголяя в углу ощеренной пасти крепкую бель молодых зубов.

Старый ворон отчетливо видел все это с высоты, облетая вырубку. Минул год, как он остался один. Его подруга погибла прошлой зимой в капкане. Век ворона вовсе не триста лет, как гласит людская молва. Он схож с нашим. Его жизнь, простая и немудреная, как полет изумрудно-голубого зимородка над излучиной лесной речки, почти вся прошла в этом лесу с огромным сфагновым болотом, поросшим чахлыми соснами. Далекого прошлого он не помнил. Перенесись он на 35 лет назад, то смог бы увидеть картины своего детства и юности. Огромную замшелую березу в заболоченном лесу, с темной шапкой тяжелого гнезда высоко над землей. В этой лесной поднебесной колыбели, заботливо высланной теплой шерстью, их было четверо. Все лето воронята, уже к июню покинувшие гнездо, жили с родителями, старательно их опекавшими, и только осенью разлетелись кто куда, каждый своей дорогой.

К исходу третьей зимы кочевой жизни он встретил ту, с которой прожил в этих местах 30 лет. Много пережил и повидал он за эти годы. Голод в холодные малоснежные зимы. Кровавые пиры на трупах оленей и кабанов, павших от истощения в лесах, надежно укрытых белоснежным саваном обильных и частых снегопадов. Лесные пожары с гибнущими в их огненном чреве большими и малыми тварями. Брачные игры в бирюзовом, напоенном нежностью и страстью весеннем небе. Родительские хлопоты о хрупких зеленоватых, в буроватых крапинках яйцах, а позже - беспомощных, безобразно большеротых и рахитично пузатых голышах птенцах. Все это было, но в прошлом. Теперь его жизнь текла размеренно и неторопливо. С первыми лучами солнца огромная черная птица облетала свои владения привычным маршрутом, высматривая пищу - трупы павших животных, раненых, больных или ослабевших от старости. Нападая и нанося удары тяжелым, отливающим сталью клювом, он не знал жалости и страха. Врагов у ворона, кроме человека, в здешних местах не было. Вот и теперь круто и почти бесшумно упав с высоты к туше и присев мягко, с легким шелестом огромных крыльев, чуть в стороне от нее, выждав из привычной осторожности несколько мгновений, он направился к падали по хозяйски основательно, ступая неторопливо, слегка разворачиваясь всем корпусом при каждом шаге. Лисица вскочила на ноги, не выпуская из зубов своего куска и отбежав подальше, снова улеглась на снег, косясь и огрызаясь в сторону угрюмой птицы. Разлетевшиеся по сторонам сойки пробормотали что-то недовольно, вполголоса, и смолкли. Насытившись, отяжелевший ворон взлетел не сразу, с разбегом, неуклюже подпрыгивая в истоптанном и грязном от крови снегу. Потянул черной клинохвостой, длиннокрылой тенью невысоко над землей, медленно набирая высоту. Теперь он будет отдыхать где-нибудь на дереве, в безопасном и укромном месте и только к вечеру вернется на вырубку для вечерней трапезы. Ничто не нарушало однообразия его жизни, протекавшей в одиночестве и постоянных поисках пищи.

Зима уходила неохотно, огрызаясь февральскими вьюгами, но к марту ослабев, уступила стремительно наступавшей весне. Заметно осевший снег посерел, покрываясь к ночи хрусткой глазурью весенней наледи. Зазвенели хрусталем голоса синиц. Одевшись в яркое весеннее перо, красавцы рябчики неутомимо высвистывали своих подруг. С дальних лесных полей и вырубок все чаще слышалось страстное бормотанье очумевших от солнца и любви косачей.

Не устоял перед весной и старый глухарь, живущий по соседству. Просыпаясь рано, до восхода солнца, он шумно ворохался на корявой сосне, обламывая с нее еще по-зимнему хрупкие веточки. Его силуэт, с широкими веерами низко опущенных крыльев, бородатой головой и прикрытыми в экстазе любовной песни глазами, да и сама эта песня, не по-птичьи сухая, больше похожая на стрекотанье огромной членистоногой твари из мира допотопных насекомых, будоражили ворона. Нервно взъерошив перья головы и шеи, нетерпеливо переступая по золотистому шелку сосновой ветви, закованными в роговую броню лапами, кланяясь и поводя головой и чуть приподнятыми плечами, он то ли звал свою навсегда потерянную подругу, то ли жаловался весне на одиночество. Приглушенно-трубные, бархатисто-гортанные звуки плыли над болотом, уносясь в небесную высь без ответа. Но однажды, апрельским утром, случилось чудо. В ответ на свой безнадежный призыв он услышал далекий голос одиночества. Весь мир и все чем он был в этом мире, слились в этом молящем и столь для него желанном крике, почти теряющемся там, у самого горизонта, уже потеплевшего розовой дымкой нарождающегося утра. Он летел на свет зари, огромный и царственно великолепный в пурпуре грядущего дня и не было силы, способной остановить его, летящего на зов жизни.

К началу мая отцвели сиренево-розовые фонарики медуницы, а по сухим взлобкам песчаных грив, укрытых коврами сосновой хвои, седых лишайников и изумрудных мхов, поднялись зелеными ладошками ландыши. В лужах, на заброшенных лесовозных дорогах, все еще не умолкали лягушачьи свадьбы. Сбросив оцепенение зимней спячки, выползли из подземных гнезд змеи, греясь в нежных лучах майского солнца на сухих буграх по краям болот и вырубок. С рассвета и до сумерек звенели на все лады птичьи голоса - гимном солнечному свету, творящему любовь и жизнь на земле. Ворон и его новая подруга не замечали праздника обновления природы. Радость встречи и любовная нега остались позади. Молодую подругу ворона переполняла потребность материнства. Они торопились. К началу мая в вороновом племени обычно уже появляются птенцы, а его супруга только начала согревать кладку из трех яиц. Полулежа в теплом гнезде, устроенном высоко над землей, она видела низину сфагнового болота и тонущую в утренней, золотистой дымке зелень сосняков на гривах, уходящих чередой зеленых валов за горизонт. Облюбованная

воронами грива, поросшая могучими корабельными соснами, замшело-темными понизу и золотисто-коричневыми ближе к вознесенным в небо вершинам, дыбилась, словно спина морского чудовища, всплывшего на миг из пучины болотных мхов, да так и застывшего недвижно навеки. Низкорослые сосны-уродцы, чахнувшие два столетия в окружавшем гриву болоте, были родными сестрами могучих красавиц, растущих по соседству, на песчаных буграх. Проезжих дорог в этой болотной глухомани не было. Редкие лесовозные волоки, донельзя разбитые гусеницами и колесами тяжелых машин, тонули в огромных лужах и колдобинах, по края залитых талой водой. Малодоступные даже пешему, покоились они в лесной глуши уже лет 30, с тех пор, как места эти покинули последние лесорубы. Покойно и при-вольно было вокруг воронового места.

Пригревшись в гнезде, на мягком весеннем солнце, огромная черная птица дремала в ожидании су-пруга с утра и до вечера, рыскавшего в округе в поисках корма. Она почти не покидала кладку, ворон заботливо ухаживал за ней, принося корм к гнезду. Теперь пищи было больше, чем в зимнюю пору, но добывать ее на двоих, совсем не просто. Зимой он внимательно следил за волчьей стаей, державшейся около болота и время от времени пользовался остатками волчьих трапез. Кое-что перепадало ему от охотников, потрошивших добычу - кабанов и лосей - тут же, на месте, в лесу. Ворон хорошо разбирался в звуках выстрелов, безошибочно отличая сухие винтовочные хлопки по крупному зверю, от гулкого боя дробовиков, снаряженных на пернатую дичь и звериную мелочь. Теперь приходилось довольствоваться жуками, улитками, червями, лягушками и змеями. Добывать корм было хлопотно, но он справлялся, и его подруга не голодала. Вечерами, к закату, уставший ворон шумно устраивался около гнезда, чудно красивый в лучах клонящегося к лесу солнца, в пурпурных и фиолетово-синих переливах литого пера, нежно и ловко перебирал тяжелым клювом перья на голове и крыльях своей избранницы, чуть слышно щебеча ей песнь своего сердца. Весенние дни уплывали один за другим в заботах и будничных волнени-ях. Близилось время появления птенцов.

Сначала был свет, размытый, с ощущением тревоги и холода. Временами возникало легкое движе-ние, свет пропадал, и тогда приходило блаженное тепло и покой. Со временем его ощущения стано-вились определеннее. Где-то там, за пределами его слепого и тесного мира, возникали неясные, ватно-приглушенные звуки, точного значения которых он еще не знал, но отличал среди них предназначенные только ему. Иногда звуки были тревожными. Они будили в нем страх, и он замирал, сжимаясь от ужаса, погружаясь в оцепенелое, полуобморочное состояние. Позже, все чаще и чаще, им овладевало беспокой-ство. Оно не было связано с чем-то определенным. Его влекло туда, откуда приходил свет и приглушен-ный шум леса. Теперь он упорно долбил скорлупу изнутри, благо, что природа позаботилась и снабдила его, как и многих других новорожденных птичьего племени, роговым зубцом на клюве. Однажды, когда тревога и неодолимость навязчивого желания стали нестерпимыми, от резких его движений, почти су-дорог, ощущение невыносимого напряжения, как-то разом, ослабло. Ошеломленный внезапно про-изошедших перемен, он лежал распластанным, коротко пульсирующим комочком мокрой голой плоти, дрожащей ознобом страха и непривычной свежести. Таким было его «второе» рождение.

Вскоре после своего освобождения из яйца, вороненок почувствовал нетерпеливое движение таких же, как он, голых и беспомощных существ, его сестер, их стало трое. Они, как одно целое, дружно рас-крывали клювы, обнажая розоватые, влажные воронки ненасытных ртов, хором требуя пищу. Все разом сжимались в плотный ком, заслышав крики тревоги тех, кто неустанно кормил их и обогревал от ноч-ного холода и дневной сырости. Пришло время, и мир света и тени сменился на буйство цвета и форм. Вороненок учился видеть окружающий мир. Все в этом мире было удивительно. Молодая зелень сосно-вой хвои, шелковисто блестящая в лучах утреннего солнца. Буровато-серый жук усач, неуклюже одоле-вающий крутизну нароста древесной коры. Непоседа крошка-королек, в золотисто-оранжевой шапочке, висящий вниз головой на кончике сосновой веточки, занятый поиском паучков и личинок насекомых.

Любоваться окружающим миром хорошо, когда сыт, а его донимал голод. С самого начала вороненок был крупнее и сильнее своих сестер, ему доставался лучший корм и самое удобное место в гнезде. С пер-

вых перьев усвоил он науку выживания - жизнь это пища, и за нее нужно бороться. Воронята быстро росли. Матово-черные, короткокрылые и куцехвостые, теперь они ожидали родителей с кормом, сидя на ветвях сосны, рядом с гнездом. Оперившись немного раньше своих сестер, вороненок первым, совершен-но неожиданно для себя, испробовал крылья. Заинтересовавшись крупной мохнатой гусеницей, слепо дергавшейся на конце сосновой ветви, он увлекся и опомнился только тогда, когда ветка, под тяжестью его неуклюжего прыжка резко подалась вниз. Несколько мгновений вороненок пытался удержаться, от-чаянно и бестолково молотя в воздухе крыльями, с ужасом чувствуя, что все более соскальзывает по гладкой хвое вниз, в пустоту.

На землю он не упал, сумев спланировать на нижние ветви соседнего дерева, где его и нашли, приле-тевшие вскоре родители, очумевшего от пережитого страха. Довольно долго взрослые птицы пытались увлечь вороненка за собой, надсадно крича и возбужденно прыгая по ветвям, но он, до смерти напуган-ный и ошеломленный случившимся, только крутил головой, с широко раскрытым клювом, часто дыша и сглатывая, громко жалуясь им на свою беду. Отчаявшиеся родители так и не сумели ничего поделаться в этот день, им пришлось кормить птенца там, где он был и где провел томительно бессонную ночь, прав-да, под охраной старого ворона, ночевавшего рядом с ним. Июньская ночь выдалась теплой, и мерзнуть птенцу не пришлось.

Утром следующего дня, освоившись со своим новым положением, вороненок попытался подняться выше, перескакивая по веткам и шумно помогая себе еще непослушными крыльями. В конце концов, он водрузился на толстой ветке, протянувшейся в сторону гнезда. Ближе к вечеру старому ворону удалось, наконец, увлечь своего первенца за собой и вороненок перелетел на родное дерево, где все они вместе еще долго обсуждали случившееся гортанно-хриплыми голосами, утомившись только с опустившимися на лес теплыми летними сумерками.

Первый неудачный опыт полета не пропал даром. Уже через неделю вороненок, а вскоре и его сестры, научились перепархивать на соседние деревья, а потом и летать. Правда, они быстро уставали, им еще

предстояло обрести силу для свободного полета вольных птиц. Отгорели оранжевым жаром июньские закаты. С начала июля родители начали обучать воронят навыкам самостоятельной жизни, все дальше и дальше улета с ними от гнезда, но неизменно возвращаясь к нему. У вороненка, теперь уже подростка, рано проснулась тяга к странствиям. Его сестры еще летали вместе с родителями, а он все чаще покидал их, пропадая по нескольку дней кряду, пока, наконец, не покинул совсем, улета в след последним журавлиным стаям, навстречу пугающей и манящей неизвестности, навстречу своей судьбе.

Зима выдалась малоснежной. Такие зимы хороши для лосей и кабанов, от врагов по мелкому снегу уходить легче, в поисках корма по вырубкам и закраинам болот ходить проще, а для ворона - беда. Гибели копытных жди, не дожدهшься, только если недобрый человек, браконьер подсобит. Завалит зверя, освежает на месте, воровато, по-волчьи косясь по сторонам, глядишь, на шкуре да потрохах можно поживиться. Но и тут незадача. Все лучшие места в лесу давно уже заняты взрослыми птицами, живущими парами на своих участках. Не раз приходилось ему убираться не солоно хлебавши, от желанной добычи. В одиночку с местными птицами не поспоришь. Вот если кучей, в пяток молодых, горластых бандитов, тогда хозяева поневоле терпят нахлебников, делятся с ними пищей.

Не задерживаясь подолгу на месте, молодой ворон все дальше улета от родных мест. В середине зимы голод выжал его из леса. Довольно скоро он усвоил простую истину - по зиме прокормиться легче всего около людей. Все чаще одинокая черная птица появлялась на окраине большого села, деля с хриплоголосыми воронами и вертлявыми сороками отбросы скотника и помоек. К весне молодой бродяга оставил сельскую квартиру, все дальше улета от родной Мещеры, на запад. На полях и просеках снег сошел в начале апреля, по отпотевшим припекам зажглись желтые фонарики мать и мачехи. До самых сумерек не умолкая звенели птичьи голоса. Даже ночь не приносила тишины. Темное небо дышало шелестом и свистом крыльев, жило невнятным гомоном нескончаемых птичьих стай, неудержимо спешащих к родным болотам, лугам и лесам.

Вскоре ворон усвоил еще одну истину. Из года в год бьются в ночи о провода птицы: голуби, вальдшнепы, утки, чибисы - всех не перечест. До конца весны ворон держался около просек ЛЭП, деля ночную добычу проводов-убийц с лисами и канюками. Второе лето своей жизни коротал он с такими же, как и сам, бездомными молодыми бродягами. Изредка они собирались вместе на ночевку, долго и шумно переговариваясь, а на рассвете снова разлетались кто куда. Удачливые, нашедшие обильный корм спешили сообщить о нем истошными криками своим собратьям, спешившими на зов, чтобы разделить трапезу, принадлежащую по праву оседлым парам, бессильным перед дружной ватагой молодых разбойников.

Осень застала молодого ворона в предместье огромного города, окруженного березняками и ельниками, рассеченными широкими, уходящими за горизонт просеками. До конца осеннего пролета молодой ворон кормился на высоковольтных просеках, собирая страшную жатву ночных трагедий, а к зиме перебрался к городской свалке. Пищи было вдоволь. Ее хватало несметным полчищам ворон и галок, стаям бродячих собак и двум десяткам бездомных воронов. Вторая зима прошла благополучно, если не считать двух дробин, оставленных ему на память-науку в левом бедре полупьяным мужиком, сторожем свалки, выместившим житейскую безысходность на неповинной птице.

В окрестных лесах еще лежал чуть тронутый оживающим февральским солнцем снег, когда ворон почувствовал непривычное беспокойство. Это не была прежняя неумность молодого бродяги. Исподволь в нем зрело желание. Близилась встреча с будущей подругой. Она появилась в его жизни в марте, под серебряный свадебный пересвист синиц и барабанную дробь пестрых дятлов. Молодые и сильные, опаленные жаром первой любви, крыло к крылу, облетали они бесчисленные перелески в поисках свободного, не занятого места. В конце марта его подруга уже сидела в только что построенном гнезде, черневшем темной грудой на ажурной ферме высоковольтки. Широкая заболоченная просека, пестрая от рыжих проталин, тянулась через березняки и осинники. Стальные великаны - опоры ЛЭП, выбегали у горизонта на просторы еще заснеженных полей, теряясь в дымке весеннего утра. Вместе с прошедшей зимой кончилось его одиночество. Впереди была прекрасная, как это весеннее утро, и долгая, как уходящая к горизонту просека, жизнь.

Длиннохвостые синицы

Майский дождик, всю ночь напролет нежно шептавший что-то молодой листве, к утру изнемог от неги и тихо умер. Тонкие березки на краю заболоченного леса немного погрузили о нем в предрабасветной хмари, роня на прошлогодний опад и свежую зелень болотного разнотравья редкие капли-слезинки, но быстро утешились, обласканные утренним ветерком. Солнце еще не встало, но уже угадывалось по бледной зорьке, когда самец длиннохвостой синицы окончательно вынырнул из полузабытья весенней ночи. Его подруга еще спала в теплом, закрытом гнезде, плотно посаженном мягким сероватым яйцом в развилке ствола ольхи, чахнувшей на самом краю болота. Ольху покрывали седые лишайники, точно такие же, как на внешних стенках гнезда, и оттого заметить его, даже вблизи, было совсем не просто.

Всю прошлую осень и зиму синички кочевали в общей стае с другими синицами, поползнями и пищухами, оживляя своими голосами уснувший лес, но ранней весной облюбовали нынешнее место для гнезда. За неделю до конца мая самочка села насиживать крохотные яички, белые, в красноватых крапинках, нежно опекаемая своим заботливым супругом. А жизнь текла своим порядком. Весна незаметно выросла в лето. Голые крошки-птенцы стали появляться на свет под утро, на Троицу. Уже к вечеру следующего дня появился девятый, последний и самый слабый. Прожил он всего одну ночь. Зато остальные, быстро освоившись с праздником жизни, заявили о себе неумным аппетитом. Родители с утра до вечера искали для них корм - мушиную мелочь и паучков. Их легкие, пушистые длиннохвостые силуэты то и дело возникали на краткий миг, чтобы тут же исчезнув, появиться рядом, в другом месте, то в кронах березок, то в куртинах ивняков. Отдых наступал только в сизых сумерках и длился недолго - летние ночи коротки. Подрастающие птенцы просыпались рано, до рассвета, неугомонно ворочались и толкались, устраиваясь

повыше к выходу - окну в большой мир, для них еще враждебный и незнакомый.

За неделю до вылета птенцов случилось несчастье. Самка перепелятника опередила синичку-мату всего лишь на миг, мелькнув серой тенью, навсегда погасившей свет в глазах пичуги. Теперь отцу семейства приходилось работать за двоих. Хорошо еще, что корма хватало, стояли теплые июньские дни и комариной мелочи было вдоволь. В окрестных лесах доспевала сизой поволокой черника, когда птенцы покинули гнездо. Какое-то время они еще зависели от овдовевшего отца, но к середине июля освоили искусство выживания, не раз спасаясь от серого разбойника, перепелятника. Лето быстро катилось к осени. Иволги, жившие по соседству в березняке, уже отбыли к югу. Пришла пора расставаться с детьми, разлетевшимися кто куда. Изредка отец видел их мельком, кочуя по местам, где прошла его жизнь с ушедшей подругой. Какая-то непонятная, но властная сила удерживала его здесь, мешая покинуть родное болото...

Островок старого ельника, чудом избежавший гибельной судьбы елового массива, давно уже порушенного звонкой сталью топоров, был виден издали темным пятном среди низинных березняков, выросших на месте порубленных елей. Березняки были чуть ли не вдвое моложе старого ельника, уже совсем недавно вновь убереженного счастливой судьбой от тупой остервенелости ненасытно воющих бензопил. Ближайшая автомобильная трасса рассекала окрестные леса километрах в пятнадцати, и не могла дотянуться свинцово-перегарным языком-шлейфом до живой зелени елей, распростерших замшелые, в сизых лишаях, лапы над лесным ручьем, говорливым по весне и покойно ленивым в прочее теплое время года. В сумрачной прохладе елового полога, нерукотворной обители вечности, где отпускает душу суетность обыденной жизни, была зеленая вселенная крошечных существ - желтоголовых королек, птах размером не более спички, северных колибри наших хвойных лесов.

К исходу марта ранняя весна изрядно подъела снег под пологом ельника. Ноздреватый и посеревший, обреченно, с печальным шелестом оседающий под ногами, он продержится еще пару недель и уйдет талой водой в лесные ручьи. Но пока понизу от него тянет стылým холодом. Зато вверху, в залитых солнцем еловых кронах, тепло и уютно. Корольки выбрали огромную шатровую ель с ветвями, расчесанными на пробор - сверху вниз, шалашиком. Присмотрели они ее сразу после зимних кочевок по заболоченным березнякам.

Корма в старом ельнике было вдоволь. Коконь мелкий, с булавоочную головку пауков, яйца и личинки малых невзрачных мошек, бабочек и жучков. Ничто не ускользало от придиричивого взгляда птичек-крошек, неумоимо копошащихся в дебрях еловых ветвей. Назойливо наглых ворон здесь не было. Они повывелись года три назад, вскоре после того, как в ельнике поселилась самка ястреба-тетеревятники, большие любительницы до голубей и серого воронья. Сами корольки для желтоглазого хищника не добыча - мелочь недостойная внимания. Зеленовато-серые пташки, с белыми полосками - зеркальцами на мягких крылышках, крохотные, тельцем с наперсток, грамм в пять весом, в золотисто-оранжевых шапочках - непостижимый образец гармонии формы и цвета. Удивительно хрупкие создания дикой природы, привычные к российским морозам и метелям, беспомощно трогательные комочки перьев.

Тем временем весна правила бал. Тепло и море солнечного света бередили птичьи сердца, рождая весенние гимны во славу любви и жизни на Земле. Крошка королек не отставал от других, без усталости распевая свою негромкую песню. Гнездовая территория королек в пору самим малюткам птичкам. Старая ель с гнездом да еще несколько кормовых деревьев в радиусе двадцати метров, вот и вся собственность супружеской пары на время вывода птенцов.

На окрестных пашнях, по краям сырых западин, подсыхающих только к середине лета, сели на яйца чибисы. Над опушками и просеками откружили свое, справляя весенние свадьбы, длинноносые увальни вальдшнепы. Весна клонилась к лету. К началу мая гнездо королек было почти готово. Плотно свитая из травинки, мха и паутинок корзиночка, подвешенная снизу еловой лапы высоко над землей, совершенно терялась в зелени ветвей. Птицы трудились над гнездом вторую неделю, оставалось совсем немного - выстлать его изнутри мягким пухом и перышками, но погода распорядилась по-своему. Вернувшиеся вдруг холода, сыпанули с осевшего тяжелыми тучами неба ледяной, молочно-серой крупой. Засвистели, в уже тронутых зеленым дымом новорожденной листвы березовых ветвях рвущим ледяным ветром, заметно охладив любовный пыл птичек. Завершение гнезда затянулось на целую неделю. Но весенняя непогода всего лишь малый каприз природы. К середине мая о холоде уже и не помнилось. В соседнем березняке только-только пролилась чистой флейтой первая песня иволги, а в уютном, теплом гнезде королек уже лежало шесть крошечных светлых, в бурых крапинках яиц.

Только любовь творит на Земле чудеса. Из самой малости, взору человеческому вовсе недоступной, рождает она жизнь. Материнская нежность, неистребимая мудрость женского начала безошибочно подсказывала королеке-матери, как уберечь слабые искорки жизни ее потомства. Зыбка незримая грань между жизнью и смертью, тонкой паутиной дрожит она на ветру вечности, прикрытая только материнским

теплом. Две недели самочка короля заболталась о яйцах. Согревала их свежими майскими ночами, прикрывала собой от дождей. Если отлучалась, то только чтобы перехватить комаров да мошек, в спешке, тут же рядом, на еловых ветвях, и снова в гнездо. Зародыши дышат, и яйца нужно время от времени переворачивать, чтобы не залежались на одном боку. В жаркие дни она давала им немного остыть, ведь для неокрепшей жизни, чуть мерцающей во тьме небытия, одинаково губительны и недостаток тепла и его избыток.

Птенцы появились на свет дружно. Первый под - утро, еще в темноте, последний уже ближе к вечеру. Забот в семействе королек прибавилось. Крохотные, едва различимые комочки розовато-красной голы, полу глухой и слепой плоти, требовали постоянного тепла, а чуть позже уже и корма. Родители старались, как могли. Набив клювики паучьей и мушиной мелочью, собранной тут же неподалеку на еловых ветвях, они спешили к вечно голодной ораве птенцов и так без конца, с восхода до темноты, по триста раз в день. Зато птенцы росли быстро. Уже через десять дней им стало тесно в гнезде, и они стали из него выбираться, рассаживаясь на еловой лапе, надутые, вечно голодные крошки, покрытые пушком и перышками.

Теплые дни летели незаметно, погода словно оберегала птенцов. Оперившиеся, но еще чуть короткохвостые, они ловко лазали и перепархивали в кроне родной ели, пытаясь самостоятельно отыскивать корм. Родители еще кормили их, но не столь часто. А еще через неделю повзрослевшие и полностью оперившиеся птенцы улетели в самостоятельную жизнь. Взрослым королькам скучать не приходилось. Им предстояло до осени вырастить еще один выводок. Все начиналось сначала, с постройки нового гнезда, забот, радостей и тревог птичьей жизни. Как сложится эта недолгая, но по-своему неповторимо прекрасная жизнь?

Погожий день мягко догорал румяной зорькой, тая в апрельских сумерках. Запоздалые шмели, деловито басыщие в цветущих ивах, шумно снимались с душистых ветвей, тяжело унося последнюю вечернюю добычу золотистой пыльцы и нектара. Мало-помалу затихли голоса в весеннем хоре птиц. Смолкли зяблики, пролив серебро вечерней песни, стихли зарянки и только певчий дрозд нет-нет, да и нарушал нарождающуюся тишину. Кисея тумана над заболоченной опушкой сырого березняка чуть шевельнулась от прохладного дыханья явившейся ночи и застыла легкой пеленой, голубовато-серебристой от полной луны. Потемневшие куртины ивняков на опушке настороженно замерли, словно вслушиваясь в живую тишину весенних сумерек.

Издали донеслось, ходко накатываясь поверху, гортанно-мягкое хор, хор, хор и тут же, следом, в зыбкой лунной дымке возник, быстро наплывая и обретая черты длинноносой птицы, - вальдшнеп. Уже несколько дней кряду искал он себе подругу, с заходом солнца терпеливо и методично облетая лесные просеки, сырые опушки и зарастающие мелколесьем низины. Найти самку совсем не просто. Многие женихи об эту пору гибнут, встречая вместо желанной невесты, слепяще-рыжую вспышку ружейного выстрела. Бьются несчастные птицы оземь с поломанными крыльями и посеченными дробью животами, редко попадая в руки стрелков. Чаще долго и безнадежно истекают горячей кровью, чтобы под утро стать легкой добычей черных воронов или рыжей лисицы, тех, кто на свою удачу ближе окажется. Но даже если убережет судьба от нелепой гибели, поди, сыщи вальдшнепиху, затаившуюся где-то под кустом, меж кочек. Одна надежда, что ответит самочка на любовный зов, и словно споткнувшись на лету, устремится к ней счастливый избранник, поспешно нырнув к земле.

Долгожданная встреча случилась только в конце апреля. Птичья свадьба дело нехитрое, но тоже времени требует. Оказавшись вместе, они долго и церемонно знакомились. Он кружил около нее с припущенными крыльями, распушив в экстазе перья головы и шеи. Она, еще нерешительно настроенная, пугаясь очевидной его страсти, убегала, семеня короткими лапками, порой перепархивая. Самец не отставал, неутомонно являя ей знаки пылкого желанья, коим она, наконец, уступила в укрывшей их под утро куртине молодых елочек. Гнездо устроилось неподалеку от места их первой близости, на краю ольховой поросли, метрах в десяти от сырой просеки. В начале мая, в ямке, чуть убранной сухими травинками, появилось четыре яйца, серовато-бурых, в темных крапинах, под цвет лесной подстилки. Вальдшнепиха грела кладку старательно, не покидая ее без особой нужды, таясь от редких прохожих, забредавших в ее лесные владенья за ландышем, весенним грибом, или по какой другой надобности. С появлением яиц интерес вальдшнепихи к самцу как-то разом иссяк. Ее теперь целиком занимала забота о будущем потомстве. Друг ее, тоже порядком поостыв к семейной жизни, держался сначала рядом, неподалеку в сыром ольшанике, прилетая туда на дневку, но вскоре исчез из ее жизни окончательно, занявшись поиском новой подруги.

В вальдшнепином племени забота о потомстве дело сугубо женское. Нужно греть кладку, беречь ее от четвероногих и пернатых хищников. Притворяясь больной и немощной, шумно, с риском для жизни, отводить от гнезда шалых деревенских псов и кошек. За неделю до вылупления птенцов рядом с гнездом прошли олени. Но обошлось, кладка уцелела. В память о пережитом страхе остался след копыта, в полуметре от гнезда. Три недели насиживания минули незаметно. Теплым вечером, в конце мая, появился на свет ее первенец, а к полудню следующего дня их было уже четверо. Быстро обсохнув в теплом пере матери, сначала робко, потом все смелее, они стали выбираться к свету, неуклюже спотыкаясь на непослушных лапках. На освоение науки самостоятельной жизни отпущено вальдшнепятам немного, дней пятнадцать, двадцать.

Жаркий июньский полдень застал семейство в сырой ложине, в километре от покинутого гнезда. Уже подросшие, голенастые, но еще короткоклювые птенцы, могли сносно перепархивать и самостоятельно искать пищу, суетно роясь в лесной подстилке, или норовя стащить ее у более удачливого соседа. Беда пришла нежданно. Беспечные вальдшнепята широко разбрелись, увлеченные поиском корма, и даже не

заметили гибели одного из них в зубах горностая, просто их стало трое. К середине июля они научились неплохо летать. Вальдшнепиха еще держалась рядом, но дети в ее заботах уже не нуждались. Им еще не хватало житейского опыта, но он обретается каждым самостоятельно. Пока вальдшнепятам везло, но кто знает, что может случиться до первых заморозков, времени отлета на зимовку в Закавказье, Северную Африку или Индию? А на зимовке те же заботы. Уберечься от когтей и зубов хищников, вовремя заметить человека с ружьем, а еще болезни, непогода и долгий, полный опасностей и невзгод путь домой, следующей весной, чтобы из года в год, из века в век, повторялась нелегкая и все же, такая прекрасная жизнь.

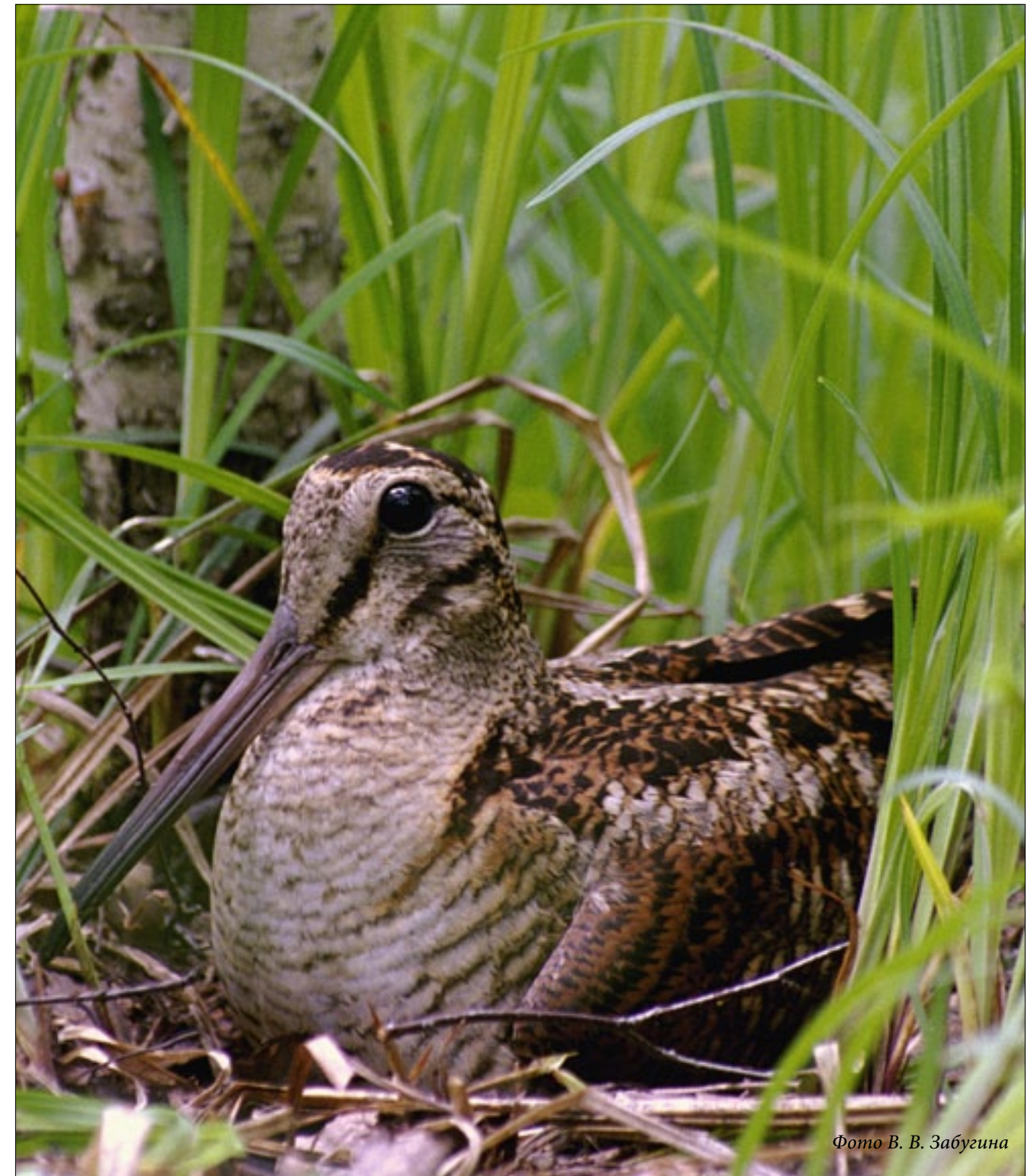

Фото В. В. Забугина

Чибисины страсти

Рассказ о чибисах был написан давно, еще осенью, но не было хороших фотографий этих птиц. Вот почему я ожидал прилета чибисов с особым нетерпением. Весна сказала ранней, но птицы задерживались, и, как выяснилось, не зря. Тепло как-то сразу кончилось, и к середине апреля резко похолодало. Рано выгнанная зима, словно в отместку, сыпала серой ледяной крупой на новорожденную зелень березняков и золотисто-желтые шапки цветущих ив. Холодный, рвущий ветер зло раскачивал верхушки елей, бесшабашно гулял с присвистом в дрожащих, словно напуганных его буйством кронах осин, и, казалось, круговерти этой конца не будет. Но к маю тепло все же вернулось. Дружно занялась белым цветом черемуха, поднялись свежей зеленью луговые травы. В лучах вечернего солнца зажглась теплой бронзой молодая листва на дубах. Зажглась и погасла, смертельно, дочерна обожженная жестоким ночным заморозком - последней яростью уходящей зимы. Настоящее, ровное тепло установилось только к середине мая. Прилетевшие еще в апреле чибисы наконец-то расселись по гнездам. Дела житейские не оставляли много свободного времени и все же удалось выкроить несколько дней для фотосъемки. Место для этого выбрал в пойме Москвы-реки, недалеко от Крылатских холмов. Гнездятся здесь чибисы группами, в несколько пар, иначе от серого воронья не отбиться.

Просидев на краю поля, в тени одинокой старой ветлы, часа три, выяснил, где у птиц гнезда устроены. В моем углу было пять гнезд на расстоянии 20-50 метров одно от другого. В гнездах уже лежало по четыре яйца - полные кладки, но птицы вели себя осторожно и, потревоженные, долго не возвращались к яйцам. В тот день я ограничился осмотром гнезд, пометил их сухими капустными стеблями, оставленными в поле после сбора прошлого года урожая, и уехал, не стал тревожить птиц понапрасну. Вернулся только через три дня. Утро выдалось тихое и солнечное. До гнезд идти с километр зеленым пойменным лугом, обильно расцвеченным золотистыми одуванчиками. Со всех сторон слышны песни желтых трясогузок, коих здесь пока еще много.

Устроившись в скрадке на краю поля, метрах в пятидесяти от ближайшего гнезда, замер, жду, что будет. Минут через двадцать птицы успокоились и расселись по местам. Самочки в гнездах, самцы на отшибе, метрах в ста, на страже. Их дело теперь, после того как подруги сели на яйца, ворон гонять, что они и делают с большим усердием. Народ в пойме похаживает, то рыбак появится, то гуляющие. Изредка птиц беспокоят. Смотрю я на них, а они, как люди, разные по характеру. Есть такие, которые подпустят нарушителя покоя метров на 150 и уходят с гнезда тихо, крадучись, словно растворяясь среди борозд голой пашни. А

ного из марли и посаженного на старый зонтик, чибисихе явно пришлось не по душе. Ходит около гнезда, коротко тревожно покрикивая, садиться не решается. Я замер, прижавшись к земле, боюсь голову поднять. Скрадок просвечивает, одно резкое движение и все прахом пойдет, не сядет птица на кладку. Аппарат стоит на штативе внутри скрадка, в полуметре над землей, ниже штатив не опускается. Чтобы дотянуться глазом до видеоискателя, нужно приподняться по-тюленьи, вытянув шею и скособоцаясь на одном локте.

Решил сразу птицу не тревожить, дождаться, лежа на земле, что бы села на гнездо, а после очередной внешней тревоги уже следить за ней через 500 миллиметровую оптику фотокамеры. Все получилось по-моему. Уселась птица на гнездо, но тут же поднялась и бегом в сторону. Я лежал не шевелясь. В чем дело? Смотрю по сторонам и вижу: по противоположному краю поля идет пожилой мужичек. Останавливается напротив, метрах в 60 от меня, достает из сумки подстилку, раздевается догола, явно загорать собрался. Кричу ему из скрадка вполголоса, чтобы ушел подальше, не пугал птиц. Не слышит. Лежу, расстроился, время уже часа четыре. Пока он возлежит тут, птица на гнездо не сядет, а сколько он собирается блаженствовать под теплым солнышком на зеленой травке в золотых одуванчиках, одному Богу известно. Беда, да и только! Кричать громко - себя обнаружишь, напугаешь птиц. Остается терпеть и ждать. На мое счастье, минут через двадцать нудист мой вдруг засуетился, натянул трусы и засеменял восвояси. Вскоре после его ухода появилась как из под земли, чибисиха. Побегала кругами и с шестого захода уселась на яйца. Тут уж у меня все было готово - глаз у визира, палец на спуске.

К вечеру, часам к семи, отснял пленку. Налюбовался птицами, отвел душу. Возвращаясь домой, смотрел из окна автобуса на пойму Москвы-реки - долго ли продержится этот участок живой природы по соседству с гигантским городом, неудержимо растущим и неотвратимо пожирающим последние, еще оставшиеся пятна живого зеленого мира.

другие, запыленные, взлетают с гнезда сразу, словно ветром их сдувает. Прошла беда стороной, бежит чибисиха к гнезду издали, короткими пробежками, а метров за пять от него, идет, втянув голову в плечи, пригнувшись. Подойдет к гнезду с опущенной головой, один хохолок торчит выше плеч, посмотрит несколько секунд на кладку, все ли цело, распушит перья на брюшке, усядется, головку на грудь опустит и замрет, подремывая на солнышке до следующей тревоги.

Пользуясь суматохой вынужденных отлучек чибисихи, я подтаскивал скрадок все ближе к гнезду, пока, наконец, с четвертой попытки не устроился метрах в 10 от него, даже буровато-зеленые, в темных крапинках яйца видны. Близкое соседство скрадка, сделан-

Малые подорлики

Старая кряжистая сосна, растущая у края заболоченной просеки, исчерченной кабаньими тропами, уже давно несла на себе тяжесть огромного гнезда. Его хозяева, малые подорлики, возвращались с зимовки рано, еще по последнему снегу, ко времени начала вальдшнепиной тяги. Тех птиц, что обосновались здесь первыми, давно уже не было. Теперь родовая сосна была во владенье крупной самки, их дочери. Орел появлялся у гнезда ненадолго, приносил корм для подруги, терпеливо согревавшей два крупных яйца, и, не задерживаясь, улетал на охоту в соседние луга, простертые зеленой вольницей в минуте-другой орлиного полета. Время текло в старом заболоченном лесу неспешно, но спорно.

Первые капли дождя мягко, чуть слышно просыпались легким бисером в кроны деревьев и травы. Бабочка чернушка, кофейно-коричневая, с красновато-кирпичной каймой и колечками-глазками на крыльях, резко качнулась и, почти падая, косо нырнула сухим листом в кустики черники, спасаясь от непогоды. Темная, налитая ненастьем туча подползла и зависла над лесом, словно примеряясь, и вдруг, разом, стеганула тяжелым дождем.

Орлица сидела на гнезде, прикрывая собой крошек-птенцов, еще совсем беспомощных, покрытых нежным белесым пухом. Первенец появился на свет три дня назад и был заметно крупнее сестры, вылупившейся только прошлой ночью. Старший птенец беспокойно копошился, устраиваясь удобней, бесцеремонно выталкивая сестру наружу, в холодный дождь. Мать в гнезде и отец, устроившийся неподалеку на толстом обломке сухой, выбеленной дождями ветви, бесчинства не замечали. Жалобный писк малышки их не трогал. Слабый гибнет - таков закон орлиной жизни.

Две недели спустя орленок остался в гнезде один, вконец забив ослабевшую от недоедания сестру. Взрослые птицы продолжали исправно кормить уцелевшего птенца, принося ему лягушек, полевок и мышей. Сначала они по очереди согревали его, но с появлением у птенца густого шерстисто-серого пуха стали оставлять одного, подолгу пропадая на охоте.

К июлю природа расщедрилась на летнюю благодать. Разомлевшая негой земля щедро дарила жизнью леса и луга. В травах на орлиной просеке вылезли, красуясь бархатисто-серыми шляпками подберезовики. По сырым лесным полянам уже отцветали последние ночные фиалки. Сразу от опушки орлиного леса начиналось луговое раздолье и тянулось изумрудным маревом трав к дальнему горизонту, темневшему полосой другого чужого леса.

Еды было много и далеко летать за кормом не приходилось. Самец покидал место ночлега первым. Шумно срывался с края гнезда, летел низом просекой, медленно набирая высоту, и уходя над самыми кронами к полосе сырых опушечных ивняков, а дальше за ними - в луга. Здесь, полоща крыльями, он шумно громоздился на сухое дерево, белесым скелетом торчащее в живом море луговой зелени, и надолго замирал в ожидании добычи, гонимых голодом в росные травы полевок и мышей.

Ближе к полудню, когда высыхала роса, орлы охотились на земле, чинно в раскачку вышагивая меж лугового кочкарника, не брезгуя крупными кузнечиками, кобылками, жуками и улитками. К середине дня распаренная на солнце земля щедро возвращала небесам тепло, и можно было без особого труда подолгу парить в восходящих потоках теплого воздуха, высматривая добычу сверху.

Так день за днем текла орлиная жизнь в поисках пищи для себя и растущего птенца. Подросшему птенцу в гнезде не сиделось. Он перебирался, неуклюже ковыляя и размахивая крыльями на соседние толстые сучья и подолгу сидел в сытой полудреме, пока, вернувшийся голод не возвращал его в реальность окружающего мира, к шуму леса и придушенно истошным криками серых цапель, гнездящихся неподалеку в сосновом лесу.

Отлучки взрослых птиц становились все более продолжительнее. Принесенную пищу, они отдавали ему целиком, не расклеванной. Орленок учился справляться с добычей, подолгу копаясь с оставленными в гнезде лягушками, некрупными птицами, ящерицами, змеям и полевками.

К началу августа оперившийся и окрепший орленок уже мог перелетать с гнезда на соседние деревья, а к середине месяца стал сопровождать родителей в охотничьих вылазках. Взрослые все еще подкармливали птенца, но все реже и реже.

В конце месяца дом орлиный опустел. Уже осенью, на пролете, молодой орел оставит родителей и, освоив азбуку вольной жизни, вернется, после нескольких лет одиноких скитаний на родину. И если встретится ему в положенный срок подруга, сложится на родной земле на долгие времена новый орлиный дом.

Там где живут зимородки

Обрыв выделялся светлым пятном на заросшем лесом берегу. Обвисшие корни деревьев отчасти скрывали вход в норку, устроенную на вертикальной стенке, чуть ниже задерненного, верхнего края обрыва. Такое место здесь, в верховьях Западной Двины, сразу не сыщешь. Высокие берега не редкость, но все больше пологие. Где тут нору вырыть? Хорек или ласка доберутся до нее в два счета, и прощай потомство. На обрыве до норы не долезть, да и место безлюдное. Редкий рыбак пройдет хрустким каменистым берегом, заросшим осокой да мятой, пугая полчища синекрылых стрекоз. По-кошачьи вскрикнет потревоженная иволга, и снова только глухой неровный шум речного переката снизу да неумолчный говор листвы на речном яру.

Глухое место, самое подходящее для хозяев норки. А вот и один из них дал о себе знать пронзительным криком: ци-и фи, ци-и фи, сначала снизу, от реки, а чуть позже, шумно фуркая крыльями, явился и сам крикун - зимородок. Уселся неподалеку от норы на торчащий из обрыва березовый корень. Что тут скажешь - чудо как хороша птичка. Невелика ростом, чуть поменьше скворца будет. Довольно большая для кургузого короткохвостого тельца голова, с длинным острым клювом укрыта, синей, в светлых пестринах, шапочкой. Щеки коричневатые. Ниже щечек - синие усики. От ушей, они у птиц перышками прикрыты, к затылку - белые полосы. Горло светлым треугольником, вершиной к клюву. Плечи и крылья, синие в светлых крапинках. Спина и хвост атласно лазорево-голубые. Грудка и брюшко золотисто-каштановые. Лапки короткие, кораллово-красные, со сросшимися у основания пальчиками, крошечными грабелями, такими норку копать удобно. Сидит птичка столбиком, в клюве рыбка серебром чешуи поблескивает - корм для сипло свиристящих в глубине норы птенцов. Там, на длину вытянутой руки, коридор, в конце которого гнездовая камера, где на рыбьих косточках и чешуе сидят пять - шесть, вечно голодных птенцов.

Зимородок-отец, только что прилетевший с кормом, отличается от своей подруги чуть большей яркостью пера. У самочки перышки крыльев чуть зеленее будут, но разницу можно заметить только вблизи, когда они рядом сидят. Уселся самец с рыбой в клюве, осматривается, в гнездо сразу не летит. Убедившись, что все вокруг спокойно, пискнет пронзительно - ци-и, ци-и и юрк в норку, да так быстро, что глазом моргнуть не успеешь. А секунд через пять, пятясь, из норы выпал, развернулся на месте, мелькнул синей искрой, как на салазках скатился над песчаной осыпью обрыва. Уж и след простыл, снизу от реки кричит. Кормящий зимородок вылетает из норы спиной, потому что в гнезде места мало, все птенцами занято. В такой тесноте разворачиваться - только время даром терять. А вот из гнезда с яйцами птичка выбирается головой вперед. Выглянет, осмотрится и только потом улетает на волю.

Покинув норку, после кормления птенцов, зимородок с размаху плюхается в воду и тут же выпархивает на ветку притопленного дерева. Отряхнется, лапкой поскребет головку, клювом взъерошит перышки на груди и спине, почистит крылышки и снова в воду. И так раз пять кряду. В норе у птенцов довольно грязно, и кормящей птице часто приходится купаться. Помылась птичка, почистилась и с криком полетела пулей у самой воды на свой любимый насест в тихой заводи - рыбу ловить. Зимородок рыболов отменный, без добычи не останется. Охотится он не только с насеста-веточки. Бывает, летит синим самоцветом над рекой и вдруг взмлет круто вверх, зависнет метрах в восьми над речной гладью, только крылья раскрытыми веерами на солнце жемчужно посверкивают. Колибри, да и только.словно из цветка-невидимки нектар в небе над рекой пьет. Повесит секунд пять отлетит в сторону и снова завис в одной точке, рыбу высматривает.

Случается, словит зимородок рыбку побольше, с себя ростом. Держит редкую добычу: клюв циркулем, рта не хватает, острый язычок между половинками клюва торчит. Перехватит рыбку так, чтобы она на одну сторону клюва свесилась, и давай головой из стороны в сторону мотать, рыбешку о сучек добывать. Стараются до тех пор, пока добыча в клюве замертво не обвиснет. Чуть отдохнул и полетел детей кормить.

Самка вторую кладку в соседней норе греет, а супруг один старается, с утра до вечера птенцов кормит. Раза два в час по рыбке приносит, но и о себе не забывает, нет-нет, да и проглотит рыбешку, личинку стрекозы или водяного жука. Не легкое дело одному детей докармливать. А бывают дни и совсем трудные. Это когда крепкий ветер рябь по воде гонит или того хуже - сильный дождь водную гладь словно дробью сечет. Не видно зимородку рыбы, одна надежда, что битую щукой, окунем или жерехом, больную да убогую на поверхность серебряным боком вывернет.

Если есть в мире птиц педанты, то зимородка смело можно причислить к ним в первую очередь. Птица эта даже на ветку просто так не сядет, а только на давно облюбованную. И в любовных играх порядок строгий. Все как по прописи. Готовая к ласкам самочка вылетает из гнезда и садится на присаду у воды. Сидит, чистится, выкупается для разнообразия, посматривает по сторонам, друга дожидается. Он на рыбалке, ему детей кормить надо, из первого, предыдущего выводка. Но вот насторожилась птичка, что-то услышала и негромко пискнула несколько раз: ци, ци, ци. На голос подруги явился отец семейства

с рыбкой в клюве. Уселся рядом на ветке топляка, в гнездо, как заведено, не спешит - оглядеться надо. Нетерпеливая хозяйка торопит его, раздраженно чвикает, даже клевать пытается. Улетел самец к детям, секунд через семь назад летит и с размаху плюх в воду. Понырял, перо почистил. Самочка ждет, распушилась, на лапках присела пониже, крылышки припустила, нежно попискивает. Не выдержал кавалер, шумно взлетел, завис над самочкой и тут же присел ей на спину, крыльями себе помогает равновесие удерживать. В раж войдет, подругу клювом за темечко треплет-щиплет. Головка у самочки от того площе, серее – перышки-то повыщипаны. Секунд через пять уgomонится ухажер и улетит на промысел. Самка в гнездо не торопится. Искушается, почистится и замрет, разомлев на солнышке. Бывает, что и дождетсЯ супруга еще раз, а уж тогда или в гнездо вернется, или на кормежку полетит.

На любовные утехИ тратят зимородки времени немного, пока самочка яйца кладет. И все это время самец держится гоголем, бойко и решительно, а подруга его ведет себя крайне скромно, уж такая лапочка! Но вот кладка завершена, и самочку не узнать, словно подменили птичку. Куда делась робость перед супругом? Теперь он буквально трепещет перед ней, поменялись ролями. Покормит птенцов, присядет около самочки, вылетевшей из гнезда отдохнуть на воле, сидит рядом, чуть дышит. Она же вытянется столбиком, голубой хвостик веером распустит, головка клювом в небо. Пропищит что-то строго. Супруг на лапках стал ниже, на веточке распластался, расслабленными крылышками трепещет. Пискнет что-то самка и полетела отдыхать часа на полтора, а он без задержки - в гнездо, кладку греть. Благо, что к этому времени птенцов предыдущего выводка реже кормить можно.

Насиживание кладки занимает у зимородков около 20 дней, а птенцы сидят в норке больше трех недель, и только последние 10-12 дней отец кормит их в одиночку. Вылетают птенцы сразу, без тренировки крыльев, когда только летать учатся? На второй день после вылета и ныряют не хуже взрослых. Слетки мало чем отличаются от родителей. Пожалуй, грудка чуть грязнее окраской да хвостик с клювом короче.

Вылетели птенцы, а у самца новые заботы - самке помогать очередную кладку насиживать. А там уж вскоре и новое потомство кормить надо. На зимовку собираются зимородки по-разному. Какие в августе - сентябре, а кто и до октября задерживаются. Уж и лед стал, только тогда последние рыболовы покидают родину, улетая в южную Европу, на юг Азии, или в Северную Африку. Изредка остаются зимородки у нас и в зиму, если есть на водоемах незамерзающая вода и рыбы вдоволь. Ну а те, кто улетел, вернутся весной, кто в живых останется. Появятся сразу, как вода весеннего паводка спадет. Если услышите после половодья пронзительный крик над рекой или озером - ци-и фи, ци-и фи значит, зимородок домой вернулся.

Ника

Собака Ника - лайка, русско-европейская, черная с белым. Уже не молодая, ровесница двенадцатилетнему внуку. Росли они вместе, днем в одном манеже спали. Месяцев до шести нос у нее был розовый, в черном крапе, буренкин, но с возрастом потемнел и стал черный, как кирзовый сапог. Пока была крошкой, легко проходила между прутьев манежа, но позже растолстела, просунет голову, а бока застревают. Очень расстраивалась поначалу, но пришлось смириться. В четыре с половиной месяца сделали ей прививку от чумки, чтобы на улице гулять. Надели ошейник. Что тут началось, истерика, да и только. Набок упала, глаза закатила, катается по полу, орет благим матом. Но вскоре сообразила, если ошейник надели, значит, на улицу поведут, а там воля, псы знакомые. Сама стала голову подставлять.

Росла Ника ласковой, игривой, со всеми собаками дружна. Но в годовалом возрасте случилось вывести ее без поводка. Не успела бедная отойти от подъезда, навалилась на нее матерая овчарка, что твой теленок ростом, подмяла под себя и давай душить. Пока отбили, оторвали истерично вопящую «девчонку» от озверевшей псины, досталось ей крепко. С тех пор собаку словно подменили. Подозрительной стала, чуть что, шерсть дыбом и бросается в драку первой. Но это на улице, а дома ее и не слышно, словно и нет вовсе. Вот только место для отдыха днем выбирает самое неподходящее - как раз на проходе, поперек коридора или на пороге комнаты. Ходят через нее, переступают - ухом не поведет, словно так и надо.

На третьем году жизни появились у Ники дети, пять щенков. Щенки вышли ладные, симпатичные. Мамой Ника оказалась образцовой. Родила сама, без всякой помощи, хоть и в первый раз, никто не учил. На руки щенков брать позволяла, но смотрела при этом так жалобно и тревожно, что становилось неловко ее беспокоить. Кормила детей исправно. Щенки быстро росли. Менялось и ее отношение к подрастающим детям. Молока становилось все меньше, а вскоре и вовсе не стало. Все в свое время хорошо. Но щенки этого не хотели знать и донимали мать до крайности. Пришло время, и малыши разъехались, кто куда. Мальчик и одна девочка в ближайшее Подмосковье, а остальные три сестры отправились в Сибирь. Позже из них получились хорошие зверовые лайки.

Сама родительница в лесу бывала часто, особенно летом, но больше вместе со мной на фотоохоте. Правда, случалось ей с другими собаками и на кабана хаживать. Живя все время среди людей в городской квартире и будучи от природы очень сообразительной, дошла Ника до того, что стала понимать речь, правда только в тех случаях, когда разговор ее кровно касался. Особенно по поводу всяческих вкусовностей, мяса и сладостей. Лежит в комнате, даже похрапывает слегка, но стоит заговорить на кухне о еде, намеками, не называя вещи своими именами - уже мокрый черный нос из-за косяка кухонной двери показался, а за ним и глаз с ухом, проверяет – не едят ли чего вкусного.

Собачья сообразительность удивительна. Бывало, задержишься с гуляньем - сидит, ждет, изредка по коленке лапой шкрябнет или даже утробно гукнет, вопросительно глядя. Жена однажды не выдержала, заступилась, мол, нечего собаку мучить. Собрался и пошел. Вскоре история повторилась. Этого было достаточно, третьего раза не понадобилось. Впоследствии ко мне она уже не подходила, а направлялась прямо к супруге, ожидая и определенно не напрасно, что скорое гулянье, со мной, состоится.

А вот и еще один пример сообразительности лайки. Написал текст о гадюке, а с хорошими фотографиями героини очерка никак не ладилось. Попадались все мелкие, а хотелось снять черную, матерую, так что бы от одного вида дрожь пробирала. Как раз в ту пору у нас появился дом на юго-востоке Псковской области в деревне Кресты, что просыпалась избами вдоль берега Западной Двины. Болот с гадюками там не мало, но найти крупную змею в середине лета не так-то просто. Ходим мы с Никой по болоту, я змей ищу, она, что-то свое вынюхивает. Друг другу не мешаем. Вскоре наткнулся на небольшую гадюку, только она сразу в кочкарнике скрылась. Собака рядом была, тявкнула для порядка и в сторону, а я стал в корягах шарить. Ника тоже нюхает, но осторожно, шерсть дыбом, бережется. Видно чувствует, что с такой тварью шутки плохи. Часа через три нашли еще одну гадюку, но и та убежала, не везет, что поделаешь. На том вроде бы и кончилось. Собрались домой, бредем по песчаному большаку, что бежит луговыми увалами да перелесками. Тихо вокруг. Бабочки адмиралы по обочинам дороги, у ручьев, где сыро, сидят в распахку, всей красой наружу – жарко. Ника впереди бежит. Вдруг шасть в придорожную канаву, только трава ходуном, да лай взახлеб, с отскоком. Ну, думаю, ежа прищучила, не иначе. Позвал, не идет, лает пуще прежнего, крутится на одном месте. Подождал немного, больно в канаву лезть не охота. Ноги и так за день по жаре намял. Но что делать, пришлось лезть. Траву палкой развел, а там лежит, свернувшись в тугой клубок черная гадюка, как раз такая, которую искал, злющая, шипит. Забрал ее из канавы, положил на дороге, снял десяток кадров и отпустил восвояси.

Долгое время Ника спала около входной двери на собственной подстилке. Подстилку клали только перед сном. Пока не положишь, будет ждать с обиженным видом. В прихожей около ее спального места устроена ниша стенного шкафа. Снизу она была занята обувью. Как-то нишу решили почистить и обувь убрали. Не успели сходить на кухню за веником, собака место ботинок уже заняла. Свернулась клубочком, вроде как спит, но приоткрытым глазом наблюдает, что будет, выгонят или оставят в покое. Трогать ее не стали, так и повелось, днем лежит у всех на дороге, а ночью к себе в берлогу залазит. Но на этом дело с берлогой не кончилось. Привелось ей неожиданно-негаданно стать родовым гнездом. Удивила нас Ника, родила в двенадцать лет щенков.

Собрались летом в деревню, куда собаку девать? Некуда, только с собой брать, а она в охоте, как на зло, совсем не вовремя. Подумалось: обойдется, собака старая. Приехали в деревню, как водится дел по хозяйству выше крыши. А тут еще кобели со всей округи проходу не дают. Соседский Тузик, десять сантиметров с кепкой, рыжевато-белая сарделька, на кривых коротких ножках у калитки бессменно дежурит. Берегли собаку как могли. Держали в комнате, выгуливали только на поводке – не уберегли. Дней через пять по приезду повесил новый умывальник на заднем дворе. Дернуло же меня позвать жену, оценить работу. Она на террасе читала, а заодно и за Никой присматривала. Та, в палисаднике под сиренью на привязи спала. Супруга минуты на три отошла. Возвращается, а там уж и свадьба кончилась, брачная ночь в самом разгаре. Проворонили собаку. По началу, думали, обойдется, уж больно невеста стара. Двенадцать лет, по человеческим меркам шестьдесят с гаком. Ошиблись, ровно через шестьдесят пять дней родилась пара щенков, чернушка и белянка.

Белянка - увалень, ласковая и спокойная. Окрасом, вылитая бабка, мать Ники – Маска. Чернушка с рождения оказалась скандальной, упрямой, а окрасом в маму вышла – черная с белым. От отца, небольшой рыжевато-серой овчарки с примесью лайки, щенкам ничего не досталось. Зато нам с женой от неожиданных «внучат» пришлось не сладко. Днем спят как суслики, а чуть ночь, колобродят, топают, борьбу устраивают, за мамкой носятся, как оголтелые. У той, к месяцу молоко на исходе, а им и дела нет – рычат, лают, своего требуют, хоть и на подкормке. Кефир со сметаной и яичным желтком с блюда уминают. Через полтора месяца жизни, на осадном положении, забрали у нас щенков студенты-охотоведы, одну в Солнечногорск, другую в Брянск. Тихо стало в доме, спокойно, а на душе кошки скребут, пусто как-то. Рискую показаться не в меру сентиментальным, все же позволю себе заметить, что, привечая кошку или собаку, обретаем мы власть неограниченную над существами абсолютно беззащитными перед человеческим жестокосердием, порой и не преднамеренным.

Случилось мне срочно уехать из деревни в Москву за внуком. Дорога не ближняя, полусуток туда и столько же обратно. Да еще дела в городе, дня три и набежит. Чтобы не дергать собаку, ко мне очень привязанную, уехал тихо, ушел огородами, через задний двор. Потом узнал от жены, что Ника все три дня лежала у калитки и ждала. На ночь, в дом, приходилось ее силой на поводке уводить, и почитай не ела ничего все это время. Можно объяснить такое поведение собаки стереотипно учеными фразами, но сдается мне, что все гораздо проще. Истоки всего живого, как и сильные эмоции, нам присущие, произрастают от одного корня и едины для всего сущего на земле. Конечно, общепринятая позиция, отвергающая у животных элементарные проявления души, очень удобна для нас, людей, поскольку оправдывает наше, подчас скотское отношение к братьям меньшим, но достойна ли она человека, вот в чем вопрос?

Страшной барана зверя нет

С чего бы ни начинался разговор бывалых полярников с приезжими новичками, где-нибудь в кают-компании полярной станции, обязательно заговорят о белых медведях. И на вопрос «А что, медведи на людей нападают?» - вам ответят: «А как же, вот у нас несколько лет назад, тут неподалеку, медведь замполита съел». Если собрать все истории о съеденных замполитах, бытовавшие в Арктике, диву даешься, отчего же их еще в живых столько оставалось? Но все это в прошлом, и конец замполитам пришел не от белых хищников-гигантов. Так жизнь распорядилась. Что же касается самих белых медведей, то с ними шутки плохи. Зверь, более чем, серьезный. Судите сами, вес крупных самцов до тонны, длина до трех метров. Прыжок с места около семи метров, а приземлиться мишка может на плоской верхушке тороса площадью в четыре медвежьих ступни. Сжатое с боков тело, покатым и очень крепкий череп, стальные мышцы шеи и плеч – все это делает зверя почти неуязвимым, когда он идет на охотника. Правда, свирепость белого медведя по отношению к человеку не правило, а, скорее, исключение. Очень опасен раненый или мучимый голодом зверь. Для сытого медведя человек не интересен, если ему не надоедают. Пройдет мимо, посмотрит искоса, через плечо, глазками-угольками и побредет дальше, загребая широкими лапами, отороченными густыми щетками жестких волос.

Плохо кончаются шутки с прирученными любимцами полярников. Выкормят малыша, побалуют сгущенкой, позабавятся, пока еще мал, а подрастет - куда девать? Людей такой зверь не боится, вырос среди них, и собаки ему привычны. Пришло время, ушел с «полярки» - самку ли искать, на волю ли потянуло. Результат один, навыков самостоятельной жизни в суровой Арктике от лохматой своей мамки не получил. Голодает и возвращается к людям, но уже к чужим и в другом месте. Начинается с помоек, грабежа балков в поисках пищи, а кончается увечьем или гибелью людей, да и самого зверя. Зверь, выросший на воле и получивший должное воспитание от медведицы, к людям просто так не полезет. На помойке, если и роется, то с оглядкой. Пугнут из ракетницы, толкнут ли слегка передком вездехода - уйдет в торосы и поминай, как звали. Самцы-странники много ходят, кочуют во льдах в поисках тюленьих мест. Самки, особенно

беременные, ближе к осени жмутся к высокоширотным островам, где им предстоит зимовать в снежных берлогах. Ведь медвежата рождаются в разгар зимней непогоды, крошечные, голые и слепые комочки. Полусонная мамка согревает их своим телом, кормит. И только поздней полярной весной впервые увидят солнце, подросшие и одевшиеся в белые шубки младенцы. Должно пройти еще много времени, прежде чем увальни-несмышлениши обратятся в великолепных и грозных повелителей бескрайней Арктики.

Однако не все так просто в жизни. Как в пословице с оплошавшей старухой, и на мишку бывает про-руха. Помню такой случай. Работал я тогда в составе экспедиции биологов на Балванском носу, что на самом севере острова Вайгач. Голые камни, чуть тронутые чахлами лишайниками да мхами, сырой сквозняковый ветер, туманы, печальные крики неприкаянных чаек над головой. Солнышко покажется – считай за праздник. Вот такая жизнь на полярной станции. Утро наше начиналось, как по будильнику, с глухих ударов «бум, бум, бум». Это местный предводитель крошечного овечьего стада, вечно голодный баран Борька, долбил лбом в дверь сеного сарая. Есть-то на острове нечего. С выпасом в высокоширотной Арктике не разгуляешься. Любимым развлечением террориста-Борьки было хитроумно выследить неосторожную жертву и крепко наподдать зазевавшемуся круторогим лбом пониже спины. При этом, выполняя замысловатые маневры захода с тыла, не ленился он нарезать крюки в полкилометра, а то и более. Понять его можно было. Не кормят вдоволь, так хоть пободаться вволю.

Жизнь на «полярке» монотонная, как заведенная, каждый день одно и то же. Если погода позволяет, работаем, потом кают-компания, книги, кинофильмы, поел, поспал и снова работа. Однажды сидим, отдыхаем после обеда, вбегает радист: медведь пришел, на помойке роется. Все повыскакивали на улицу. Я тоже выбежал, фотоаппарат на шее, в кармане ракетница. На случай, если зверя пугать придется, ракетница в самый раз. Медведь обычно лапой горящую на земле ракету ловит, на время отвлекается.

Основные зрители остались около дома, а мне нужно подойти поближе. Мишка, так себе, не старый, с хорошего телка ростом, не больше. Стоит ко мне задом, в помойке роется, на меня ноль внимания. Я уж и кричал и в помойку рядом с ним стрельнул. Обернулся он на секунду и снова за свое. Плевать ему на все, а на меня в первую очередь. Ну что делать? Ближе подходить страшно, черт его знает, что у

него на уме. Сбоку не подлезть, с одной стороны к помойке сарай сеной вплотную, с другой – высокий каменистый берег. Если медведь на меня пойдет, отступать будет некуда. Стою, жду, когда он боком повернется. И тут из-за сарая выходит Борька во главе своего овечьего гарнизона и прямо к медведю. Идет, не боится. Медведь, почуяв неладное, носом потянул, оглянулся, и оторопело уставился на барана. Да вдруг, как рявкнет.

Я ни раньше, ни потом рева белого медведя не слышал. Самое большее, на что он обычно способен, глухое урчанье или, если уж совсем достанут, сиплое шипение. Помнится мне, на крошечном острове Виктории, почти целиком погребенном под ледниковой шапкой, том, что лежит в студеное Баренцево море между Землей Франца-Иосифа и Шпицбергом, в компании с известным исследователем Арктики Саввой Михайловичем Успенским донимали мы крупного медведя, грызущего замороженную тушу моржа. Доктор Успенский с фотоаппаратом метрах в восьми, и я, в сторонке, страхую его с карабином в руках. Дурная затея, как теперь понимаю. Вот тогда злобного медвежьего шипения я и наслушался вдоволь.

Ну а что ж наш герой пред лицом барана? Крутнулся мишка на месте, помойка у него из под ног так и посыпалась и кубарем с высокого берега в море. Только мы мишку и видели. Сбежал болезный. Вот и выходит, что страшней барана в Арктике зверя нет.

Рябчики

Яиц было девять, но одно проглотила, медленно с трудом напаявшись на него, шалая гадюка, случайно наткнувшаяся на гнездо за неделю до выклева цыплят. Остальным повезло, они уцелели. Мало ли что случается за те три недели, что лежат в ямке, выстланной травой и листьями 6 – 10 пестрых, коричневатых яиц, где-нибудь у комля дерева, на кочке в заболоченном лесу? Какие силы у пары лесных курочек, чтобы отбить свою кладку у голодной лисы, маленькой, но жестокой ласки, енотовидной собаки, увальня барсука. Гибнут кладки в зубах собак, разоряют гнезда черные бандиты вороны.

Законы природы не шуточны. Страх и любовь правят миром. Страх хорошо был знаком им еще до появления на свет. Они понимали тревожные крики матери задолго до освобождения из яиц. Узнавали ее тихий, осторожный позыв, когда она возвращалась к гнезду после недолгих отлучек. По ее понуждающему зову старательно выбирались из плена, упорно долбя изнутри скорлупу яиц. О любви узнали позже, родившись, второй раз, теперь уже под солнцем, увидев свою мать, как и у нас, единственную и безрас-судно преданную своим детям. Через несколько часов, обсохнув и согревшись под крыльями рябчихи, цыплята шустро бегали, мельтеша живыми рыжевато-коричневыми шариками в траве лесной поляны. Через месяц, к началу июля, их было не узнать. Подросшие, в пестром детском перье, неутомные и любопытные, как все дети на свете, уже умеющие летать, рябчата ловко ловили различных насекомых, склеивали молодые побеги лесных трав, пощипывали ранние ягоды. При малейшей опасности ловко затаивались на земле или в ветвях деревьев. В сентябре молодые перелиняли в осеннее перо, почти неотличимое от наряда старых птиц. Они не нуждались больше в опеке матери, но все же охотно откликались на ее зов.

Тогда, в середине осени, на манящий свист откликнулись трое, он и две его сестры. Лесная поляна, поросшая по краям густыми елями, хранила молчание. Где-то здесь только что отзывалась мать, странно затихшая при их появлении. Обычно она не пряталась. Он был самым осторожным, вылетев не прямо на голос, а в стороне. Его он увидел за мгновение до вспышки пламени и грохота первого выстрела, снесшего с еловой лапы одну из сестер, вторую смертельно обожгло дробью в угон. Стрелок знал свое дело, она упала рыхлым комом окровавленных перьев, пролетев последние пятнадцать метров в своей короткой жизни. Сорвавшись с елки вслед первому выстрелу, в страхе и ужасе уносясь подальше от гибельной поляны, он намертво запомнил фальшивые звуки, подражавшие голосу его матери – голос смерти. Позже он не раз слышал их, научившись отличать сипловатый свист манка, от чистого перелива рябчиного зова, плывущего серебряной строчкой в сумерках сырых ельников.

Вскоре после страшных событий на лесной поляне пара взрослых и полдюжины оставшихся в живых молодых перебрались в долину безымянной лесной речки, коих в России не счесть, дающих приют юрким пескарям, черным, склизким व्यюнам и серебряным верхоплавкам. По речкам этим, где глуше, еще живут норки, а по обрывистым берегам гнездятся редкие теперь в наших краях зимородки. Еще до первого снега он нашел себе пару, молодую курочку, недавно перелетевшую на зимнее жилье в сырой приречный ольшаник с дальней зарастающей вырубке. Они не расставались, прожив вместе до середины зимы, но в январе подруги не стало. Накануне случилась оттепель, а к ночи подморозило и снег покрылся твердой броней наста. Заночуй они в такую пору в снегу, наутро к солнцу не выбраться. Станет теплая снежная постель холодной могилой для неосторожных птиц.

Они устроились на ночлег невысоко над землей в ветвях старой замшелой ели. Иглы зубов желтогрудого бандита кота куницы пришлось ей с легким хрустом чуть ниже затылка. Мгновением позже все было кончено. Урча и чавкая, удачливый охотник жадно вгрызлся в горячую плоть еще содрагаемую ознобом смерти. Гибель одной жизни дает продолжение другой, таков непреложный закон дикого леса.

Теплая многоснежная зима кончалась трудно, затягиваясь февральской непогодой, метелями и промозглыми оттепелями. На вырубках, в просевшем наста, обнажились обмокшие, почерневшие пни. Сиротливо голые деревья сыпали бисером осевшей в ветвях влаги. И только елки, сбившиеся зелеными стайками на краю леса, выделялись яркой свежей зеленью, напоминая о близкой весне. Голодно стало в лесу. Ломкие кусты калины и гладкие рябинки уже не горят рубинами замороженных ягод, оббитых птицами еще в середине зимы. Редкие, уцелевшие, изрядно общипанные грозди, пожухшие и побуревшие только добавляют сиротства поникшему под серым, ненастным небом унылому лесу. Остатки перезимовавшей клюквы и брусники, еще укрытые порядочными снегами, не всем доступны в это время. Проще всего добираться до ягод на больших моховых кочках, где осевшего снега поменьше, а ягод гуще. Он знал об этом. В самую глухую зимнюю пору, когда сошли ягоды на деревьях и кустарниках и опали плоды шиповника, рябчик кормился на березах и в ольшанике, с вечера набивая зоб сережками и почками. Теперь, ближе к весне, он все чаще вылетал на край болота, лакомясь перезимовавшей под снегом ягодой.

К концу зимы в бывшем выводке осталось меньше половины. Места им хватало. В недавнем прошлом люди не скупясь, сыпали на лес яды. Так они боролись с вредителями деревьев. Стало ли меньше неудобных им жуков и бабочек – трудно сказать, а лесная живность страдала определенно. В числе прочих тварей гибли и рябчики. Коех не отравили ядами, повыбили охотники. Но со временем у людей что-то не заладилось. Неурядицы человеческие, проистекающие от глупости и жадности людской, приводящие к бедности государственной, когда не хватает денег на дорогие ядохимикаты, обернулись благом для лесных жителей.

Ненастье кончилось только в середине марта, изрядно подъяв снега на открытых местах - полянах и вырубках. Ночные заморозки еще стекли лужи на пестрых от проталин дорогах, серебрили рыжие космы прошлогодних осок по берегам, еще скованных льдом речек, но горячее весеннее солнце легко, словно шутя, рушило содеянные за ночь хрустали льда и серебро инея, играя солнечными бликами в талых ручьях. С первыми проталинами, еще в начале весны, изрядно поредевшее семейство рябчиков перебралось из заснеженного ольшаника в хвойный лес. Близилось время любви.

Причины беспокойства он не знал, но с каждым погожим днем ощущал его все сильнее. Затихший, безголосый с конца января лес, оживал серебром синичьих песен, посвистом и трелями рябцов, нервной барабанной дробью дятлов. На голоса сородичей отвечал он теперь нетерпеливо, с вызовом. Шумно вылетал, не таясь в запальчивом порыве молодой, готовой к любви плоти. Нетерпимость к присутствию других петушков занимала все его существо. Он защищал свою территорию и был готов драться с любым, посягнувшим на его право продолжения рода. Обычно молодые рябчики находят подруг в первую осень жизни. Его подруга погибла, а новая появилась в начале апреля, когда, окончательно расправившись со снегами на полях, весна ступила полноправной хозяйкой под полог леса. Обреченно посеревшие

остатки былых сугробов затаились в страхе солнца в густых зарослях елок. На опушках и полянах, по серой отмокшей травяной ветоши, дружно занялись проростки трав. На теплых пригревах открылись солнцу желтые цветки гусяного лука. Вспучив прошлогодний опад, вылупились из земли каштановые шапочки курчавых строчков. Весеннее напряжение, поиски вожаемой подруги, нежное и страстное ухаживание, восторги близости и устройство гнезда не прошли для него даром. Заметно похудевший, но успокоенный петушок, постоянно томимый голодом и озабоченный поиском корма, восстанавливал щедро растроченные силы, держась неподалеку от гнезда. В первых числах мая, под утро, рябчиха снесла последнее, восьмое яйцо и теперь старательно согревала кладку. В такой же весенний день, год назад, тепло материнского тела подарило ему жизнь. Круг великого таинства обновления жизни свершился. Мир расстился перед ним изумрудными коврами молодых трав, звенел на все лады неумолчными голосами птиц, пьянил бездонной нежностью голубого неба. Полный безрассудства молодости, он не понимал глубины и важности творящихся вокруг перемен – чуда обновления жизни. Он просто жил в этом мире, как неотъемлемая его часть.

Воробьи

Родное гнездо было теплым и удобным. Воробьи строили его очень старательно почти весь март. Черногрудый отец то и дело подносил материал для семейного очага: травинки, кусочки ваты, собачью шерсть, пух и перья, найденные тут же в городском дворе или украденные по случаю у скандальных соседей. Слава Богу, осталась позади сырая осень с воробьиным мором. Многие его соплеменники отравились в глухой мрак небытия, ту общую копилку вселенской глины, из которой лепит Природа свои чада, со временем сминая их, подобно капризному дитяти, в пестрый пластилиновый ком, что бы ваять из него чудо бесконечной жизни.

Минула и суровая зима, проведенная вместе с галками, серым вороньем и сизарями у помоек и на карнизах окон сердобольных людей, где остатки каши и хлебные крошки во всю зиму не переводятся. Теперь весной было легче. Тепло, еды вдоволь, и все же не расслабишься. Кошки и крысы на городских чердаках не редкость. Так что гнездо устрой в безопасном месте, куда им не добраться. За кормом полетел – смотри в оба. Ястребы да соколы в больших городах теперь обычны. Но беды бедами, а жить надо. Серенькая избранница его, завоеванная в частых и шумных драках-свалках, уже грела шесть яиц. Вот-вот могли появиться птенцы. Сегодня утром, прилетев к гнезду с кормом для подруги, он впервые услышал их голоса, еще совсем слабые, приглушенные скорлупой и теплым пером матери.

Обыкновенные воробьи – оседлые птицы, век их не долог, но для таких крошек не так уж и мал, 10-12 лет. Как и у всех прочих животных, в вопросах семейной жизни лишние сантименты не в почете. Пришло время, в весеннюю пору, слепилась пара, но зато, сколько страсти и силы выплеснулось в воробьиных турнирах за право обладания серенькой самочкой. Идеализировать воробьев, конечно, не приходится. Бандиты они еще те. К примеру, захватывая гнезда ласточек, выбрасывают не только яйца и птенцов, но могут порешить и самих хозяев. По завершению брачного ритуала в птичьем мире не много места для супружеской неверности, хотя и случается, что черногрудый воробей успеет очаровать не одну даму. Но справедливости ради надо заметить, что и заботу о потомстве он делит между избранницами. Кормит детей в основном гнезде, но и сторонних не забывает. Воробьи тоже не без греха. Нет-нет, да и примет какая-нибудь ласку от пришлого ухажера, пока супруг в отсуствии. Но это не правило, скорей исключение. С утра до вечера самец в поисках пищи, чтобы прокормить мать семейства, ораву ненасытных птенцов (за год пара способна вырастить два-три выводка) да и себя не забыть. А корм еще найти надо. Нашел – не зевай, соседи рядом. Свои собратья городские воробьи и полевые, белошекие, всегда готовы из-за корма драку устроить. Хорошо еще, что прочие родственники по миру разбросаны. Ведь воробьев не

белом свете много и разных. По барханам и бугристым пескам пустынь селятся пепельный, с черным горлом, пустынный воробей и черношапочный саксаульный. В садах и рощах Кавказа и Средней Азии обычен черногрудый, или испанский воробей, по скальным осыпям и обрывам рек в Центральной Азии – чернолобый монгольский земляной воробей. В горных степях Закавказья и Средней Азии, в скалах и развалах камней, обитает желтогрудый каменный воробей. Есть еще короткопалый каменный, а на юге Сахалина и Курильских островов, в сырых пойменных лесах, гнездится рыжий воробей. Выносливость племени воробьев достойна удивления. Они живут даже там, где за год выпадает всего 10-15 мм осадков, а почва нагревается до 80° С. Пустынные воробьи Судана выкармливают птенцов при 50° С. Снежные воробьи (вьюрки) и каменные, что населяют нагорья Центральной Азии, переносят морозы - 60° С.

Совсем не простым оказывается воробьиное племя. Более 30 видов разбросано по миру. А все же только один вид, обыкновенный домовый воробей, заселил вслед за человеком Европу, Азию, Африку, Индию, Америку, Австралию и Новую Зеландию. Нет этих птиц только в Антарктиде. Где есть человеческое жильё, там и обыкновенному воробью место сыщется. И хотя обитают они в разных концах Земли, заботы у всех одинаковы, как и у людей, с которыми живут бок о бок. Родиться, подрасти, найти в этом суровом мире свою половинку, чтобы поднять на крыло детей. Тогда и жизнь воробьиная не звук пустой.

Черные дятлы

Сырой лог, когда-то давно бывший лесной речкой, обмелевшей сначала до ручья, а теперь и вовсе потерянной в таволге и кочкарнике, обреченно тонул в комарином звоне. Большие, как в тропическом лесу, ольховые деревья высились темно-серыми колоннами на мшисто-зеленых прикорневых буграх, словно приподнявшись на цыпочки, спасаясь от избытка земной влаги. Ближе к краям лога, там, где посуше ольховник уступал место старым осинам и темнохвойным елям. Выше, по песчаным увалам, тянулся к небу вековой бор-беломошник. Щедрое весеннее солнце, не скупясь, дарило теплом все сущее: несметные тучи мешерских комаров, шелковистые кроны корабельных сосен и бархатистую зелень ольхи. На припеке, по сухим буграм, игрались гадючьи свадьбы. В прогретых лужах и бочагах, по старым лесным дорогам, зрела лягушачья икра. Пернатые мамы старательно сидели на гнездах, согревая яйца и крошек птенцов.

Семейная пара черных дятлов, с конца марта обосновавшаяся в сыром логу, жила своей обыденной жизнью. Красавицы птицы: с ворону величиной, но много изящнее телом, в пере цвета бархатистой саж и роскошных карминно-красных шапочках, у самца поверх всей головы, у подруги его, кокетливым треугольником, только на затылке. У черных дятлов - желн в обычае подолгу гнездиться в облюбованных однажды местах, устраивая по несколько дупел, выводя птенцов в одном из них, используя другие для ночлега. Бывает, что их дупла с ранней весны занимают другие птицы. Особенно любят селиться в таких квартирах лесные голуби клинтухи. Вернувшись весной домой, после зимних скитаний по окрестным лесам и заболоченным гарям, хозяева не церемонятся. Гнездо выбросят, дупло вычистят. Сильные птицы, серьезные, с такими не поспоришь. Наши супруги были молоды, семейная жизнь для них только начиналась. В апреле они устроили дупло в старой, прогнившей по сердцевине осине. Высоко, метрах в девяти над землей. Не круглое, как у других дятлов, овальное снаружи, довольно глубокое и просторное внутри. Собственно долбила дупло самка, супруг только начал его, а она упорно продолжала, работая помногу часов в сутки. Самец держался поблизости, охраняя подступы к дому.

Пища была повсюду. Личинки рогахвостов, березовых заболонников, усачей и жуков короедов таились под корой и в древесине усыхающих деревьев. В больших высоких муравейниках под темными вековыми елями зрели шелковисто-желтые зерна муравьиных яиц - любимое лакомство желны и незаменимый корм для птенцов. Отыскав особо удачное место, самец оглашал лес чередой звонких криков: крЮ, крЮ, крЮ. Сильные звуки, оброненные строгой черной птицей, плыли под пологом векового леса, вплетаясь в весенний гомон птичьих голосов.

Весна спорно катилась к лету. Самочка уже вторую неделю терпеливо грела кладку - три белых яйца. Дятел подменял ее только на время кормежки. В яйцах уже угадывалась жизнь. Слышались слабые, приглушенные скорлупой звуки - сиплый писк. Насиживающая птица беспокойно ерзала в дупле, пятясь с поднятым вверх длинным жестким хвостом, привставала на коротких серых лапках. Склонив набок длинноносую голову, присматривалась светло-желтым глазом к яйцам, шуря другой, обращенный к свету, падающему сверху из отверстия дупла. Жизнь текла своим чередом, как было заведено в старом лесу тысячи лет назад. В середине мая забот в семействе дятлов прибавилось. Появились птенцы - голые, уродливо-толстоклювые и хрипло свиристящие от голода. Родители старались как могли с раннего утра до позднего вечера мотаясь за кормом.

Вначале желны выкармливают птенцов муравьиными яйцами и только позже подкармливают подросшее потомство насекомыми и их личинками. Правда, черные дятлы, как и прочие их длинноносые родичи - известные разбойники. При случае гнездо пичуги разорят в считанные минуты, ничего не оставят. Но все же обычно корм для себя и своих детей находят они под корой и в древесине больных деревьев, собирая по сотни и больше короедов с дерева или роясь в полу-гнилых пнях и муравейниках. Тут у них есть конкуренты - обряженные в изумрудно-серое перо зеленые и седые дятлы. Но желна сильнее своих братьев и потому открытых столкновений между ними не бывает. Правда есть беда похуже - кабаны. Пройдет стадо диких свиней по лесу, вспарывая лесную подстилку в поисках сладких корешков, дождевых червей и личинок насекомых, наткнутся звери на муравейник, разворошат, порушат его, добираясь до муравьиных яиц. Дятлам там после них делать нечего. Не любит желна соседства кабанов - чем ей в таких местах крошек-птенцов выкармливать? У наших птиц причин волноваться не было. Кабанов в их краях люди крепко повыбили, и муравейников хватало. Птенцы росли быстро. Теперь они встречали кормильцев теснясь и толкаясь, поочередно высываясь из дупла и сипло требуя пищи.

Жаркий полдень достал даже комаров, осевших в сырой подстилке и на исподе лесных трав, загнанных туда сухим жаром, напоенным смолистым ароматом разомлевших на солнцепеке сосен. Утомленные духотой дупла полуоперившиеся птенцы обреченно маялись, провалившись в тяжелую дрему. Их разбудил легкий шорох. Еще не очнувшись от полуденной одури, больше по привычке, чем от голода, они потянулись к свету, голоса и толкаясь в ожидании очередного кормления. Но вместо дятла увидели усатое чудовище с темными бусинами жадных глаз. Зверь плотоядно ощерился, шумно втягивая воздух. Задержись мать с очередной порцией корма, не миновать бы птенцам гибели. Самка дятла застала белку по плечи влезшей в дупло и, не раздумывая, долбанула ее в спину. От боли и испуга зверек метнулся рыжей молнией метра на три вверх по зеленовато-серому шелку осинового коры, но, увидев чуть ниже дупла черную, настороженно застывшую птицу, замер, поспешно соображая, что же делать дальше. Присутствие хозяйки явно не входило в разбойничьи планы белки. Переметнувшись на соседний ствол, она соскользнула на землю и, в несколько прыжков одолев расстояние до разлапистой ели, скрылась в ее густой хвое, злобно, почти истерично цокая на помешавшую ей птицу. На тревожные крики самки поспешно подлетел обеспокоенный супруг. Связываться с двумя рассерженными птицами было бы уж слишком, и рыжая воровка сочла за благо удалиться, нырнув с елки в густой подлесок орешника.

Дней через десять, после памятного переполоха, четырех недельные птенцы покинули ставшее тесным гнездо. Еще короткохвостые, в детском буроватом пере, они неуклюже и шумно лазали по стволам, отыскивая за отодранной родителями корой, личинок жуков, или копались под присмотром взрослых птиц в муравейниках. Но уже в конце июня, перелиняв в дымчато-черное перо, покинули родителей. Осиротевшие дятлы держались в ольховом логу до конца лета, но к осени пустились в вольное бродяжничество по лесной глухомани. Пройдет сырая унылая осень, потешится январскими морозами красавица зима и уже в марте вздрогнет от брачных криков и гулкой барабанной дробы еще укутанный снегами берендеев лес, и все повторится сначала.

Глухари

Сфагновое болото, поросшее чахлыми соснами и тщедушными березками, тянулось из края в край верст на сорок, а то и более, кто их эти гиблые версты в верховьях Западной Двины считал? Клюква, брусника и голубика - по сырым местам, сосновый бор да ельник, где суше. Пьянящий дух багульника вперемежку с вековой прелью болотного кочкарника - сущий рай для гадюк и глухарей. В таких местах глухарь из века не переводится. Городской охотник здесь редок. Пока с асфальта до мха доберешься, умаяешься, да и глухарь, если не золотым, то серебряным точно обернется. Местный люд глухарем не балует, накладно, ружейный припас дорог и добыть птицу не каждому впору, сноровка нужна, опыт. Ушлые в охоте старики числом все менее, а у молодых больше деньги на уме, тяготы глухариной охоты не по ним. Привольно в глухих болотах глухарям, если бы не огульная рубка леса, совсем было бы хорошо. Зимние невзгоды птице не помеха - глухарь не лось, не кабан, в снегу не тонет, крылья, куда хочешь, донесут, оно и летать далеко не надо. Сосновый бор с ельником по болотным гривам, где хвои и почек вдоволь, зимой глухарю этого довольно. В оттепель сытая птица на деревьях ночует, а в мороз - в рыхлом снегу. Но в снегу ночевать с опаской надобно. Рысь сцапать может или горностаю ненароком придушит. Мал зверек телом, да юрок больно, словно ртуть, где хочешь, достанет, а злобы на троих будет. Больше у наших глухарей, не считая человека, куницы, да филина, врагов серьезных зимой нет, велика птица. Крупный петух, после трех лет, когда перестает расти и тяжелеть, килограмм на шесть потянуть может, если не больше. Привилось однажды увидеть такого под осень на Западной Двине. Дело к вечеру было, на вырубке у края старого ельника. Засиделся, замешкался петух в малиннике. Огромный, с напряженно вытянутой шеей, черный в коричневу, как донельзя закопченный чугунок, вымахивал себя глухарина из густого малиника шумно и мерно, полого, с напрягом набирая высоту. Несколько секунд чуда и сказка кончилась.

Зима у нас хоть и долга, да не вечна, как не крути, а весне место уступит. Хорош глухарь весной - красавец. Красив по-своему и глухариный ток. Токовать глухарь начинает еще по весеннему осевшему снегу, с конца марта. А в начале апреля, в заболоченных сосняках хорошо видны по снегу следы петухов, кое-где и черточки по бокам народов заметны. Это глухарь чертил приспущенными крыльями. На ток прилетают глухари к вечеру, здесь же и ночуют. В этом я смог убедиться сам, попав однажды на глухариный ток. А было это так. Уж так сложилось, что окончив факультет охотоведения и проработав не один десяток лет полевым зоологом, глухарей на току видеть близко мне не доводилось. Потому ехал по весне на глухариный ток с надеждой наверстать упущенное. Пригласил меня на это «мероприятие» товарищ, как и я, помешанный на фотосъемке диких птиц. Выехали из Москвы поздновато, коллега задержался на работе. Пятница, на дорогах пробки, а ехать в Покровское охотхозяйство больше ста километров. Пока дела да случаи, приехали только к вечеру, вот-вот темнеть станет. До тока с тяжелым рюкзаком полтора километра лесом и заболоченной просекой. Пришли на место к заходу солнца. Саша – охотовед, как оказалось сын моей давнишней сослуживицы, и мой спутник Слава, оставив меня на току поспешили в луга, туда, где по ночам дупеля токуют.

Заболоченный сосняк, примыкающий к сырой вырубке. Быстро темнеет, но певчие птицы еще в голосе, заливаются. Пока поставил палатку, укрыл ее еловым лапником, совсем стемнело. Побросал вещи в палатку, сам в нее нырнул и только успел расстелить пластиковый коврик, вот незадача, водрузился с шумом великим на соседнюю сосну глухарь, почитай что у меня над головой, побряхтел чутко, устраиваясь на ночлег и затих. Я как сидел на корточках среди не разобранных вещей, так и замер. С глухарем так близко дело имел впервые. Как себя вести опыта нет, но ясно, что шуметь нельзя. Глухарь птица чуткая. Спугнешь, прилетит ли утром, кто знает? Сидеть на корточках уже неважно, ноги затекли, спина мерзнет. Рубашка, да легкая жилетка для седьмого мая в глухом заболоченном лесу, на ночь глядя, не самая подходящая одежда. Теплая куртка рядом лежит, только руку протяни, да вещами завалена. Спальник под ногами, но еще в чехле. За что не возьмешься, шорох такой, оглохнуть можно. Попробовал спальник из тесного чехла вытягивать, чуть-чуть по сантиметру. Спальник синтетический шуршит невыносимо, или мне так от волнения казалось, не знаю. Одним словом, когда через полчаса спальник из чехла извлек, расстелил и на колени встал, ощутил облегчение несказанное. Но предстояло еще молнию на спальнике открыть, а она, как назло, металлическая, звенит. Минут пять на молнию ушло. Еще минут пять в спальник вползал и, наконец, блаженство. Лежу в тепле и птицу не спугнул. Толком конечно не спал, начало тока прозевать боялся.

В начале четвертого новая забота, одноногий штатив, монопод, поставить надо, а для этого пару колец в землю вернуть и потом к ним штатив мягким ремнем привязать накрепко. Опять же, подушку-сидушку надуть пора. Пока возился текнул глухарь над головой, еще два ему по сторонам ответили и тут же, без промедления какая то пичуга, похоже певчий дрозд голосисто отметился. Глухарь, мой сосед по ночлегу, сначала токовал на дереве. По началу редко, тек, тек, тек, словно кто-то сухие палочки ломает, а вот и чаще затекал, почти без перерыва, трелькой, следом умкнул утробно, как будто подавился и заточил, как оселком по ножу, секунды на две-три. Говорят, что в эти три секунды глухарь ни на что не реагирует, ни видит, ни слышит, что вокруг творится. Вот в эти секунды я и поставил аппарат с телеобъективом на штатив. Чуть позже слетел петух с дерева вниз, на землю и продолжил свою песню. Округ чуть видно, глухарь метрах в тридцати маячит. До солнца еще часа два, а без солнца снимать - только пленку впустую тратить. Подождал когда петух подальше отошел, он по своему участку ходит, охраняет территорию. Успел надеть куртку и сапоги, устроился на надувной подушке в ожидании рассвета.

Погоду обещали неважную, осадки. Накануне жара была несколько дней, а тут, как назло, перемена погоды. Небо серенькое. Светает, глухаря видно уже отчетливо, но это глазом, да и то без красок. Так серый силуэт, хвост веером, голова на вытянутой шее вверх задрана. Ходит петух, поет свою глухариную песню, как ему от века положено. Вот уж и солнце где то рядом у горизонта розовым палом утреннюю марь подернуло. Все же облака за ночь натянуло, не плотные, но утреннему солнцу помеха немалая. Перед самым восходом затих петух, постоял в раздумье и пошел куда-то вбок, удалился, не слышать. Сажу, опечален до невозможности. Это ж надо, тащился, черти знает куда, в сырой лес, на ночь, глядя, как вьючная лошадь

с тяжелым рюкзаком и все за тем, что бы вот так с птицей, не солоно хлебавши, расстаться. Но все же решил подождать, глядишь, солнышко взойдет, вернется глухарь. Так и случилось. Полчаса спустя явился мой герой. Пришел молча, без голоса, заметил по свету палатку, постоял немного в нерешительности, но быстро успокоился. Кучу еловых лап на шестах мой товарищ еще с прошлых выходных оставил, поэтому птице маскировка палатки была привычна. Токовал петух рядом, порой слишком близко, так что снимать нельзя, одна голова с шеей в кадре. Отснял пленку, сработал затвор последним кадром и зажужжал аппарат, пленку перематывает. Глухаря долгое стрекотание камеры насторожило. Замер, смотрит прямо в объектив, он из палатки немного торчит, хоть и камуфлирован, но замечен. Минут пять стоял изваянием, соображал, что же это там жужжало. Не соперник ли? На всякий случай решил проверить. Приблизился метра на три и пошел вокруг скрадка. Ступает тихо, идет крадучись и все время скособока шею, пытается внутрь палатки, за еловые ветки заглянуть, где же соперник схоронился?

Не обнаружив последнего, петух успокоился и уже более на палатку внимания не обращал. Токовал он до полудня. Уж и солнце из-за облаков несколько раз выглядывало, а потом и вовсе распогодилось, повезло одним словом, снял глухаря на току. Видел, как бегают петух очертя голову на ратный зов соседа. Слышал глухие удары сшибающихся тел, и оглушительные хлопки мощных крыл, коими петухи лупят друг друга. К часу дня все затихло. Походил петух вокруг скрадка, поклевал почки черники, пощипал проростки лесных трав и удалился куда-то по своим глухариным делам. На том и кончилось мое свидание с глухарем на току. И все же стоит заметить, что глухарь, птица осторожная до крайности. Одно неверное движение или шорох и сорвался петух, как говорят охотники, подшумели мошника. Мошником его зовут, поскольку на мхах живет. Глухариный род старше человеческого в несколько раз. По происхождению связаны глухари, скорее всего с хвойными лесами, а их возраст всего- то десяток другой миллионов лет, это темнохвойных – ельников. Сосна постарше будет, но тоже с возрастом крокодилов или простейших ракообразных, например коллембол, ни в какое сравнение не идет. Они и глухарям и хвойным лесам в прадедушки годятся.

Ближе к концу апреля, в начале мая все чаще спускается глухари токовать на землю, где и совершается таинство брачных союзов петухов с избравшими их курами, «дамами» тоже весьма солидными, килограмма в два весом. Уже в конце мая глухарки насиживают кладки. С этого времени петухи сами по себе, уходят в непролазные чащи-крепи линять.

Глухариное гнездо – ямка около древесного ствола или под кустом, с пятью-шестью светло бежевыми, в темном крапе яйцами. Глухарка (кополуха) наседка старательная, сидит на гнезде крепко. Порой к ней можно подойти совсем близко, пройти мимо, она не шелохнется. Замрет, слившись рябым пером с побуревшим прошлогодним листом, и только бусинки темных, полуприкрытых глаз напряженно следят за разрушителем птичьего покоя. Впрочем, у птиц, как и у людей, разные характеры бывают. Случаются и среди глухарок нервные мамыши. Чуть что подхватила и гнездо бросила, особенно если потревожили вначале насиживания. И все же в массе своей глухарки мамы очень заботливые, малышей своих как домашние куры опекают и греют в непогоду. В начале жизни глухарята очень чувствительны к сырости и холоду. Как и куры учат глухарки цыплят искать корм, ну а уж затаиваться в случае опасности их учить не надо, природа позаботилась. Замрет цыпленок, будешь искать, под ногами не заметишь – маскировка отменная.

Глухарята быстро растут и уже дней через восемь сносно перепархивают и взлетают на нижние ветки деревьев и кустарников. Дальше больше, не успеешь оглянуться, уж осень на дворе, глухарята с домашнюю курицу размером стали. Скоро и выводки полностью распадутся. Молодые петушки покидают их первыми уже в конце августа. К первому снегу начинается у молодых птиц пора самостоятельной жизни. Для большинства из них окажется она печально короткой. Больше половины молодых погибает от болезней и различных хищников еще до зимы. Да и зима своего не упустит, приберет из их числа немало. Дальше шансов больше и чем старше птицы, тем более опыта и силы для дальнейшей жизни. Кому то из них повезет и доживут они до своего первого тока. Зачертит крыльями молодой петушок по осевшему апрельскому снегу. А позже выдаст на ранней зорьке первую, еще не умелую песню. Лиха беда начало, а там и долгая, по птичьим меркам, лет в десять, глухарина жизнь. Так и крутится из века в век колесо жизни, длится глухариный род на земле.

Куры и те с характером

Дело было в деревне, на берегу Западной Двины, на самом юго-востоке Псковской области. Настоящая деревня - воля, простор. В таком месте и небо выше, душу отпускают заботы и хлопоты городские. Куры здесь и те с характером. Вышел как-то за водой, подхожу к колодцу, а там соседка Тамара по кустам шарит, ищет что-то. Накануне у них городские гости были, черепаху потеряли - сбежала. Оказалось черепаха не причем. «Яйца, - говорит, - ищу. Куры, где ни попадя несутся. По осени до сотни тухлых яиц в кустах нахожу. Недавно хохлатка цыплят привела с воли. Гнездо где-то устроила, высидела и домой. Теперь еще одну наседку выследить никак не могу. Есть домой является исправно, а потом пропадает куда-то. И до чего хитра, я за ней слежу, а она за мной. Ушлая страсть - не перехитрить. Теперь жди, выводок приведет. А говорят, курица птица глупая. Умное животное. Она ведь что делает. Яйцо снесет в кустах, а кудахтать во двор прибегает. Вот ведь зараза, какая», - закончила соседка свой рассказ, сокрушенно покачав головой. Слушая ее, я даже забыл, зачем к колодцу пришел, с пустыми ведрами назад идти собрался, хорошо она напомнила воды набрать.

Была с курами в деревне и другая история. Всё началось с плохой погоды. В нашей деревне телефонная связь очень от погоды зависит. Это вам не Америка, как только дождь или просто пасмурно, так связь пропадает. Ждали мы с женой сына из Москвы, вывозить грибы-ягоды. В назначенный срок он не приехал, заволновались. Погода хуже некуда, ни в Москву, ни из Москвы не дозвонишься. Пошли к соседке, у неё телефон в доме, узнать, когда связь дадут.

Сидим, чаем с пирогом угощаемся, в соседних комнатах большого дома малые ребятишки бегают, шалят. Мать их, Ольга, наша соседка, женщина молодая, спокойная, ребят не дергает, шалят, ну и пусть их, им весело, ну и, слава Богу. Ой, подхватила вдруг, я сейчас. Минуту спустя, приносит в ладонях рыжеватого цыпленка, тому всего два дня. Крошка, только перышки на крыльях обозначились. И рассказывает его историю.

У нее детей трое, два мальчика и девочка. Старший только что во второй класс пошел. Дело было в начале сентября. Накануне, недели за две до школьных занятий, за старшим сыном из Ленинграда родственница приезжала, домой учиться забрала, а остальное семейство осталось до глубокой осени в деревне. Ребята малы, в школу рано. Старшему мальчику очень хотелось цыпленка. Куры во дворе были, был и петух, но клушки заводить цыплят не спешили. Сын, рассказывала Ольга, с одной курицей даже воспитательную работу проводил. Брал рябую к соседям, показывал ей курицу с выводком цыплят, приговаривая: «вот видишь, как хорошо когда малые цыплята вокруг». Но сколь ни склонял он будущую наседку к радости материнства, курица на уговоры не поддавалась. Уехал наш «натуралист» домой, на этом вроде бы все и кончилось, не тут-то было. Время шло, малые дети в доме – забот по горло, не до кур. Только замечает Ольга через неделю после отъезда старшего сына, что одна курица во двор не выходит, все в своем закутке сидит. Там и ест, что дадут. Странно как-то, думает, гнездо у нее там, что ли? Пошла поглядеть, а она, бедная, привязана. От гвоздика в полу ве-

ревушка и за лапку, через спинку и за другую, а от нее за другой гвоздик зацеплена. А под курицей, горемыкой, одно единственное яйцо, не иначе как «юный натуралист» постарался. Не мытьем, так катаньем к материнству бедолагу приобщил. Отвязала она курицу, та даже прихрамывает на одну ножку, шутка ли неделю привязанной к гнезду сидеть. Но яйцо уже не бросила, цыпленка высидела. Оля нам цыпленка показывает, гладит по спинке, повезу, говорит, его в Ленинград, кто заварил эту кашу, пусть теперь его и воспитывает. Вот такая история куриная приключилась. Кур, конечно, привязывать не стоит, дело не доброе, никому я этого не советую. Но коль случилось такое, не утерпел, рассказал. Не каждый день куры на привязи цыплят высиживают.

Другая крайность - куры в городе. Рассказывали мне о курочке, живущей в московской квартире. Годы девяностые были, неудобные для простых людей. Жулье да временщики силу набирали, порядочному человеку смотреть тошно. Голодно было, многие малую живность в домах заводили. У знакомых жила курица. Спала она в постели с маленьким сыном хозяйки дома. Тут же и яички несла, ему под бочек. Старательная такая, по яичку в день. Но это что. В доме было большое зеркало – трюмо, так курочка оказалась жеманницей. Подойдет к зеркалу, и крутиться около него, и так на себя посмотрит, и этак. Со спины на себя взглянет – ну чистая обезьяна, модница.

«Умные» ласточки и другие...

Утверждают ученые – орнитологи, что птицы слабо соображают. В качестве доказательства приводят результаты нехитрого эксперимента. Дуплянку с гнездом мелкой пичуги переместили на несколько метров. Птицы дуплянку видели, но прилетали с кормом на старое место, не обращая внимания на писк своих же голодных отпрысков. Не спорю, птиц много и все они разные, даже в пределах одного вида. Сам с этим неоднократно сталкивался. Снимаешь, скажем, певчего дрозда у гнезда, одна пара уже на подходе, метров за тридцать начинает беспокоиться, трещат, как заводные. Какая уж тут съемка, остается только уйти, иначе гнездо погубишь. В другом случае, если пара спокойная, достаточно несколько веток «стенкой» в землю воткнуть поодаль от гнезда и снимаешь без помех. Таких случаев в моей практике общения с птицами было много, я за свои слова отвечаю. Сам факт различия характеров у птиц одного и того же вида заставляет задуматься, а так ли они примитивны, как полагают некоторые ученые. Возможно, эксперименты проводили с особо бестолковыми парами? Что уж птицы, среди людей не без того, глупость не редкость. А в качестве примера сообразительности пернатых приведу случай, свидетелем которого стал недавно, живя летом в деревне Кресты, той, что на Западной Двине.

У соседа моего по деревне, Миши Подгорского, человека обстоятельного, не раз меня выручавшего в мелочах и делах посерьезней, как водится, есть корова и прочая живность в хозяйстве. А где корова, там и сеной сарай имеется. Поселились в сарае, под крышей, ласточки, вывели пару птенцов, а тут время сено заготавливать. Лето выдалось хорошее, редкое лето. Травы - море, погода способствует, заготовили сена в прямом смысле «выше крыши». Заложили сено в сарай так, что только ласточкам к гнезду пролететь. Коль умять, да постараться, можно было бы и еще несколько копешек в сарай поднять, да птиц жалко. Решили подождать, не беспокоить птиц. Повременили чуток, а тут погода стала портиться. Поджидает погода, нужно остатки сена в сарай убирать. Что ж делать, птиц жалко, да зима в России не шуточна, без сена, куда со скотиной денешься? Сняли гнездо и перенесли его вместе с птенцами под крышу бани, что в двадцати метрах от сарая стоит. Как уж они умудрились птенцов при этом не распугать, какими словами их уговаривали в гнезде остаться, не знаю. Так вот, птицы то оказались сообразительными, минут за пять отыскали гнездо и птенцов благополучно выкормили. Я их на следующий день после новоселья снимал. Кстати, в тот день, кормили ласточки птенцов крупными клопами-черепашками, отлавливая их высоко в воздухе, метрах в пятидесяти над землей. Вот так удивили меня ласточки дважды. Сначала своей сообразительностью, а потом и необычным кормом для птенцов. Нет, не так просто обстоит дело с интеллектом животных, как может показаться на первый, равнодушный взгляд. Нам конечно спокойней на них свысока смотреть, удобней быть эдакими «Троекуровыми». Творить с природой, что нам вздума-

ется, ломать, корезить, а что до птиц и зверей, что ж с ними церемониться, бессловесные и как церковь ханжески утверждает «бездушные» твари. Вот только опыт общения с этими бессловесными созданиями наводит на мысли печальные, совесть бередящие.

У другой нашей деревенской соседки – Нади, есть кот, по имени Мур. Черный, длинноногий красавец с зелеными глазами. Мы с женой окрестили его Мур-Багирычем или лицом сиа́мской национальности. Явился он на свет от романтического союза сиа́мской кошки и кота, о котором история умалчивает. Каков был его отец мне не ведомо, но соседка Надя рассказала историю в высшей степени занимательную. Кошка-сиамка, мать Мура, живет у Надиного сына в городе Великие Луки, городская штучка одним словом. Нравнодушна она была к отцу мура, безродному коту, обхаживала его, как могла. Дадут ей кусочек колбаски или рыбки, она сама его не ест, возьмет в зубы и во двор к своему другу сердечному. Отдаст лакомство, тот его уминает без зазрения совести, а кошка облизывается или более того, начинает кататься на глазах у кота. Соблазняла его, одним словом. И не зря, Мур того стоил.

Познакомился я с ним около собачьей будки, где сидел на цепи Надин пес – Тузик. Небольшого роста, серовато-невнятной окраски, кривоногий, длинномордый и пучеглазый тип с крокодильими повадками, но ласковый. Глажу Тузика, а черный красавец кот сторонкой ходит кругами, и будто дела до меня ему нет, но вижу, ревнует, а подойти не решается. Позвал я его к себе - тут же оказался рядом и начал тереться, подставлять голову, чтобы гладили. Познакомились, одним словом. С неделю знакомство наше никаких последствий не имело, но вот однажды Мур явился к нам во двор, зашел в гости, да так и прижился. Стал ходить по несколько раз в день, завтракать, обедать и ужинать. К концу нашего летнего пребывания в деревне, к сентябрю, стал Мур у нас совсем своим, спал днем на кушетке, всегда в одном и том же месте, а вечером ловил в доме мышей с ловкостью необыкновенной. Сквозила в нем грациозность и дикость необычайная, хищник одним словом, настоящий кот-мышелов. Кроме того, считал Мур своим долгом провожать нас с женой на вечерних прогулках за околицу, где необычайно хороши закаты в погожие дни. Выбежит на проселок, впереди нас и ждет, таится. Подпустит вплотную и деру задаст, что твой заяц, удирает зигзагами, молодой – силы девать некуда.

Мур жил у нас, но был совершенно независимым, уходил, когда хотел, являлся, когда ему вздумается. Возникал зачастую, как черт из табакерки, то с ветхого забора на заднем дворе, вся морда в паутине, то сваливался с чердака в холодной прихожей, как снег на голову. А однажды явился, жалобно мяукая, из стены в холодной части дома, просунув голову у потолка в обветшалые обои, напугав жену до крайности. Занятный кот, с характером. Нет, не так просты «братья наши меньшие». Да что говорить, вспомните о своем житейском опыте общения с ними, посмотрите им в глаза по-доброму, не предвзято. Может и у Вас в душе что-то екнуло, чуть оттаяла душа? Вам же лучше будет, поверьте.

Журавли

Долгий и опасный путь домой близился к концу. Журавль - вожак давно уже высматривал место для ночного отдыха, возможно, последнего общего ночлега стаи. Еще день-два и птицы осядут на облюбованных болотах. Для молодого журавля это было пятое возвращение домой, время первой любви и начала семейных забот. Еще на зимовке, перед отлетом на родину, он присмотрел себе подругу, четырехлетнюю журавушку, с которой держался рядом, неразлучной парой. Вот и теперь, на исходе дня, они летели в клине журавлей, он впереди, рассекая сильной грудью ощутимо плотный воздух, она чуть сзади, следом. Внизу шелковистой зеленью простиралось море сосняков, испещренное серыми пятнами талого снега и черными кольцами закраин полу оттаявших торфяных озер, веками покоящихся в салатových рамках сфагновых болот. Со вчерашней ночевки и весь нынешний день журавль ощущал непонятное волнение. Беспокойство его передалось и подруге. Высокие серебристые переливы ее кликов еще больше будоражили журавля, напряженно всматривавшегося с высоты в странно знакомые, будто виденные когда-то давно места - сосновые массивы с проплешинами заболоченных гарей, угрюмо ошетилившихся поверх лоскутов талого снега мертвыми стволами болотных берез и сосен. Давно зревшее в нем желание любви и дома, вырвалось вдруг протяжным, страстным криком. Мощная, неодолимая сила родного места вырвала птицу из стаи и понесла на широко распластанных крыльях к земле, к забытой богом и людьми заболоченной гари. Его журавушка чуть замешкалась, страхась лишиться так сразу, одним махом, привычной надежности стайной жизни, но повторный, призывный крик друга решил исход дела. Резко свалившись на крыло, она отделилась от клина дружно закричавших ей вслед журавлей и кинулась вниз, догонять своего суженого. Вблизи, в ранних апрельских сумерках торфяная гарь оказалась еще более угрюмой и непролазной, нежели виделась с высоты журавлиного полета. Невообразимое нагромождение обожженных и поваленных торфяным пожаром сосен с торчащими обломками скелетных ветвей и черными от торфяной грязи корневыми выворотнями. Молодая поросль березняка, уже тронутая зеленым дымом набухших почек, смягчала дикую картину первозданного хаоса и делала гарь еще более скрытой и привлекательной для птиц. Прекрасное место для журавлиного дома.

* * *

Расслабившись, чуть распустив кольца бархатисто-черного тела, она блаженно нежилась, купаясь в тепле майского полдня. Гадюка жила на старой гари уже лет девять. Каждый год, приползая сюда весной, с зимовки, сразу после короткой поры любви. Здесь она проводила лето, жирела, отъедаясь лягушатами и мышами. Вынашивала в своем чреве яйца и рожала под осень, уже трижды, за свою долгую по змеиным меркам жизнь, гадючат. Глухая и полуслепая, как все змеи, она могла чувствовать опасность всем телом, чутко улавливая малейшие сотрясения почвы под ногами редких здесь, на глухой гари, охотников и ягодников. Изредка ее беспокоили кабаны, но их торопливую поступь змея хорошо знала и задолго до приближения прожорливых тварей скрывалась в завалах полустгнивших корней, надежно укрытых зеленью мхов.

Беда свалилась сверху. Тень огромных крыл бесшумно накрыла гадюку. Короткий удар тяжелого клюва пришелся змее в затылок. Тело змеи еще судорожно дергалось в клюве низко летящего журавля, но это были последние движения погибающей плоти. Прямо к гнезду журавль не полетел. Присел в сторонке, мягко и осторожно выставив вперед полусогнутые ноги и полоща полураскрытыми крыльями. Змея в его клюве, совершенно затихшая, висела плетью. Не выпуская гада, он перехватил его поближе к голове и сильно тряхнул. Неторопливо обходя завалы, скрытно подошел к гнезду. Подруга уже седьмой день грела пару буро-оливковых с темным крапом яиц, покидая гнездо только чтобы чуть размяться, по молодости очень ревниво заботясь о первой в жизни кладке.

Лето подкралось незаметно, обозначившись потеплевшими ночами, морозящими дождями и комариным звоном. Теперь он сменял журавушку на гнезде утром и вечером, но она даже в эти редкие часы отдыха и кормежки держалась ближе к другу и будущему потомству. Семейная жизнь оказалась не легкой. Охотников до журавлиных яиц вокруг хватало. В самом начале, когда самка снесла первое яйцо и еще не

сидела плотно на гнезде, оно чуть не погибло в зубах старого лиса, живущего по соседству, в высокой отсыпке пожарного водоема на краю гари. Журавль заметил рыжего вора первым. Застигнутый врасплох, зверь злобно щерился на раздраженных и решительно настроенных птиц, но связываться с журавлями побоялся, поспешно заковыляв прочь, вскидывая на кочках обвислым задом. Несколько раз на гари появлялись кабаны, но они проходили по своим тропам, ближе к опушке соснового бора, окружавшего гарь со всех сторон, и журавлиного дома не беспокоили. Однажды, ближе к вечеру, около гнезда появилась енотовидная собака. Крупная самка, злобная и упрямая оставила попытки добраться до яиц, только получив крепкий удар клювом по черепу, поплатившись за наглое вторжение на территорию журавлиной семьи кровотокающей ссадиной на затылке.

Близилось время вылупления птенцов. Все мы приходим в этот мир мучительно трудно, журавлята не исключение. Задолго до выклева из яиц малыши уже чувствовали присутствие родителей, понимая их сигналы. Насиживая яйца, журавушка часто прислушивалась к тому, что в них происходит. Она слышала приглушенный скорлупой писк птенцов. Волновалась, если писк был тревожным. Успокаивала их голосом, тихо и нежно. Первенец заявил о себе еще затемно, до утренней зари, потревожив чуткий сон матери. Чуть слышные удары клювика следовали мерно, с коротким интервалом, словно ход хронометра - тук, тук, тук. Птенец упрямо долбил скорлупу несколько часов кряду, пробив яйцо с тупого конца незадолго до восхода солнца. Взволнованная происходящим, журавушка часто приподнималась, осматривая яйца, в одном из которых шла незримая работа утверждения жизни. Лежащее открыто, у груди насиживающей птицы, оно подалось, треснув только к полудню. Птенец беспокойно двигался в яйце, отчаянно пытаясь выбраться наружу. Наконец показалась мокрая прилизанная головка на тонкой облезлой шее. С видимым трудом крошка выпростал наружу крючковатое крылышко. Скорлупа чуть слышно треснула и развалилась надвое. Журавушка осторожно взяла обломок кончиком клюва, чуть пятясь, встала с гнезда, отбежала в сторонку и спрятала скорлупку в мох. Торопясь, почти бегом, вернулась. Вторая половинка скорлупы, прилипшая к гузке, никак не отваливалась. Птенец беспомощно барахтался, пытаясь, освобождается, быстро уставал и замирал, уткнувшись коротким сероватым клювом в дно гнезда и прерывисто дыша всем тельцем. Журавушка аккуратно теребила его кончиком клюва за голое крылышко, понуждая двигаться. Но вот мокрый, вымазанный слизью уродец освободился, чуть отполз и затих, поджав к животу маслястые лапы и коротко подрагивая непомерно большой для тщедушного, словно сплющенного с боков тельца, головой. Он лежал мокрый, почти черный в лучах слепящего июньского солнца, больше похожий на допотопную рептилию, чем на птенца. Убрав остатки скорлупы журавушка снова села на гнездо, осторожно укрыв собой птенца и оставшееся яйцо, в котором слышались уже знакомые ей звуки - тук, тук, тук.

В замшелом сыром сосняке, на краю гари, коротко и хрипло вскрикнула сойка. Невесть откуда взявшаяся в этой лесной глуши ворона, поспешно тянула к дальнему ельнику, тяжело загребая крыльями в темнеющем предгрозовом небе. Посреди гари, на сухом островке с редкими соснами, всполошились и тут же смолкли рябинники. Как-то сразу оборвались журчливые песни кобылок. Земля и все на ней сущее замерло в ожидании тяжелом и тревожном, ощутимо повисшем в недвижимом воздухе. Свинцово-сизые громады грозowych туч, гибельно желтые понизу, клубясь и пучась, валили от кромки дальнего леса, теснясь и толкаясь, в жадном стремлении поскорее сожрать остатки вечерней синевы июньского неба. Уже подсохшие рыжевато-палевые пуховики сидели в гнезде, тесно прижавшись, друг к другу. Журавушка, собиравшая поблизости кобылок, тревожно поглядывала в сторону быстро темнеющего неба. Сейчас непогода была нехстати. Ее малышам требовалось тепло и солнце. Выждав минуту-другую, она решительно пошла к травяной куче-гнезду, желтеющей на салатовой зелени мха. Встав над гнездом, птица распушила перья живота и мягко накрыла собой слабо попискивающих птенцов. Ее беспокоило долгое отсутствие журавля, кормящегося где-то неподалеку, но из осторожности голоса она не подавала. Журавль не выдержал долгого молчания самки первым, коротко окликнув ее, подлетая к гнезду с дальнего края гари.

По нижней кромке недобро потемневшего неба полоснула дальняя, еще немая зарница. В неподвижном воздухе возникло вдруг легкое, тревожное движение, тут же замершее, чтобы мгновеньем поз-

же, родиться порывом рвущего ветра, разом вздыбившего перья на спине журавля. Тяжелые, поначалу редкие капли дождя, бесследно таящие в мягких мхах, вдруг зачастили, торопясь вдогонку друг другу, и хлынули ливнем. Серые, рваные космы его, гонимые и терзаемые порывами ветра, хлестко стегали по спинам птиц. С сухим, оглушительным треском ударила первая молния и следом, взбесившаяся стихия принялась жалить землю слепяще-белым пламенем. Земля и небо смешались в хаосе дикого разгула грозовой бури. Смертельно напуганная необычайно сильной грозой, журавушка сначала вздрагивала всем телом при каждом ударе молнии, но вскоре, окончательно потерявшись от страха и бессилия перед разразившимся буйством природы, потеряла ощущение реальности происходящего. Ее словно не стало, были только крошки птенцы, которых она спасала, прикрыв собой. Гроза выдохлась только к полуночи, неохотно убравшись за горизонт, ворчливо погромыхая и полоща в полнеба багровыми зарницами. Ливень ушел с грозой, оставив после себя порядочные лужи в замшелых ямах около корневых выворотней и донельзя насытив влагой все вокруг.

Птенцы, два брата, росли шустрыми и любопытными. Спустя неделю после памятного ливня, они уже бегали, не отставая от родителей, терпеливо обучавших их первым навыкам самостоятельной жизни. Где пищу искать, что есть можно, чего нельзя. Кого опасаться, куда нос не совать. Словом, почти как у людей, наука несложная, да больно нудная. К началу июля подросшие журавлята, неуклюже-голенастые, серовато-коричневые увальни, начали оперяться. Они все еще следовали за родителями, посуху бегом на коротких лапах, по воде, где глубже, вплавь. Шло время. К августу подернулись сизым бархатом спелых ягод кусты голубики. По солнечным припекам налились сочной мякотью ранние гроздья брусники. Всюду стрекотали бесчисленные кобылки. В воздухе, напоенном солнечной пылью и терпким ароматом багульника, реяли, слюдянисто поблескивая прозрачными крылышками, разбойницы стрекозы. Теперь семейство журавлей кормилось по всей гари. Уже летные птенцы, одетые в серо-бурое перо, важно вышагивали по мелкой воде вслед за взрослыми, на вытянувшихся за лето ножках, ловко склевывая кобылок, выживая лягушат, пощипывая ягоды. Заболоченная гарь жила своей привычной жизнью.

Ближе к осени семейство журавлей стало вылетать на окрестные поля, лакомясь остатками зерна в жнивье, каждый вечер, возвращаясь к себе на заболоченную гарь, взрослые впереди, молодые следом, пища и торопливо взмахивая неокрепшими, еще узкими крыльями. Осень сказала ранней, застав семейство в пути к местам сбора журавлиных стай. Обширные пойменные болота, веками принимающие по осени сотенные стаи длинноногих птиц, служили им местом ночного отдыха, а окрестные поля давали пищу. Недели стайной жизни пролетели незаметно. В сумерках сентябрьского утра, следуя зову вожака, их стая, два десятка взрослых и дюжина подросших птенцов, суетливо, с криками и хлопаньем крыл, покинула гостеприимное болото. Набрав широкими кругами высоту и построившись одноким, косым клином, птицы потянули к горизонту, купаясь в лучах восходящего солнца. Внизу сменялись бесконечной чередой посеребрившие осенними дождями поля, уже тронутые золотом увяданья леса и серые, тускло поблескивающие в лучах скупого осеннего солнца змейки рек. У крутой излучены реки ударил церковный колокол. Рожденные им торжественно-печальные звуки поплыли над землей, поднимаясь ввысь навстречу журавлиному клину, сливаясь с прощальными криками улетающей стаи.

Вряд ли сыщется много людей, не слыжавших о соболе. Даже там, где этих зверьков и в помине никогда не было, вам скажут: «Ну как же, знаю, шьют из них роскошные шубы и шапки». А много ли найдется людей, знающих соболя не по витринам меховых салонов и картинкам в книгах? Думаю, что мало, а жаль – зверь-то более чем интересный. Размером с небольшую кошку, лобаст, темноглазый, с довольно крупными, закругленными ушами. Морда светлее спины, тело гибкое, небольшой пушистый хвост. Несколько коротконог, но в меру. Подушечки лап покрыты густым ворсом, словно в мягкие тапочки обуты, за счет этого нагрузка на снег у соболя самая малая среди всех кунных, к которым он относится. Ступает мягко, с ленцой, подобно кошке, обходящей сырое место. Но это только когда зверек прислушивается, скрадывая добычу, а в основном соболь передвигается прыжками, проходя за сутки по снегу 5-10 километров. Прыжки самочки поменьше, потому и суточные переходы короче. В зависимости от района обитания и индивидуальных особенностей окраска меха может варьировать от светло-коричневой до почти черной, с проседью. Самая ценная форма - темная или “головка”. Зимний волосяной покров соболя удивительно нежен и густ. На каждый остевой волос приходится до 25 ворсинок подпуши, а на квадратном сантиметре поверхности тела размещается до 30000 волос. Мягкий шелковистый мех с густой подпушью надежно защищает зверька от зимней стужи.

Летом соболь неказист, темнобур окрасом, худощав телом. И без того крупная голова с большими ушами кажется еще больше на длинной, тонкой шее. В отличие от своей ближайшей родственницы - лесной куницы, соболь увереннее чувствует себя на земле, чем на деревьях, хотя лазает по ним неплохо. Питается зверек мелкой живностью, предпочитая мелких мышевидных грызунов, при случае и насекомыми не брезгует. Осенью охотно поедает рябину, бруснику, кедровые орехи. Крупные самцы могут добывать ночующих в снежных норах тетеревиных птиц. Не откажется соболь от падали или остатков трапезы других хищников. Но ест не так уж много, 100-150 грамм в сутки, что составляет примерно одну десятую его веса.

Еще сравнительно недавно соболь был обычен на севере Восточной Европы, вплоть до Финляндии, обитал в Прибалтике и Белоруссии, а также по всему таежному поясу России. Многовековой неумный промысел и сведение лесов привели в начале двадцатого столетия к истреблению соболя на огромных пространствах тайги. К середине прошлого века, в результате запрета охоты на соболя численность его стала восстанавливаться, и сейчас соболь обычен во многих районах восточносибирской тайги и Восточного Урала. Кроме России соболь распространен на севере Монголии, в северо-восточном Китае, на Корейском полуострова и в Японии.

В горных районах, держится ближе к окраинам лесов, граничащих с каменистыми россыпями и выходами скальных пород. С постоянных мест обитания уходит только от бескормицы или при стихийных бедствиях, таких как пожары, наводнения или масштабные рубки леса. В случае вынужденных миграций соболь может уйти от своих обжитых мест на многие десятки километров. С декабря по апрель придерживается постоянных гнезд, устроенных в пустотах, под завалами, или в дуплах. Зимние гнезда надежно утепляют мхом, растительной ветошью и древесной трухой. В сильные морозы зверьки отсиживаются в гнездах, питааясь запасенным для таких случаев кормом. Впрочем, соболь спокойно переносит несколько дней голода, отсиживаясь, к примеру, от охотников в подземных убежищах, недоступных для собак. В апреле, соболи покидают отсыревшие зимовальные гнезда и перебираются в сухие временные убежища - в дупла и различные ниши под камнями или завалами деревьев.

Размножаются соболи со второго года жизни. Спаривание происходит в середине лета, с июня по конец июля. Развитие эмбрионов замирает с конца августа до следующего февраля {латентный период}, в результате общий срок беременности превышает 270 дней. Детеныши, два-три щенка, появляются на свет весной, с конца марта по начало мая, чаще всего в апреле. Молодые остаются с матерью до конца лета и только в августе покидают ее, становясь самостоятельными.

Врагов у взрослых соболей немного, зато молодые зверьки нередко становятся легкой добычей орланов, филинов, куниц, росомех и лисиц. Охота на соболей дело сложное, требующее от промысловика знаний повадок зверя, недюжинного здоровья и выносливости. Более того, численность зверя подвержена резким колебаниям в зависимости от циклических изменений условий среды обитания. Как говорится, год густо - три пусто.

Люди издавна пытались разводить соболей в неволе, но научились этому сравнительно недавно. Первый, строго научный опыт разведения соболя в неволе удался профессору П.А. Мантейфелю и датируется весной 1929 года. Событие это произошло в московском зоопарке. Правда, в литературе существует упоминание о том, что первые соболята родились в неволе на звероферме Соловецкого лагеря особого назначения, а в питомнике на острове Песчаный под Владивостоком разводили сахалинских соболей еще до революции, в 1913-1916 годах. Однако факты эти спорны, да и четкой методики разведения соболей в неволе в то время не было. Позднее, в тридцатые годы прошлого столетия в дело разведения соболей в неволе внесли посильный вклад многие ученые-звероводы. Дело российских звероводов живо и по сей день. Далеко и ходить не надо. Рядом с Москвой, в окрестностях города Балашихи расположена Салтыковская звероферма, долгие годы специализирующаяся на разведении пушных зверей, в том числе и соболей.

Вертишейка

Вертиголовка, крутиголовка, вертишейка, большая пестрая дуплянка, тикун - так в России издавна называют птичку многим известную, но больше по детским книжкам. В жизни она скрытна и малозаметна, хотя не редко живет подле человека, в старых парках и садах. В языках Западной Европы имя птички тоже тесно связано с характерной чертой поведения: потревоженная, она шипит, крутит распушенной головой и шеей, имитируя раздраженную змею.

В английском языке имя птицы Wryneck - кривошейка, или реже употребляемое, простонародное Snake-bird - птица-змея. У немцев – Wendehals, вертишейка. По-французски - Torcol fourmilier, крутишейка муравьед. Поляки называют ее, Kretoglow, крутиголовкой.

Вертишейка - родственница дятлов, но дальняя, троюродная. С дятлами ее роднит строение ног, языка и тип полета. Отличаются от дятлов вертишейки небольшим клювом, с неприкрытыми щетинками ноздрями и мягким хвостом. С таким по древесным стволам не полазает. Но вертишейке этого и не нужно, кормятся она на земле, в основном муравьями и их яйцами, передвигаясь прыжками, или собирая насекомых на ветках деревьев. Троюродное родство с дятлами не оговорка. Есть у дятлов более близкие родственники. Речь идет о малых дятлах или, как их называли в конце девятнадцатого столетия, дятелках, имеющих обычный для дятлов крепкий и длинный клюв с ноздрями прикрытыми щетинками, но в тоже время мягкий, как у вертишейки хвост. И в поведении дятелков больше дятлиного. Дупла себе долбят. Вертишейки же занимают уже готовые дупла или естественные полости в стволах, толстых ветвях, гнилых пнях, а изредка и птичьи норы в обрывах. Живут дятелки в тропиках Южной Америки, Африки и Индокитая.

Кроме евроазиатского вида вертишейки, распространенного от стран Западной Европы до Дальнего Востока и Японии, известен еще один вид с африканского континента. Обыкновенные вертишейки нынче стали редкостью во многих странах Западной Европы. Виною тому значительные изменения климата, применение пестицидов и гербицидов, вырубка и чистка лесных массивов.

Живут вертишейки на опушках смешанных лесов, в старых заброшенных садах и парках с захлавленными углами, с заросшими канавами и ямами. Шесть - восемь белых яиц кладут в дупла или естественные ниши на древесную труху, или подстилку гнезд прежних хозяев, горихвосток, синиц, зарянок, зачастую выгнанных из собственного жилища. Яйца насиживает в основном самка, самец подменяет ее только изредка. Птенцов выкармливают оба родителя в течение 23-27 дней. Взрослые птицы очень осторожны у гнезда, а вот подрастающие птенцы шумны не в меру, особенно когда го-

лодны. За одно кормление взрослая птица приносит до 100 экземпляров муравьиных яиц, такая порция весит чуть меньше одного грамма. Вскоре после вылета птенцов семьи вертишейки распадаются. На зимовку в Центральную Африку, или на юг Азии улетают эти птицы поодиночке или небольшими группами с августа по сентябрь.

Уже на следующий год молодые птицы могут завести семью. Весной вертишейки появляются у нас в конце апреля - начале мая. В это время они очень активны и много кричат в поисках партнеров. Крик их в эту пору, однообразно гнусавое кии-кии-кии, похож на весенний крик малого пестрого дятла или сигнал тревоги мелких соколов. Если услышите весной, где - нибудь на опушке леса или в старом заброшенном саду похожий крик, попробуйте подойти поближе и отыщите птицу, не пожалеете. Невзрачная издали, вблизи она поражает сочетанием неброских красок, положенных в оперении с такой изысканной гармоничностью, столь тонко сочетающихся с изяществом формы коричневатой-серой птички, что любые слова становятся бессильны и остается только созерцать в немом восхищении сие творение кудесницы природы.

Гадюки

Долгая, мучительно нудная зима кончалась трудно. Ее гибель обозначилась сначала высокой голубизной февральского неба с брачными криками воронов, а позже, в марте, дождями, пополам со снегом, расквашившими до безобразия поля и проселки. Еще холодными, порой морозными вечерами запели первые овсянки в очередь с редкими одиночными скворцами. Весеннее солнце согрело и подсушило бугры и кособоры, разбудив от зимнего оцепенения пауков-волков, серых разбойников, неугомонно снующих в прошлогодней листве и травяной ветоши. К концу апреля заметно потеплело, как-то сразу и дружно запели птицы. Вспыхнули по мокрым опушкам леса и речным поймам золотисто-желтые костры цветущих ив. На бархатисто-маговой зелени сочных стеблей и листьев открылись солнцу сиренево-розовые гроздья медуницы. Лес, еще прозрачный, но уже жадно пьющий весенние соки земли, напоенный солнечным плеском, в зыбком кружеве полутеней, чутко замер в ожидании чуда рождения первой листвы.

Солнце и многоголосье весеннего леса оставались там, сверху. В логове-зимовке змей было еще по-зимнему прохладно и покойно. Но весеннее тепло угадывалось и здесь. Изредка со свода подземного убежища, проросшего корнями деревьев и кустарников, сыпалась подсыхающая земля, покрывая дно пещерки и лежащих в ней бесчувственно-холодных змей тонким слоем сухого праха.

Мест, подходящих для змеиной зимовки, не так уж много в заболоченных лесах. Сползаются гады с лесных опушек, болот, вырубков, пойменных лугов. Тянутся черные, серые, да коричневые ручейки-змейки к родным буграм, высоким местам, из года в год, десятками и сотнями лет в облюбованные еще их предками змеиные гнезда. В зимовальном логове, где-нибудь на краю заболоченной вырубки, под высоким завалом полусгнивших пней или в пустотах старых торфяных куч, надежно укрытых снежной периной, теплей, чем снаружи. Ведь опустилась температура ниже двух-четырех градусов и гибель спящих рептилий неминуема.

Тихий сухой шелест и легкое приглушенное шуршание нарушили слепую тишину мрачного подземного убежища, приютившего несколько десятков змей. Первыми очнулись от зимней спячки самцы. Вялые, полуживые твари выползли одна за другой на поверхность к свету, подолгу грелись в лучах щедрого весеннего солнца, медленно возвращаясь к своей нелегкой жизни.

Врагов у гадюки хоть отбавляй. Заснула на солнцепеке, блаженно распустив кольца тела, не успела почувствовать шаги человека - короткий удар палкой по голове или хребтине, много ли надо жалкой, глухой и полуслепой твари. Не упустит случая полакомиться гадюкой ежик. Гибнут змеи под копытами скота. Пройдут ли краем болота кабаны - горе гадюке, не успевшей убраться с их дороги, сожрут вместе с потрохами. Беда подстерегает гадюку и с неба. Аисты, цапли, коршуны, орлы и подорлики, всех не перечислишь. А защита у нее на всех одна - пара слабеньких, как рыбки косточки, ядовитых зубов, убранных,

наподобие лезвия перочинного ножика, вдоль неба. Нанести удар змея может только широко раскрыв пасть, тогда зубы выходят, выпрямляясь, из складок десен. В момент укуса зубы давят на ядовитые железы, и выделившийся яд стекает в ранку по каналам-бороздкам на внутренней стороне зубов. Укус гадюки очень болезнен и довольно опасен даже для человека. Особенно активны змеи летом, в жаркую погоду и весной, во время любовных игр, возникающих недели через две после выхода гадов с зимовальных гнезд.

Наши северные гадюки почти живородящи. Как и у всех змей, зародыши формируются в яйцах, покрытых кожистой оболочкой. Вылупление детенышей происходит в теле матери, перед самым выходом яиц наружу. Гадючата рождаются полностью сформировавшимися, размером с обыкновенный карандаш, способными спустя несколько часов активно ползать, ловить насекомых, червей, прятаться, могут кусаться, но яд их не столь силен, как у взрослых.

Взрослеют гадюки к четырем-пяти годам, самцы первыми, вырастая к этому времени до полуметровой длины. Самки вынашивают до 10-20 детенышей, из которых к следующему году остается меньше половины, а до 10-15 лет - редкая доживает.

Течет живым ручейком змеиное тельце, струится черным бархатом по зеленым мхам, шуршит пожухлой листвой. Здесь лягушку ухватит, там мышонка устережет. Голодной гадюке больше не надо. На земле гнездо с птенцами или яйцами отыщется - совсем праздник. Проглотит змея добычу со скорлупой и перьями. Ляжет в спокойном месте на припеке, раздувшись от обильной пищи и оплывши к земле в полуденном зное. Разомлела, по спине, словно сединой тронута. То бархатисто-черные чешуйки разошлись, а между ними молочно-серые бороздки нежной кожицы. Позже отлежится несколько дней в сытом дурмане в тайном своем логове под пнем или в норе, а там голод снова гонит за добычей. Так и тянется змеиная жизнь, от сытости к голоду, от голода к сытости, по кругу, пока солнце не притомится, обленившись к концу лета. Позже подниматься станет, раньше ко сну клонится. Дольше не сохнут холодные росы, знобки стали вечерние зори, октябрь на дворе, пора гадюке о покое подумать, на зимовку убираться.

В свой срок отпоют унылые песни вьюги, отгуляют шальные метели. С барабанной дробью дятлов ослабнут морозы. Ожившим, потеплевшим солнцем прольется на снежные дали небесная высь. Сначала робко, первой каплей, постучится весна и вдруг, набрав силы, запестрит проталинами, забормочет талой водой, пенно, взахлеб - не остановишь. Глядишь, зимы как не бывало. Канули снега в ручьи и речки. Набухла талой водой беременная жизнью земля. Закурчавилась, ошетинилась малахитом первых зародков грядущих зеленых шелков и бархатов. Пора и змеям просыпаться.

Аист на крыше

Немые птицы – странно звучит, но ведь есть и такие. И не какие-нибудь заморские, дивные, а наши белые аисты. Услышать их можно и даже издали, но это не голос, приглушенное шипенье и костяное щелканье клювом, словно старомодная швейная машинка неторопливо стрекочет, вот и вся песня на все случаи жизни. Увидеть аистов в Подмосковье – редкость, но чуть подальше, на запад, скажем под Волоколамском – вполне можно. А уж в псковских землях, поближе к Смоленщине аисты обычные птицы. Сидят на своих огромных гнездах чуть ли не в каждой деревне.

Считается, что на Руси аисты появились не раньше пятнадцатого века. А в средней России обычными аисты стали только с восемнадцатого века. Что их держит у человеческого жилья – Бог их знает. Кормятся вроде бы тем же, чем и серые журавли: лягушками, ящерицами, мышей ловят, крупных насекомых, а журавля в деревне не увидишь, где-нибудь на дальнем выгоне, да и то издали, а аисты издревле с людьми в дружбе. Хотя дружба эта иногда оборачивается гибелью для птиц. Ныне практически исчезли аисты в Италии, Швейцарии, Бельгии. Совсем мало этих птиц в Германии, Голландии, Франции. Осушают влажные луга и болота – исчезают птицы. Много аистов гибнет в Африке, на зимовке. Там на них попросту охотятся. Те, кто уберется от гибели, прилетают к нам с зимовки в Африке сразу после схода снега, в середине апреля. Обновят старое гнездо и вскоре впрягутся в семейные хлопоты. Сначала кладку из двух-трех яиц нужно высидеть, на это уходит без малого месяц. Потом птенцов долго кормят в гнезде. Трем аистяткам, пока они растут, нужно двести пятьдесят килограмм корма скормить. Растут они быстро, но чтобы полетели, больше двух месяцев требуется.

В первой половине августа аисты на сенокосы вылетают всем семейством. Лягушек у людей чуть ли не из рук берут. Поймает косарь квакушку, бросит птице, та лягу на лету цап, и нет лягушки. Чтобы насытиться, птице надо не один десяток лягушек съесть. Позже аисты за комбайнами ходят. Ловят по свежей стерне все, что попадет. К третьей декаде августа птенцы окрепнут, соберутся птицы в стаи, покружат в родном поднебесье, прощально щелкая клювами, и полетели с родных мест к югу, не сразу, с остановками, но, особо нигде не задерживаясь, чтобы ко времени на зимовку поспеть. Сиротеют деревни без аистов, а вернутся птицы к весне, так вроде и жить легче. « Аист на крыше – мир на земле».

К середине февраля тяготы зимы пошли на убыль. Тетерева, три десятка петухов и тетерок, всю зиму держались вместе. В стае верховодил старый косач, зимовавший уже в седьмой раз. Теперь, ближе к весне, тетерева все чаще вылетали из леса на опушку, кормились на березах почками и грелись на подбревшем полуденном солнце. К закату, после вечерней кормежки, ныряли с деревьев в снег, зарываясь в нем на ночь. В снежной пещерке спать теплее и надежнее. Птичий враг – филин, не достанет. Волка или лисицу издали слышно. Шаг зверя по насту хоть и осторожен да скрипуч, а по утренней наледи, нет-нет, да и скрябнет хищник когтями, выдаст себя загодя, еще на подходе.

К середине марта тетерки покинули стаю, теперь каждая из них будет сама по себе до поздней осени. Все явственней виделись признаки приближающейся весны. Ослабли морозы, ожило, потеплело солнце. Подернулись коричневой дымкой ветви берез, высветились шелковистой зеленью стволы осин. Снег, еще недавно скрипевший под ногами в морозные дни и подолгу хранивший печатный след в оттепели, обернулся прозрачным и хрупким зерном-фирном, с легким печальным шелестом осыпавшимся на припеке. Поутру уже слышалось от дальнего леса несмелое бормотание тетеревов. Вожак-токовик начинал первым, еще в предраассветных сумерках. Поначалу птицы токовали на деревьях и только к концу марта стали вылетать из леса на ток. Ток, лесная опушка, с трех сторон окруженная старым лесом, принимал тетеревов по весне издавна. В былые времена, когда о машинах и тракторах и помину не было, а обходились лошадьми да колясками, собиралось на лесной опушке до сотни птиц. Токовилов было несколько, у каждого своя «свита». Зимой стая общая, а на току – врозь. Теперь дай Бог полтора-два десятка бойцов наскребется с окрестных лесов да перелесков. Токовик прилетал первым, еще с позднего вечера, за ним, следом, остальные. Если погода хороша, не хмарь да ветер, старый косач пробовал голос. Побормочет чуток и затих, а за ним и другие, ему несмело было вторящие, притихнут. Одна за другой улетели птицы в ближайший перелесок, там и заночевали.

Тиха в конце марта ночь на Руси. Дроздов, чибисов да звонкоголосой мелочи еще нет, птицы в пути с зимовки на родину. Взойдет печальная луна над заснеженной опушкой, зальет все призрачным светом, ляжет стылмым серебром на снежную гладь. Ни шороха, ни звука, лишь изредка прошуршит шалый ветер в вытаявших куртинах сухой травы и снова глухая тишина вокруг. Темень, луна и та куда-то пропала.

Потянуло предраассветным сквознячком-холодом, а следом, легким шелестом крыл явился на ток косач-токовик. Чуфыкнул раз другой, слушает, что творится вокруг, все ли спокойно. Огляделся, заметил подлетевших соседей, забормотал в черед с чуфыканьем. Опустив крылья долу, распутив веером хвост, поплыл, чуть бочась по мерзлому насту. Начался ток, бормотанье и чуфыканье все громче со всех сторон, а вот и хлопанье крыл следом. Это самые бойкие токуют с подскоком, вызывают на бой соседей. У каждого петуха свое место. Кто постарше, да покрепче, ближе к центру тока, рядом с токовилов по истоптанному снегу кружат. Молодые с краю, на отшибе.

Чуть посветлело на востоке, розовеют в зыбком предраассветном сумраке верхушки высоких деревьев, а там и солнышко у края небосвода в прогал между макушками темных елей оранжевым краешком глянуло. Побежали по снежной пустыни розоватые блики, легли красноватым отблеском на чернь крыл, вороненое в синь перо, зарделись алым кумачом на бровях косачей. С рассветом, по первому солнышку, петухам словно сил прибыло. Ожил ток, разъярился. Нет, нет, да и сцепятся не на шутку бойцы меж собой. Крылья, лапы, клюв, все в деле. Бывает, что и в кровь раздерутся. Кто посильней – остался, слабый бежит в сторону, поникший да потрепанный, будет сил набираться до следующего раза. На зорьке и тетерки появляются. Сидят в сторонке, наблюдают, выбирают себе ухажеров, тех, кто пошустрей и решительней в петушином ратном деле. У таких отцов и дети будут молодцы. Сильное потомство в дикой природе не роскошь. Слабые гибнут в первую очередь, сильные остаются для продолжения рода. К началу мая страсти тетеревиные поослабнут. Матерые петухи обретут своих подруг. На току останутся те, кто помоложе, кому семейные заботы еще не в пору. Да и те к середине мая утомонятся до следующего года. Семейная жизнь у тетеревов не долгая. Погулял петушок с курочкой, снесла рябушка яйца, села насиживать кладку, а ухажер в кусты, в прямом смысле этого слова. Ушел из семьи, забился в лесную глушь, в крепь и завалы. Ему время линять, перо менять. Курочка сама и яйца насиживает и птенцов опекает, пока не подрастут. Забот с ними до конца лета хватит. К этому времени половины выводка, если не больше, не досчитается. А осенью все тетерева из окрестных перелесков в общую стаю соберутся, чтобы в лесу вместе зиму коротать.

Потеплеет солнышко, потемнеют, осядут мартовские снега и снова потянутся к ночи тетерева к знакомой опушке, чтобы в предраассветной тишине вдруг явственно и страстно слышалось тетеревиное чууу-фии. Вот и снова ток родился, значит, весна совсем уж рядом.

Кедровка

Разные птицы в Москве зимуют. О воробьях, домовых и полевых, галках, воронах и голубях разговора нет. Эти в городе и зимой и летом у себя дома. Поздней осенью и ранней весной свиристели на город набег совершают. Обдерут ягоды на рябинах и боярышнике и дальше в путь, осенью на зимовку, весной в тайгу, на родину. Случается, что дрозды рябинники нагрянут ненадолго. Кончились ягоды, и они пропали, как будто их и не было вовсе. Только остатки «битой» рябины на снегу напоминают до первых обильных снегопадов об их недавнем присутствии в городских скверах и парках. Грачи на помойках по московским дворам - не редкость. Зеленушки кое-где на подкормке всю зиму держатся. Но это все картины обычные для большого города. Но бывают в Москве совсем редкие гости. Залетают изредка малиновые, с жемчужным проблеском, щуры. А тут и вовсе необычные визитеры случились. Обосновались на зиму в различных московских парках кедровки, большие охотницы до орехов. За это их еще ореховками называют. За одной такой ореховой лакомкой довелось мне наблюдать в Лосином острове. Дело было в конце января. Пришли мы с товарищем, тоже любителем фотографировать птиц, на птичью подкормку. Утро, люди с кормом еще не подтянулись, птицы голодные. Большие синицы скачут вокруг, в глаза заглядывают, что принесли, чем кормить будут? Насыпали семечек, товарищ крошеного яйца добавил, сухой рис положил. Рис, как ни странно местная пищуха пристрастилась таскать и прятать в трещинах коры. На тропинку, где снег утоптан, орехов положили для белок и соек. Они тут же, неподалеку, крутятся. Белки, доверчивей, подбегают близко. Сойки же осторожничают, с соседних деревьев, на отшибе наблюдают за подкормкой. Изредка схватит птица, какая пошустрее, кусок хлеба и летит подальше, в снегу прятать, на черный день запас делает. Чуть позже появился поползень. Потом пищуха, любительница риса явилась. Покрутилась у кормушки и исчезла, что-то ей не понравилось.

Вдруг, откуда не возьмись, как из-под земли, возникла необычная птица. Размером с галку, белоснежное подхвостье, кофейно-бурое перо пересыпано жемчужно белыми штрихами и пятнами. Крепкий острый клюв, широкие крылья. Летунья отличная порхает, словно большая пестрая бабочка. Гляжу на нее и глазам не верю. Вот тете раз, таежная птица – кедровка. Заметила орехи, уселась в сторонке. Ждет удобного момента, что бы до лакомства добраться. Мы с товарищем замерли, приготовились снимать.

Осмотрелась птица, видимо, поняла, что мы ей ничего плохого не сделаем. Нырнула на широких мягких крыльях к орехам, скок боком, схватила орех и в сторону. Минуту спустя снова тут как тут. Орехов много, а рот один. Жадность одолевает. Схватила один, за ним второй, уже и полный подъязычный мешок у основания клюва пером топорщится, а она никак не унимается. Хватает орех за орехом, последний в широко открытом клюве с трудом зажала. В зобу полно, больше не входит. Так и полетела с открытым клювом богатство свое прятать. Сколько раз еще прилетала, со счета сбились. Ноги в меховых ботинках пристыли, а уходить не хочется. Больно хороша птица.

Оседло живет кедровка повсюду в лесной и таежной зоне Старого света, где есть глухие хвойные леса, и люди птиц не тревожат. В пределах нашей страны кедровки обычны в европейской части России, в Зауралье, Западной Сибири, и на Дальнем востоке, вплоть до Сахалина и Камчатки. На северо-западе Америки имеется свой американский вид кедровок. В Кашмире и на Гималаях, по утверждению старых авторов, в частности Мензбира, имеются две формы кедровок, крупнее наших.

Вне времени размножения кедровки могут совершать длительные кочевки с мест оседлого обитания, особенно в годы неурожая еловых и лиственничных семян, коими вопреки своему имени, эти птицы в основном и питаются. На востоке, в местах произрастания кедра птицы запасают по осени в больших количествах кедровые орешки. По свидетельству сибирского орнитолога В. Рябичева, в урожайные годы одна птица способна спрятать 60-90 килограмм кедровых орехов, устраивая при этом от 20 до 50 тысяч крошечных кладовых, большую часть которых птица помнит и способна отыскать зимой под слоем снега.

В сезон размножения, начинающийся для кедровок ранней весной, еще по снегу, птицы очень осторожны и скрытны. Гнезда устраивают в глухих участках леса. В постройке довольно внушительного по размерам гнезда участвуют оба родителя. Яйца светлой окраски, в буроватом крапе, три-четыре штуки, насиживают по очереди, около двадцати дней. Птенцы сидят в гнезде чуть меньше месяца. С середины лета и до осени молодые подыскивают себе место для будущей оседлой жизни. В теплое время года и при выкармливании птенцов кедровки ловят различных насекомых, особенно охотно личинок и гусениц массовых вредителей деревьев, оказывая немаловажную пользу лесам, в которых обитают. Кроме того, кедровки активно участвуют в восстановлении лесов, поскольку часть спрятанных ими на земле семян и орешков прорастает, давая начало кедрам, елям и лиственницам.

Малиновка

Старая лесная дорога неспешно вьется по песчаным холмам среди сосняков и белых хороводов зеленокудрых берез, украшенных по низу зелеными перьями папоротников, золотой россыпью зверобоя, розовым дымом липких гвоздик да блестящим, словно лакированным брусничником. Дурманный аромат соснового леса, разомлевшего на щедром июльском солнцепеке, плывет над дорогой волнами. Он то почти пропадает, а то вдруг снова появляется, пьянящий до ленной одури.

В низинах, между веселыми холмами, сухой, будто разбавленный воздух, свежее, набираясь прохладой от сырой зелени сфагновых болот, заросших по краям, где посуше, осинкой, сосной и березой, прикрывших своими кронами нежно-матовую зелень черничников, усыпанных дымчато-сизыми ягодами. Бабочки-переливницы, бархатисто-черные, с белым рисунком на крыльях, скользят, мягко покачиваясь в искрящемся от солнца воздухе или отдыхают на черной грязи у глубоких луж. В одной из низинок дорога, прежде чем утонуть в огромной луже, отделилась в обход болотной хляби узкой ленточкой-тропинкой, бегущей по краю леса. Здесь, на расстоянии вытянутой руки от тропки, в густом черничнике, у комля замшелой березы, устроили гнездо малиновки. Небольшие сероватые птички, убранные по бокам головы, на лбу, горле и грудке оранжево-рыжими перышками. За эти перышки, цвета холодной зорьки, зовут их еще зарянками.

Гнездо-норка, устроено тепло и уютно из веточек, листиков, травинок, а изнутри выстлано пухом и перьями. Вход в него почти не заметен, теряясь в густом черничнике и зелени мха. В гнезде шесть яиц, бело-розовых в рыжих крапинках, старательно согреваемых крохотным комочком серых перышек с двумя крупными бусинами темных глаз. Птичка сидит, плотно вжавшись в гнездо, головой к выходу. Оранжевое пятно на груди и голове точь-в-точь подсохший, коричнево-рыжий листок, чудесная маскировка для гнездящейся на земле птицы. Первая кладка из пяти-семи яиц бывает у малиновок весной, в апреле-мае, а эта, вторая, пришлась на конец июня. Сейчас, в начале июля, насиживание на исходе. Пройдет еще несколько дней, и появятся беспомощные крошечные птенцы. О них будут неусыпно заботиться оба супруга, выкармливая их около двух недель паучками, гусеницами, червями и прочей лесной мелочью. Вылетевшие птенцы еще с неделю опекаются родителями, а потом становятся самостоятельными.

Весеннюю песнь малиновки нужно слышать, словами ее не передать. Торжественно-изящные переливы, серебристые трели и щебетанье, чудно оживляют сумрачные сырые чащи лесной глуши, где малиновка самая обычная птица. Ведь не зря раньше на Руси называли ее ольшанкой. Голос встревоженной малиновки негромок, но выразителен.словно кто-то отсчитывает в мягкой, дремотной тишине леса течение самой вечности: - «тэк-тэк-тэк». При этом птичка скачет юрким серым мышонком с приспущенными кончиками крыльев, неожиданно загораясь на краткий миг оранжевым пятном рыжей грудки, то среди беспорядочных навалов упавших и полусгнивших деревьев, а то в чащобе лесных кустарников. Если рядом птенцы, она предупреждает их об опасности совсем по-человечески: тихим «тсс-тсс-тсс». Так и кажется, что мы, люди переняли у нее этот знак предостережения. Родные леса малиновки покидают поздно, только в октябре-ноябре. Зимуют они в южной Европе, Англии, Средиземноморье, Африке и Египте, но на чужбине не задерживаются. Чуть сойдет снег, пригреет солнце, они уже дома, - встречают апрельской песней новую весну.

Свиристели

Не балует природа городских жителей своими красотами. Да и как же иначе? Нагородили каменных джунглей, запечатали живую землю асфальтовой и бетонной браней. Несметные полчище по-змеиному шуршащих резиной жестяных монстров травят воздух, изводят живую зелень выхлопными газами. Какая уж тут красота? Зимой немного легче. Укрывают снега городскую грязь, скрашивают убожество людского быта. Случаются в эту пору редкие, неожиданные подарки природы. Появляются в городах ненадолго, пролетом, стаи чудесных северных гостей – свиристелей. Удачней назвать этих птиц вряд ли возможно. Мягкие серебристые трели их голосов льются в душу нежнейшей музыкой. Подстать голосу сказочно красивы и сами птицы. Бархатисто-черные бровки и горлышко придают хохлатой птичке вид строгий и элегантный. Охристо-розовое перо на спинке и грудке переходит ближе к хвосту в серовато-пепельное. Темные крылья и хвост оторочены ярко-желтой каймой. У старых птиц, на кончиках перьев кроющих крылья - кораллово-красные «костяные» капельки, довершающие сказочное великолепие этих «райских» птиц, обитателей Скандинавии, севера России и Канады. На американском континенте есть птицы похожие, но другого вида – кедровые свиристели. Еще один вид – амурские свиристели, встречаются у нас в Приамурье и на юге Хабаровского края.

Гнездятся обыкновенные свиристели в таежных лесах и лесотундре, на зиму отлетают стаями, порой несметными, в поисках ягод рябины, калины, боярышника и диких яблок далеко к югу, вплоть до Средней Азии. Ближе к весне, в марте, сотенные стаи свиристелей тянутся через многолюдные города и села на север, возвращаясь на свою далекую и суровую родину. Летняя жизнь свиристелей долгое время оставалась загадкой. Только в 1856 году, в Лапландии, после упорных многолетних поисков, натуралист Джон Волей нашел гнездящихся птиц.

Зимой, на кочевках, птицы доверчивы, но в тайге, у себя на родине скрытны и осторожны. Размножаются с середины мая, устраивая довольно крупные гнезда на елках, соснах, реже на лиственных деревьях. Строят гнездо из мелких веточек, мха и лишайников. Внутри выстилают шерстью и перьями. Обычно в полной кладке бывает пять-шесть серо-голубых в темных пятнышках яиц. Две недели кряду самочка согревает яйца, а супруг подкармливает ее в гнезде. Птенцов кормят оба родителя, принося им насекомых, в основном комаров. К началу июля появляются слетки и уже к концу месяца, началу августа, птицы собираются в стаи. Движения птиц в зимних стаях удивительно синхронны, ни дать ни взять - балет в воздухе. Полупрозрачный перламутр бесчисленных крыл, сбивающих серебро инея с пунцовых кистей рябин, хрустальные трели и царственно нежное, цвета персика оперенье птиц не оставляет равнодушными даже людей далеких от природы, заставляя зачарованно замирать пред лицом ошеломляющего великолепия истинной, нерукотворной красоты.

Малые дятлы

Дятлы разные бывают, большие и поменьше, пестрые, белоспинные, зеленые, седые и черные, даже трехпалые. А есть и совсем крошки, размером с домового воробья, их так и зовут: малые, или воробьиные дятлы. Птицы эти пестры пером, черным с белым. У самцов - алые шапочки, самочки - пестрые, черно-белые. Гнезда в дуплах устраивают. Там, где им беспокойно, в парках, например, гнездятся высоко, а в глухомани могут устроить гнездо в метре от земли, но в любом случае стараются долбить дупло в не толстом, полусгнившем стволике, а на больших деревьях - в сухих сучьях. Любят малые дятлы жить по берегам рек и речек, поросших ивняком, ольхой и осиною, укрытых ближе к урезу воды зелеными коврами осок, дающих приют изящным стрекозам - красоткам-девушкам тем, что с темно-синими слюдяными крылышками.

Дупло у малых дятлов им в пору, маленькое снаружи, ровное, круглое. Весной, в апреле, самец подыскивает подходящее деревце и, устроившись на боковой ветке, колотит ее клювом, выбивая негромкую барабанную дробь, привлекая на свою территорию самку, а заодно и сообщая своим собратьям, что это место уже занято. В начале мая в дупле, устроенном немудрено, без подстилки, появляются пять-шесть фарфорово-белых яичек. Согревают кладку оба родителя, но самка чаще днем, самец - ночью. Недели через две, во второй половине мая, появляются птенцы - голые, слепые и глухие. Но уже через три недели они покидают родное дупло. Родители держатся с выводком не долго, и вскоре для молодых начинается полная опасностей пора самостоятельности. Тут тебе и извечный враг птичьей мелочи - перепелятник, зазевался - куница в дупле на ночевке придушит, Немало напастей на бедную голову дятлят наберется, всего не перечесать, за ротозейство расплата - жизнь. Переживут молодые первую осень, поосвоятся, а впереди зима, тоже испытание нешуточное не только для молодых, взрослым достается не меньше. Зимой крошки-дятлы часто кормятся в смешанных стайках зимующих птиц: с синицами, поползнями и пищухами. Но могут эти птички добывать корм и сами по себе, в местах для дятлов не совсем обычных - на крупных сорняках, к примеру, репейнике. Сидит пестрая, черно-белая птичка на стебле, там, где он из-под снега торчит, и долбит, усердно работает. Подолбит, примерится, словно прислушиваясь и снова за свое. Так отыскивают дятлы личинок насекомых, зимующих в полых стеблях сорняков. Бежит время. Глядишь, и зима на убыль, дело к весне, пора дупло строить, детей заводить, чтобы не пресекся род крошек-дятлов на Земле.

Чибис

Зима ушла, а весна чуть замешкалась где-то в пути. С утра живое весеннее солнце пригреет, и кажется, что до лета рукой подать, а к ночи вдруг выбелит поля шалой, невесть откуда взявшейся порошей, впопругу шубу надевать. Вот в эту непогоду межсезонья и прилетают к нам, возвращаясь с заморских зимовок, чибисы. У чибиса много имен: пигалка, луговка, пивикуш, татарская ворониха. Видно, издревле неравнодушны были наши предки к этим птицам. Называют чибиса еще и пигалицей. И верно, пигалица и есть! Тонконогий, в белой манишке, в черном передничке, щуплый, с небольшого голубя, а ступает, что твой журавль. Черную, тонкокловую, белощекую головку с крупными карими глазами, забранными в колечки светлых перышек, высоко несет. Чубатый затылок украшен длинной, чуть не до середины спины, косичкой из нитевидных перьев. Спинка и плечи темные, но только издали. Вблизи перышки на спине отливают зеленоватой бронзой, а на плечах пурпурно-фиолетовым, металлическим блеском. У наших птиц редко увидишь такое. Только если у весенних франтов - скворцов, да еще у белобокой сороки.

Прямые родственники чибисов из семейства ржанок и подсемейства чибисов обычны в странах восточного полушария с теплым и даже тропическим климатом. На юго-востоке России и в Средней Азии обитают ближайшие родственники нашего чибиса из рода кречеток: кречетка и белохвостая пигалица. На крайнем юге Средней Азии изредка отмечают украшенного чибиса, живущего в Аравии и на Цейлоне.

Крыльями чибис машет широко, чуть замедленно, с ленцой. Потрясенный, взлетает не сразу, пробежится сначала, присядет и вдруг плеснет черными, неожиданно большими и широкими, для такой птицы крыльями, обнажив ярко палевое подхвостье и белоснежный, отороченный черной полосой хвост. Словно отталкиваясь полусогнутыми красноватыми ножками, в такт взмахам широких и слегка горбатых в стигах крыл, поплывет птица над зеленью луговых трав, ныряя с вывертом к земле и тут же круто взмывая вверх.

Голодно и холодно на родине ранней весной. Земля еще наполовину со льдом, днем чуть оттает, а ночью снова как камень, гудит под ногами. Но весна берет свое. Заблестели голубыми, небесными зеркалами талой воды озерца, канавы и лужицы. Ожили по их окраинам черви да личинки, теперь корма вдоволь, можно и о гнезде побеспокоиться.

Прав был поэт, написав: “ У дороги чибис, он кричит, волнуется чудак”. Пройдите весной полем или пойменным лугом. Издали приметит вас чибис. Сорвется вихляя, заполощет крыльями, словно рушник на ветру, оглашая луговое раздолье назойливо-скрипучим, раздраженно-капризным криком, растягивая звуки в начале и резко обрывая в конце, - чьи - ви, чьи - ви. Волнуется птица - значит неподалеку гнездо, где-нибудь на кочке или бугорке, где суше - неглубокая ямка, чуть выстланная травой. В апреле чибисиха откладывает четыре яйца, округло-тупоносые, довольно крупные для небольшой птицы, зеленовато-бурые, с темным крапом, сливающимся на тупом конце в пятна. Гнездо найти не просто.

Можно пройти в метре и ничего не заметить. Чибисы отчаянно и бесстрашно защищают его от любителей полакомиться яйцами: кошек, собак, лисиц, ворон, змей. Самка насиживает яйца более трех недель. Самец держится в сторонке, сторожит. Стоит появиться недругу, он рядом, вьется, гонит врага прочь. Самка в воздушных гонках не участвует, целиком полагаясь на супруга.

Выклев птенцов растягивается дня на два. Птенец упрямо долбит скорлупу изнутри яйца несколько часов кряду. Птенцы чуть подсохли, уже бегают, ищут корм, под присмотром взрослых, плавают и таятся в случае опасности. Родители отвлекают хищника, кричат, надрываются, чуть на голову не садятся. Глядишь, и соседи подлетят, помогут, а буровато-серые пуховики разбежались, замерли, притаившись - не отличить от комочков подсохшей земли. Миновала тревога, нырнул чибис к земле, мягко присел с широко распахнутыми крыльями, чуть помедлив, аккуратно собрал их на спине, нервно подергивая кончиками. Пробежался, мелко семена ножками, остановился, вскинул головку, поиграл хохолком-косичкой, огляделся, застыл в грациозной, почти балетной позе, едва касаясь земли кончиками собранных в щепотку пальцев изящно согнутой ножки. Крикнул чуть слышно, по-особому. Ожили затаившиеся пуховички, побежали на зов родителя, торопясь и спотыкаясь о собственные, еще непослушные ноги. Недолгий мир до очередной тревоги и кто знает, что будет в следующий раз.

Растут чибисята быстро и в июле собираются в небольшие стайки, кочуя сначала около родных мест, но уже в августе потянутся чибисы стаями высоко в синем небе, старательно и дружно работая крыльями, улетаая к далеким, теплым берегам.

Большая поганка

Поганка, да еще большая, это ж надо так птицу наречь неприглядно. Правда, есть у большой поганки и другое прозвище – чомга. Мясо чомги сильно рыбой пахнет, вот поэтому и назвали ее поганкой, несъедобной значит. А большой ее кличут, поскольку есть у чомги более мелкие родственники: серощекие, красношейные, черношейные и малые поганки. Но, если отвлечься от вкусовых качеств чомги, должно признать, что птицу явно обидели, назвав так пренебрежительно. Чомга, существо симпатичное, если не сказать, красивое. Но, у предков наших есть оправдание. Названия птицам давали люди простые, в природе живущие. А жизнь у них, лет триста тому назад, была не мед и сахар, тяжело жили. На первом месте быт, да заботы о «хлебе насущном», красота уж потом, на сытый желудок приемлема. Утвердившееся ныне имя – чомга, имеет татарские корни. По крайней мере, так считал известный российский орнитолог М.А. Мензбир. Он же оставил нам одно из первых достоверных описаний повадок этих птиц: «Подобно другим поганкам, большая или хохлатая живет по озерам и разливам, берега которых поросли камышом или тростником... Гнездо этой птицы представляет большую кучу, сделанную из различного раститель-

ного материала и тины, с неглубоким лоточком на ее вершине... Число яиц полной кладки бывает три или четыре, гораздо реже пять... Вместе со своими родичами, хохлатая поганка обладает в совершенстве способностью нырять. Она может оставаться под водой несколько минут и проплывать под нею очень большое пространство, иногда до ста шагов...Поганки держатся в местах своего гнездования до самого отлета... Во второй половине августа начинается пролет, который становится особенно сильным в сентябре.

Что можно добавить к этой краткой справке по образу жизни чомги? Распространена чомга на земном шаре очень широко. Обычна она в Африке, Европе, Азии, в Австралии и Новой Зеландии. Птенцов высиживают оба родителя около четырех недель, а потом, с месяц заботятся о них, постоянно находясь поблизости. Птенцы, кстати, сразу после вылупления, будучи зрячими шустрými, чуть обсохнув в гнезде, перебираются из него на спину родителя, где и находятся довольно долго, до двух недель. Подростшие птенцы сначала полосаты, но постепенно приобретают буровато-серую окраску поверху и белесую снизу. Полосатый рисунок при этом сохраняется только на голове и шее. Маленьких птенцов выкармливают беспозвоночными животными и мелкой рыбешкой. Подростших – кормят рыбой. Взрослые птицы продолжают опекать молодежь до трехмесячного возраста, после чего начинается пора самостоятельной жизни. Но не все до нее доживают. К осени в выводке остается, как правило, только половина птенцов, а то и меньше, в среднем, пара на выводок. Для воспроизведения численности этого достаточно, но на грани риска. Неблагоприятные условия зимовки, гибель от болезней, преследование человеком, все это может свести результаты воспроизводства численности вида на нет.

В нашей стране много водоплавающих птиц гибнет в рыболовных сетях. У рыбоводов и рыбаков к рыбоядным птицам вообще давняя неприязнь. Хотя вред, в действительности, от тех же чомг, невелик и, в первую очередь, в силу их немногочисленности. На Западе, особенно в Европе, птиц охраняют и численность чомги там, за последнее время заметно выросла. Остается надеется, что и у нас, в России, культура экологических знаний не останется достоянием немногочисленных биологов и любителей птиц. А дело охраны живой природы и птиц в частности, обретет должное государственное значение, и наши потомки смогут любоваться ими, в том числе и чомгами, не только на страницах электронных книг.

Осенний лес сбрасывает последние золотые одежды, готовясь к долгому зимнему сну. Потемнели студенкой водой речные плесы. Торжественно и тихо и только из почерневшего березняка на опушке леса доносятся чеканно-прозрачные звуки - пиньк, пиньк, пиньк. Словно сама волшебница осень неспешно чеканит на серебряной наковальне золото осенних листьев. Пиньк, пиньк - вот и еще один поплыл в воздухе, кружась и покачиваясь, глянцевато поблескивая в лучах скупого осеннего солнца. Не от того ли зябликами кличут птиц, что от пронзительно чистых звуков их осенних голосов замирает в зябком ознобе душа?

Покидают нас зяблики, улетая на зимовку в горы Южной Европы и на север Африки, в ту пору, когда голо и зябко в лесу. Может от этого и родились на Руси их имена - зяблица, зябок - кто знает? Улетают зяблики поздно, в сентябре - октябре, а возвращаются ранней весной, в апреле, когда еще снег не весь сошел, а под елями лежит по колено. Но чуть пригреет солнце, оживет на проталинах паучья да комариная мелочь, оттают упавшие на землю с осени семена лесных трав - больше пичугам и не надо. И звенят на весь лес серебряные трели, с лихим росчерком на конце - весенние песни зябликов-самцов, прилетевших раньше самочек. Эта особенность в поведении птиц давно подмечена, ведь в латинском названии вида - *Fringilla caelebs*, - второе слово означает: холостой.

Поют птицы не только от избытка чувств. Весенняя песня - прежде всего заявка на территорию для гнезда. Поет самец, значит место занято и хозяин готов за него хоть в драку. Чернолобый, пестрокрылый, с кирпично-винной грудкой, каштаново-розовым горлом, голубовато-седым затылком и коричневой спинкой, переходящей в зеленовато-желтое надхвостье, он в любой момент готов на вызов соперника.

Гнездо устраивается в развилке толстой ветки, обычно ближе к стволу. Величиной и формой оно с крупное антоновское яблоко, со срезанной верхушкой. Строят гнездо обе птицы из стеблей трав, листьев, растительного пуха, бересты, мха, лишайника, выстилая внутри шерстью и перьями, стараясь, чтобы вышло добротное и теплое жилье. Ведь полдюжины голубовато-зеленых с красновато-бурыми пятнами и

темными пестринами яичек появятся в гнезде рано, уже в мае, когда ночами еще холодно, и беспомощным, голым и слепым птенцам без теплого гнезда не выжить. Две недели самочка терпеливо насиживает яйца, а самец ревниво оберегает ее покой. Вылупившиеся птенцы совершенно беспомощны, их нужно согревать, кормить, защищать от врагов. Недругов у зябликов много. Скандалистка сойка, нахальная ворона, деловой дятел, воронка-белка, острозубая куница - все не прочь полакомиться птенцами.

В хлопотах и заботах проходит лето. Подросших слетков еще короткохвостых и доверчивых, постоянно опекают родители, постепенно приучая к самостоятельности. Незаметно подкрадется осень, закружит, заметет опавшей листвой по лесным дорогам и просекам, и в торжественной тишине опустевшего леса - в который раз под этим вечным небом - зазвонит чистым серебром осенняя песня зяблика.

Серые вороны и другие

По нынешним временам трудно себе представить Москву без орд серого воронья. А ведь так не всегда было. Лет сорок назад гнездо вороны в большом городе было редкостью. Вороны - птицы сами по себе презабавные, но уж больно горластые, а порой и наглые. Однажды, среди бела дня, ворона лисью шапку у женщины с головы сбила, мне сама пострадавшая об этом рассказала. С коих пор птицы эти рядом с человеком живут? Думается, очень давно. Недаром ученые животных, подобно вороне, к человеческому жилью тяготеющих, антропогенными видами называют. Остатки костей серых ворон - обычное дело в местах раскопок поселений-городищ Средневековья. В былинах русских о сером воронье не раз поминается. Летописи государства Московского, со времен Ивана Грозного, а то и раньше, о воронах и воронах повествуют, несметными стаями в местах бранной сечи пирующих. Сказки, присказки да басни без серых ворон не обходятся.

Нынче расплодились в Москве серые вороны безудержно. Да как же иначе, если помойки от пищевых отходов ломятся. Странное дело, сырый, обобраный люд только что с голода не пухнет, а серое воронье жиреет. Что поделаешь, такова нынешняя жизнь в России. Где пусто, а где густо. Однако воронья вольница дело далеко не безобидное. С помоек грязь могут разносить. От крыс, коих в Москве тоже развелось без меры, а значит и больных хватает, заразу подцепят и к Вам на подоконник принесут. Певчих птиц в Москве, не только во дворах, но и в парках, поубавилось, не замечали? Во многом серых ворон работа. От них даже в дупле или под карнизом не всегда спасешься. Из мелких укрытий яйца и птенцов лапой вытаскивают, а нужно - так и прутик или палочку приспособят. Вот и остались в городе в основном скрытно гнездящиеся птицы: синицы, воробьи, галки, голуби, изредка трясогузки. О зябликах, щеглах, зеленушках, соловьях да малиновках скоро только вспоминать будем.

В Москве с воронами пытались бороться, что бы стало их меньше, увы, безрезультатно. Даже в Кремле, где воронье изрядно докучает «народным избранникам», нечего с ними поделать не смогли. Пробовали травить соколами, да что толку, разлетятся, а как только соколов увозят восвояси, вороны снова на месте, по церковным куполам да крышам горланят. Пытались применять снотворное. Отловят кучу птиц, а на их место другие прилетают. В природе «свято место» пусто не бывает. До смешного дело доходило. Сыпали корм со снотворным в определенное время, с таким расчетом, чтобы зелье действовало до начала рабочего дня. Занимался этим делом специалист из Института охраны природы. Но однажды его по каким-то институтским делам заняли чем-то. Не смог человек в урочное время снотворное выложить. Офицер, отвечающий в Кремле за борьбу с воронами, решил проявить инициативу. Распорядился выложить подкормку, но не учел времени действия снадобья. Чуть позже въезжает в Кремль кортеж сопровождения зарубежного гостя. Тут и случилось свалиться очумелой вороне, прямо на капот правительственного лимузина. Мало того, что птица как снег на голову грохнулась, ворона не воробей, тяжелее будет, она еще и полупьяная, буянит, орет, кувыркается. Следом за первой еще несколько на землю плюнули. Шуму было, в Институте надолго запомнили, да и в Кремле, думаю, не раз об этом вспоминали.

Сообразительность ворон – дело известное. Птицы очень осторожны там, где их преследуют, не только в городе, но и в дикой природе. Со слов орнитолога В. Калякина, много лет работавшего с кречетами на Ямале, при просмотре костных остатков в погадках этих исключительно ловких и сильных хищников останки серых ворон можно по пальцам пересчитать, да и то только молодых, слетков. Взрослые вороны кречетам «не по зубам». Слишком умны и осторожны. Всемирно известный писатель Сетон-Томпсон, живо интересовавшийся умственными способностями животных, ставил ворону очень высоко, полагая, что птица эта способна даже считать, по крайней мере до семи. Известны случаи использования воронами подручных средств, для извлечения корма из пустот в камнях и неглубоких дупел. А случаи, описанные в литературе, когда вороны сбрасывали с высоты моллюсков, что бы добраться до съедобного содержимого?

Возможно, кто-то из читателей наблюдал, как вороны обманывают собак, охраняющих свой корм от назойливых птиц. Одна ворона отвлекает собаку, а другая крадет у нее пищу прямо из-под носа. Кстати, таким же макарон уводят корм у собак и сороки, птицы тоже далеко не глупые. Правда бывает и с воронами незадача. Рассказывал мне очевидец, как собака ворону перехитрила. Нашла серая себе кусок пищи, что-то светлое, издали не разобрать. Сидит на дереве, метрах в трех от земли, кусок в клюве держит. Сторонкой пес бежит, рыжий, кудлатый, типичный собачий бомж. Заметил ворону краем глаза, притормозил и напрямик к дереву. Сел, на ворону молча уставился, да вдруг гав, так неожиданно и громко, что ворона с испугу каркнула, как в басне. Пес спокойно подобрал кусок с земли и дальше своей дорогой с добычей в зубах побежал. Но этот случай исключение, чаще ворона хитрее бывает.

Конечно, в городах в большом количестве серые вороны не желательны, а что же в природе? Сразу оговоримся, вопрос не простой. Природная суть этих птиц такова, что вреда наделать своим соседям, мелким птицам и зверью, могут много, особенно если человек невольно поможет. Сидит ворона на высокой сушине, где-нибудь на опушке леса или в пойме. Все вокруг далеко видит. Идет пастух со стадом, коровы широко разбрелись, спугнули утку или тетерку с гнезда, ушли, а ворона напрямик к гнезду. От нее ничего не скроешь. Пара минут, и нет кладки - прощай выводок. Да и без пастухов искать птичьи гнезда, ловить зайчат и птичьих слетков вороны мастерицы. Но в дикой природе они не многочисленны, потому и урон от них вполне умеренный. С другой стороны эти птицы чаще добывают больных и ослабленных животных. Природе от этого польза – болезней меньше. Грызунов, особенно по осени, серое воронье во

множестве вылавливает. Весной вороны много насекомых для своих малышей добывают. Вот и сочти, сколько здесь вреда, а сколько пользы. Выходит, нет вредных животных в природе, если без человеческого вмешательства обходится.

Завершая этот краткий, во многом эмоциональный экскурс в мир серой вороны, нельзя не сказать о странном характере распределения этих птиц. У нас, на Руси, серая ворона обычна от западных рубежей до Енисея. Дальше на восток ее замещает ворона черная. Она же повсеместно гнездится и в западной Европе. Если же говорить о мировой фауне, то в Юго-Восточной Азии обычны большеклювые и индийские домовые вороны. В Малайзии и на Филиппинах обычны тонкоклювые и разукрашенные вороны. Кроме того, на земном шаре имеются еще вороны австралийские, малые, капские, певчие, пестрые и рыбные. Вот и все, пожалуй, о серых воронах и других.

Фифи

Каких только имен ни дают люди животным: красотка–девушка - это о стрекозе, султанка - изумрудно-синяя водно-болотная птица, фифи - ну уж это должно быть создание щегольское. Ан нет - скромно окрашенный, пестрый куличек из группы улитов, со скворца величиной, только кургузее. Поверху одета птичка в перо серенькое с черным, грудка рябая, темно-бурая, брюшко белесое. Тонкие долгопалые лапки зеленовато-буры. Клюв шильцем темный, почти черный.

Населяет фифи всю Евразию (на западе вплоть до Бельгии), за исключением степей, пустынь и арктических тундр. Прилетают к нам эти птицы в конце апреля – начале мая. Гнездятся фифи в болотинах на опушках или по сырым, зарастающим кустарником луговинам. Гнездо - неглубокая ямка, выстланная травой, с четырьмя охристыми, в красновато-буром крапе, яичками. Отец семейства ревниво охраняет гнездо. Бесстрашно, с криком летит навстречу нарушителю семейного покоя. Птенцы появляются к концу мая. Молодые начинают летать в конце июня, начале июля. Вскоре после этого родители покидают выводки. Кормятся фифи насекомыми, личинками и червями. Собирая пищу и в полете, перекликаются тихо и мелодично, фи-фи, фи-фи, за что и были названы столь необычно. Улетают от нас фифи довольно рано, в августе – сентябре. Зимуют в Южной Азии и Африке.

Псковская деревня Кресты, до революции 1917 года была большим торговым селом, а ныне это захолустный волостной центр в полсотни жилых и еще больше брошенных ветхих изб. Деревня тянется вдоль берега не очень широкой здесь Западной Двины, километра на полтора, кончаясь у вековой сосновой рощи, от которой берет начало село поменьше - Боровки.

Широкая прямая дорога, помнящая нашествие Наполеона, рассекающая Кресты вдоль, надвое, уходит в Боровки, а дальше бежит по холмам и долам да редким вымирающим деревенькам ухабистой песчаной змейкой в сторону древней Смоленщины. Еще недавно, лет пятнадцать тому назад, вокруг этих мест кипела жизнь. Сеяли лен, колосились хлеба, играли свадьбы, рожали детей. Но то время минуло, и теперь, к началу третьего тысячелетия от Рождества Христова, запустенье пришло на западные древнерусские земли. Позарастали поля березняками, поредели села.

Природе все едино, есть ли люди на земле, нет ли их. Если нет, так даже лучше. Не травят зверье и птиц удобрениями и ядохимикатами, не сводят бездумно вековые леса, не сушат попусту клюквенные болота, не изводят электротоком да динамитом рыбу в реках. Последняя беда, несмотря на оскудение людское, на Западной Двине расцветает махровым цветом, видно, рыбнадзора в этих местах не стало вовсе. Бьют рыбу током, глушат, от чего еще недавно рыбная река страдает превелико. Но еще не оскудели ягодой и грибами здешние болота и леса, сосновые боры да ельники зеленомошники. Хаживают по непролазным малинникам медведи. Волки собак летом из деревни с цепей уносят. Есть еще белка, куница и рысь в лесной глухомани. Довольно рябчика по окраинам клюквенных болот. Играют свадьбы по весне глухари да тетерева, не счесть птичьей мелочи.

В мае невестится по берегам Двины черемуха, гремят на все лады в ее зарослях российские соловьи. Еще жива псковская глухомань, несмотря на все старания людские изувечить ее. В конце лета и по осени курлычут пепельно-серые журавли по окрестным лугам. Трещат вездесущие сороки по околицам деревень. А небо над головой, какое! Хороши и золотисто-багряные закаты, дивны росные туманные зори над рекой. Нет-нет, да и хлестнет под вечер на перекате голавль килограмма в два, а то и более весом. Еще жива псковская глухомань. Только вот надолго ли?

Под шифером крыши нашей деревенской баньки устроили гнездо белые трясогузки. Птички обычные, любого спросите, трясогузок все знают, неважно в деревне ли, в городе. Пепельно-серые сверху, с черным на шапочке и грудке, белые снизу. Хвостиком длинным трясут, бегая, шустро семят лапками. Насекомых ловят одинаково проворно на земле и в воздухе. Снимать трясогузок приходилось неоднократно, но все как-то неудачно, самую малость резкости не хватало. Уж больно шустры птички. Решил дело исправить и снять трясогузок как следует. Стал присматриваться, где же у них гнездо? Птицы скоро сообразили, что за ними следят, гнезда не выдают, хитрят, крутятся около бани, но все стороной да боком. Но мне тоже терпения не занимать, благо, что в отпуске. Взял бинокль, отошел подальше и через полчаса выяснил, где на крыше, под шифером, гнездо спрятано. В гнезде уже были птенцы и оба родителя, набив рот усиками, без устали таскали им сначала мошек, а чуть позже - кобылок, тех, что с кузнечиками обличем схожи, но мельче телом и короткоусы.

Крошки-птички, а характеры оказались разными. Самочка, бледней окрашенная и норовом вышла проще. Прилетит с кормом и сразу на крышу, побежала прямиком по коньку и под шифер, туда, где кусок доски оторван. Год назад в баню электричество проводили, доска мешала, вот ее и убрали. Нам свет в бане, а птицам удобное место для гнезда. Самец попался сторожкий. Сразу к гнезду не летит. Сядет в сторонке на провода, почвикает, а уж потом, сбоку крыши, серым мышонком, скрытно под конек залазит. Птиц я снимал из скрадка, устроенного метрах в пяти над землей, в ольховой куртине, что растет позади бани. Снимать удобно, видно все, как на ладони. Родителей с кормом снял

хорошо, а как птенцов кормят не усмотреть, только слышно, что верещат, завидя кормильцев, гнездо то под шифером глубоко, как доберешься? Полез на чердак бани. Оказалось, что в прорехах старой дранки, коей крышу еще до шифера крыли, край гнезда виден. Кое-где дранку аккуратно обломил, где-то чуть отжал, в результате с чердака и птенцов и взрослых с кормом стало видно. Снял кормление, теперь бы слетков в момент их выхода в большой свет застать. Три дня ждал пока все четверо из гнезда перебрались под конек на крышу. Одни носы торчат из укрытия. Дня два так просидели и, наконец, стали ненадолго вылезать наружу. Кто пошустрее выскочит, по коньку побегает, крылышки разомнет, почистит лапкой затылок, непременно упав при этом набок, ведь на одной ноге устоять еще не в силах и опять на место под доски конька. Еще через день совсем осмелели, стали учиться летать. Вспорхнет птенчик, трепеща короткими крылышками, зависнет над самым коньком секунды на три, перьевая перхоть на солнышке светлым облачком так и искрится.

Не успел оглянуться, подросли птенцы, разлетелись с крыши на соседние деревья, там их родители и докармливали. Выросли птенцы, величиной с взрослых стали, но только желтороты, да черного на голове и грудке нет. Серенькие птахи пока слетки. А вернутся к нам следующей весной, от стариков не отличить. Белые трясогузки удивительно неприхотливые птицы, как и воробьев, нет их только в Антарктиде. Были бы только мелкие насекомые на прокорм самих и птенцов да надежное укрытие для гнезда, будь то расщелина в скале или обрыве, или ниша под городским балконом, им не важно, лишь бы надежно гнездо укрыть. Эти хрупкие изящные птички совершают ежегодно перелеты на зимовку и обратно в тысячи километров, прилетая к нам весной, заметьте, когда еще и снег не весь сошел, даже в поле. На лужах по ночам лед от холода потрескивает, а они пересидят стужу и непогоду пухлыми комочками перьев в укромном месте, а чуть солнышко пригрело, уже по окраинам луж, по дорожкам парков и скверов суетливо толкуются, ловят первых мух да комаров.

Есть у белых трясогузок и более яркие, почти тропической раскраски родственники. Желтая трясогузка, обычная у нас в средней полосе России на пойменных лугах. Черноголовая трясогузка, более редкая и встречающаяся по окраинам заболоченных низин, обильно поросших рогозом и ивняками. Есть еще желтоспинная, желтоголовая, маскировочная и горная трясогузки. Всего в мировой фауне насчитывают десять видов настоящих трясогузок, кроме того, орнитологи выделяют много подвидов трясогузок. Только у обыкновенной белой трясогузки различают до одиннадцати подвидов. Вот такие они птицы трясогузки.

Луговой чекан

Чекан – птица у нас обыкновенная, но не приметная. Селится луговой чекан, как и положено согласно названию, по суходольным лугам, заболоченным опушкам леса, на старых залежах и пустырях. Издали птичка серенькая, невзрачная, вблизи много интереснее. Темная с коричневатым крапом шапочка, отделена от таких же щек белесыми бровками. Горлышко и брюшко светлые. Грудка и бока тела коричневатокремовые. Спина пестрая, воробьиной масти. Самка похожа на самца, но общий тон ее оперенья бледнее. Но это весной, а к середине лета, в обношенном пере их не отличить. Гнездятся птички на земле, гнездо надежно прячут в густой высокой траве. Потревоженные птицы перелетают с места на место, звучно чокая и подергивая хвостиком. При этом близко к себе не подпускают, осторожничают. В брачную пору самцы много поют не только днем, но и ночью, сидя на кустиках или сухих хворостинах прошлогодних бурьянов так, чтобы зеленое море разнотравья с их присады во все стороны хорошо просматривалось.

Песни заканчиваются с появлением 5-6 птенцов. Тут уж не до вокала, детей кормить надо. Чеканы родители старательные. То и дело к гнезду с кормом подлетают. С гусеницами, пауками, мухами да комарами. Кормят птенцов оба родителя, хотя гнездо строит и насиживает яйца только самка. Самец охраняет территорию от непрошенных «гостей», себе подобных и других. Врагов у чеканов много: кош-

ки, собаки, лисы, вороны. Все кому не лень гнездо на земле разорить могут. Человек или скотина наступит невзначай и, не заметив птичьей беды, пройдет дальше. Насиживание кладки занимает около двух недель, да выкармливание птенцов примерно столько же. И выходит, что около месяца судьба выводка от роковой случайности зависит, тем более что летать птенцы начинают не раньше, чем через две с половиной недели.

Прилетают луговые чеканы в среднюю полосу России довольно рано - в апреле, а улетают на зимовку, в Африку, в конце августа - сентябре. Есть у луговых чеканов ближайшие родственники, черноголовые чеканы. Птицы эти более ярко окрашены. Кроме черной головы без белых бровей, как следует из видового названия, черны у них крылья и хвост. Кроме того, выделяются белое надхвостье и ошейник, коих у луговых чеканов нет. Селятся черноголовые чеканы в открытых местах, как и луговые, но встречаются у нас на юго-западе и восточнее, до Приморья. Кроме России черноголовые чеканы обычны на юге Европы, Азии и в Африке.

Щеглы

Поймалось птиц в московских парках. Что тому причиной, точно не скажу. Может воронья развелось не в меру, может город гнобит природу, пучась элитно-башенным новостроем, на корню скупаемым за бешенные деньги, сползающим отовсюду пришлым, темно-денежным людом. Скопища автотранспорта и многочисленные промзоны свою горестную лепту вносят. Как-бы то ни было, только птиц явно меньше стало. Взять хотя бы щеглов. В зиму они обычны были на зарослях репейника. Теперь редко услышишь малую стайку где-нибудь на пустыре лесопарка, в бурьянах, а уж гнездо найти жилое, щеглиное и вовсе радость редкая. Мне такая удача выпала. Дело было в мае, в Кусковском парке. Людное место. По выходным народу, как на демонстрации. Велосипедисты шинами шуршат один за другим, шумные кампании табунами на пикники шествуют, да и просто мирно гуляющий народ в том углу парка дело обычное. И надо же, посреди этого столпотворения, в метре от асфальтированной дорожки, щеглы гнездо свили, не высоко, ниже 3 метров над землей, в кроне небольшой туи. Надо заметить, что было и еще одно гнездо, метрах в тридцати от первого, да погибло оно вскоре, вороны растрепали в клочья. Мое гнездо, о коем идет речь, сохранилось каким-то чудом. Ни от людей, ни от серых пернатых бандитов вреда ему не было. Щеглы благополучно достроили его, чему я был свидетелем, и самочка отложила яйца. Кладку не снимал, опасаясь обеспокоить птиц.

Вообще, гнездо щегла, отдельная песня. Строят его птицы дней пятнадцать. Перед началом строительства самец четыре недели за своей избранницей ухаживает, склоняет ее к браку. Строительство начинают не ранее того, как кроны деревьев в зелень листьев обрядятся. Снаружи гнездо неказисто, сероватое, словно из рыхлого войлока собрано. Зато изнутри птичьим пером, шерстинками и растительным пухом старательно убрано. Мягкое и уютное, одно из самых теплых сооружений у певчих птиц, наряду с гнездами длиннохвостых синиц, ремезов и корольков. У меня хороших снимков щеглов не было. Большая удача, что гнездо нашел, да еще недалеко от дома, в парке. Но как снять птиц, не привлекая внимания гуляющей публики, чтобы, не дай Бог, не разорили, задача не простая. Уж больно людное место. Снимать можно только издали, а то птиц потревожишь, да и вороны гнездо заметить могут, умны больно. Аппарат с телеобъективом, да еще на штативе, вещь заметная, однако умудрился спрятать его метрах в семи от гнезда, у соседней туи. Протянул тридцатиметровый провод дистанционного спуска и устроился на бревнышке в укромном месте, откуда гнездо в бинокль хорошо видно и фотокамерой на расстоянии управлять удобно.

В парк приходил с утра, как на работу, благо, что недавно на пенсию вышел. Стал за птицами наблюдать. Самочка терпеливо сидела на гнезде, грела кладку, кормил ее самец с интервалом в 20 – 30 минут. К гнезду подлетал не сразу. Сядет на соседнюю ветку, осмотрится и только после этого юркнет мышонком к кроне туи, туда, где у ствола на ветке щеглиная родовая обитель прилеплена. Чуть позже, качнется ветка, мелькнет пестрой тенью птица, это щегол снова полетел за кормом для подруги. В пасмурную и ветреную погоду сидела самка на гнезде плотно, подолгу, но пригреет солнышко, выглянув из-за туч, разъяснится, невтерпеж в гнезде сидеть птице. Дождется самца с кормом, а потом вместе с ним полетит размяться, заодно и покормиться вволю. Бывало, что час – полтора нет на гнезде птицы. Возвращались всегда вместе, парой.

Шло время, появились птенцы. Пока крошками были, грела их самка прилежно, слетала с гнезда редко. Кормил ее и птенцов самец. Но чуть подросли дети, покрылись длинным серым пухом, стала самка тоже за кормом летать вместе с супругом. Прилетят парой, сначала один покормит, вылетит из кроны туи и ждет поблизости, пока партнер кормление закончит, а там уж вместе, снова на промысел. Момент вылета птенцов я прозевал, но слетков с родителями чуть позже видел неподалеку от опустевшего щеглиного жилища. Слетки докармливаются родителями с неделю, а уж потом кормятся самостоятельно, собираясь в небольшие стайки, объединяясь с соседними выводками. Повезло моим щеглам, вырастили птенцов, хотя год назад, почти на том же месте, на соседней туе, гнездо продержалось с неделю, не больше. Вороны разорили. Сколько же их гибнет по всей Москве, кладок и птенцов открыто гнездящихся птиц? Если дальше так пойдет, останемся мы в городе с воробьями, голубями и воронами. Не видать щеглов нашим внукам в парках. Конечно, не смертельно это, но печально. На фоне погубленной природы душа мельчает, черствеет душа людская.

Дубонос

На даче, в саду, росла черешня. К концу июня плоды на ней стали краснеть. Еще неделя, другая и можно черешню обирать. Но вот незадача, повадился вор плоды красть, косточки берет, а мякоть на земле под деревом киснет. Дерево большое, высокое, ясно, что птица мародерничает, но какая? Скворцы, сойки, дрозды и многие мелкие воробьиные не прочь полакомиться черешней, но им мякоть нужна, а не косточки. А вот дубоносу, косточки в самый раз. У него клюв для косточек приспособлен, не зря его дубоносом прозвали. Выследить жулика труда не составило, посидел пару часов на балконе второго этажа, напротив которого черешня росла, он и явился, не заставил себя долго ждать. «Жулик», а хорош. Плотно скроен, размером со скворца, но потолще, хвост короче, голова крупнее. Ну и конечно, клюв выдающийся, широкий, короткий, мощный, цвета вороненой стали.

Повадками дубонос на маленького попугая похож. Про крепкий клюв, как у небольшого попугая, уже сказано. Теперь о шее. На вид она короткая, но, если нужно, может вытянуться так, что птица, висятая на манер попугая вниз головой, до нужной ветки с плодами, дотянуться может. Ученые выяснили, что строение клюва, черепа и мускулатуры головы дубоноса, как нельзя лучше приспособлено для раскалывания крепких косточек. Щелкать косточки вишни, черешни, черемухи, для дубоноса дело привычное. Дубонос – птица южная, хотя и у нас, в средней полосе России, гнездится. Даже в московских парках изредка селится. Но наиболее обычны и многочисленны эти птицы в южной Европе, в странах Средиземноморья. Гнездятся дубоносы, как в дикой природе, так и по соседству с человеком. Лишь бы плодовых деревьев было вдоволь.

Кормясь, в листве густой искусно прячется, открытых мест избегает. К гнезду с кормом пробирается скрытно, крадучись. Яйца насиживает только самка в течение двух недель. Столько же слетки докармливаются родителями вне гнезда. Кормят малышей оба родителя мелкими беспозвоночными животными. Взрослые птицы, по характеру питания вегетарианцы, хотя и не брезгуют червями и различными насекомыми.

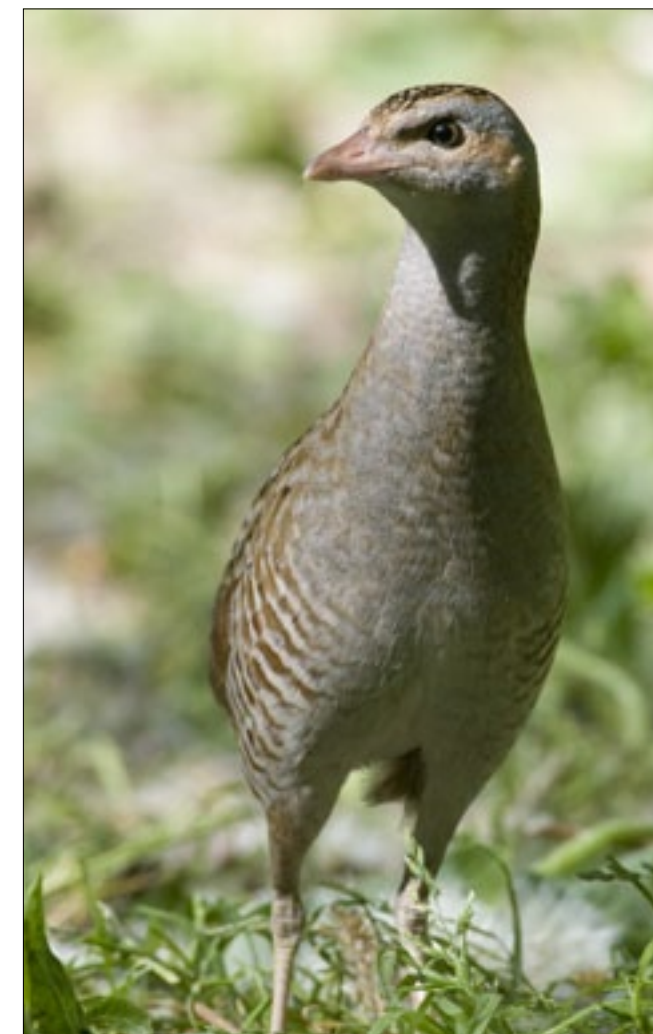
По осени, объединившись в стайки, дубоносы совершают «набеги» на фруктовые сады, за что крепко не любят их садоводы. Но польза от этих птиц тоже бывает не малая, когда с весны и до середины лета уничтожают они вредителей фруктовых деревьев. Учитывать бы это надо людям, но на деле, частенько, доходит до стрельбы по птицам. Но дубоносы всего лишь положенное им пропитание добывают, а человек свое добро бережет. У каждого своя правда.... А птиц жалко. Не для того природа десятки и сотни тысяч лет свои творенья оттачивала, чтобы мы, люди, по ним свинцом пуляли.

Птица невидимка – дергач

Дикие животные – существа скрытные, птицы не исключение, не любят к себе досужего внимания. Но есть среди них особо осторожные – невидимки. Голос подают, часто и рядом, но увидеть их, редкая удача, мало кому удастся. Вот такая птица, в наших местах, даже в Москве не редкость. В народе называют ее дергачом, а литературное имя - коростель. По весне и в начале лета скрипучий крик коростеля в пойменных лугах, на опушках леса, в старых парках и садах – дело обычное. А вот самой птицы не видно. Рядом кричит, в нескольких метрах, близок локоток, да не укусишь, не выдает себя коростель – птица-невидимка. По научной классификации коростель относится к отряду журавлеобразных птиц, в котором наряду с многочисленными семействами современных и столь же разнообразными семействами вымерших, ископаемых форм занимает нишу, обозначенную семейством пастушковых, где значится более тридцати родов и, по меньшей мере, сто двадцать девять видов, включая семь, или более, вымерших. В нашей стране обычны только двенадцать видов пастушковых, из коих коростель распространен наиболее широко, от западных до восточных границ. Но будучи, как и все пастушковые, выходцем из южных частей земного шара, дергач не идет в своем распространении далеко на север, особенно в восточной части России.

Коростель - птица наземная, в обыденной жизни крыльями пользуется редко, больше бегает, однако, во время сезонных миграций совершает значительные перелеты, пересекая моря и пустынные участки суши. Сжатое с боков тело, гибкая шея и сильные лапы максимально облегчают передвижение птицы в густом высокотравье и куртинах кустарников. Добавьте к этому защитную окраску оперенья, рыжевато-коричневую сверху, оливково-серую на груди и шее, испещренную темными штрихами, и перед вашим взором явится существо, идеально приспособленное к обитанию на высокотравных лугах и лесных опушках.

У нас, в Подмосковье, коростель появляется довольно поздно, в середине мая, а улетает на зимовку в Африку, рано, уже в конце августа. Во время тока, в пору формирования брачных пар, самцы принимают различные «рыцарские» позы, вытягиваются столбиком, пританцовывают, топорщат перья, пригибаясь к земле, но наблюдать такое поведение, мало кому удастся. Немудреное гнездо, в ямке, на земле, устраивается вскоре после возвращения с зимовки. Гнездо хорошо маскируется птицами в густой траве или куртинах кустарников. В кладке шесть-двенадцать яиц. Насиживает самочка недели две с половиной, или чуть больше. Вылупившиеся птенцы обсыхают в гнезде и через день – два покидают его. Кормиться самостоятельно начинают в конце первой недели жизни. Через месяц - полтора они уже способны летать. Питаются коростели беспозвоночными и мелкими позвоночными животными, обычными для увлажненных мест с плодородной почвой: червями, моллюсками, насекомыми, лягушатами, тритонами и в дополнение к этому, - семенами растений. И если по весне, или в начале лета услышите, где то в парке или за городом скрипучий, надсадный крик дергача, значит, не оскудело место это, жива природа, не совсем еще добытая человеком.

Ах, эта осень золотая!

Не зря Александр Сергеевич Пушкин осень боготворил. В пору багряно-золотого листопада в лесах и долах не слышно уж птичьих песен, давно увяли цветы, пожухли травы. Зато алеют грозди калины, кораллом терпких ягод украшены рябины. А из-под опавшей листвы топорщатся шляпки боровиков, подосиновиков, рыжиков, желтых лисичек, опят и прочих выходцев грибного мира, коим и названий не упомнишь. Каждой поре года свои прелести обозначены. Местные птицы и звери к зиме готовятся. Сойки орехи, желуди и зерно по щелям и пням замшелым прячут впрок. Мыши и полевки запасы злаков в норах устраивают. Кто посильнее или крылом покрепче, как ворон или ястреб, тот и без запасов зиму одолеет. Кому зима не впору, собираются в путь, к теплу, на юг. Журавли в сотенные стаи сбиваются, по лугам, жнивью и пашням кормятся напоследок, перед дальней дорогой. Но не всем осень мачеха. Олени да лоси в осеннюю пору голос пробуют, каждый по-своему. Гон у них, пора любви и битв за подруг, будущих матерей их отпрысков. Дождлива осень, холодна, да сердцу мила торжественной, звенящей чистотой, уходящей на зимний покой природы.

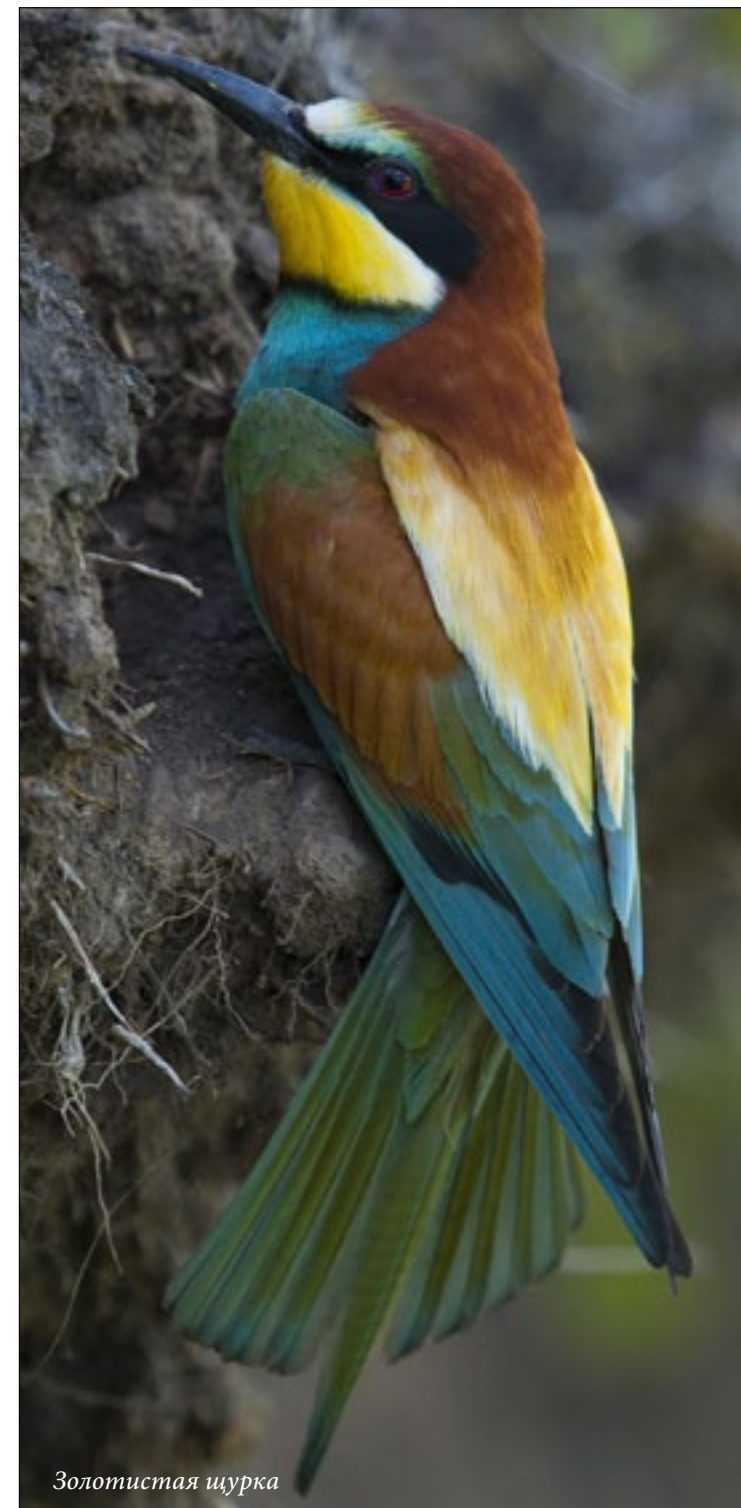
Щурки

Среди птиц, обитающих на просторах России, есть такие, которые на взгляд даже стороннего наблюдателя, не орнитолога, выделяются яркостью окраски, да и всем своим видом. Как правило, они выходцы из южных регионов земного шара, где и ныне обычны и многочисленны родственные им виды. К таким птицам, среди прочих, можно отнести иволгу, чибиса и более редких зимородка и щурку. Но если первые три вида, так или иначе, известны многим, хотя бы по рисункам в детских книжках, то щурок знают и видели немногие.

Правда, есть люди, уж точно знающие этих птиц и питающие к ним недобрые чувства. Речь идет о пчеловодах. Что ж поделаешь, если золотистые щурки насекомоядны и особенно охотно и ловко, наряду со стрекозами и жуками, ловят перепончатокрылых насекомых, к коим вместе с осами и шершнями, относятся и пчелы.

Живут щурки по речным обрывам и на заброшенных карьерах, где и устраивают свои гнезда в норках. Кроме золотистой щурки, на юге России обитает и еще один вид этих птиц – зеленая щурка, часто устраивающая свои норы на горизонтальной поверхности земли. Интересна эта редкая для России птица еще и тем, что роет очень длинные и глубокие норы, до трех метров в длину и до двух метров в глубину земли. У нас, в Подмосковье, редко, но кое-где все же гнездятся золотистые щурки. Щурки – птицы колониальные, однако изредка могут селиться и отдельными парами. Как уже говорилось, норки свои птицы устраивают на крутых обрывах, ближе к их верхней части, там, где кончается дернина и начинается собственно почва. Щурки так быстро залетают в норы и вылетают из них, что угадать с моментом для съемки очень трудно. Но мне однажды повезло, нашел жилую норку с крошечным выступом перед ней, куда и сядились на мгновение птицы, прежде чем нырнуть в нее. Склон старого песчаного карьера был крутым и неудобным для съемки. Пришлось отрыть себе рядом с норой площадку, только-только присесть, скрючившись под камуфляжной сеткой. Так и снимал, свернувшись улиткой, прижимаясь плечем к обрыву.

Щурки очень красивы и телом изящны. Золотистые щурки щеголяют бирюзово-голубым и каштановым пером, с лимонно-желтым на горле. Зеленые, как и следует из названия, окрашены в салатово-зеленые тона, с оранжево-желтым на горле. В мировой фауне, в семействе щурковых известно 25 видов. Живут щурки в Африке, Австралии и

Золотистая щурка

на юге Евразии. Образ жизни этих птиц, в целом, и наших щурок, в частности, сказывается на строении их тела. Сросшиеся передние пальцы лапок похожи на миниатюрные скребочки. Крылья и хвост узкие, удлинённые, как и положено птицам, которые охотятся за летающими насекомыми. Норки птицы роют сами. В гнездовой камере, в конце норы, достаточно места для кладки из 5-7 белых яиц. Насиживают кладку оба родителя и через двадцать дней начинают появляться голые и беспомощные птенцы. Ещё с месяц родители выкармливают их в норе. К концу срока кормления самец может оставить семью, предоставив заботу о детях самке.

Как и положено южным птицам, прилетают щурки к нам поздно, к середине мая, а улетают на зимовку в Африку с середины августа. Имя свое, здесь, в России, получили птицы за melodичные трели, услышать которые можно где-нибудь у реки с крутыми обрывистыми берегами или у старого заброшенного карьера.

Куropатки в городе

Мегаполис и девственная природа понятия несовместимые. Москва и дикие серые куropатки, тоже из области фантастики. Однако не надо торопиться с выводами, редко, но бывают исключения. Не так давно, с год назад, перебрались мы с женой на жительство в новый микрорайон, на восток Москвы, расположенный в четырёх километрах за окружной автодорогой. Неподалёку от дома высоковольтная линия бежит, от столба к столбу, сколько глаз хватает, до горизонта. За ней, озеро, наречённое людьми Святым. Считается, что жили тут предки наши издавна. Как будто и Пётр Первый в юности на озере первые навыки мореходные обретал. Одним словом, место обжитое, благостное. Нынче застроили округу многоэтажками, на месте бывших полей асфальт автодорог стелется. Взял город свое, джунгли железобетонные природу и тут достали. Но под высоковольткой полоса отчуждения имеется, где строить и рыть, по закону, никому не след. Вот тут то и сохранились каким-то чудом серые куropатки. Те, что в России по степям привольным из века обильны были.

Серые куropатки обитают в Евразии от Атлантического побережья до Алтая. Птицы охотно селятся рядом с людьми. Весной и летом кормятся на полях, собирая насекомых, среди которых немало вредителей зерновых и корнеплодов. Осенью питаются зерном культурных растений и семенами сорняков.

Ученые различают восемь подвигов серых куropаток, отличающихся по интенсивности окраски и размеру. Куropатки плодовиты, самка откладывает 12-18 яиц, но смертность молодняка и взрослых птиц тоже велика. Для птенцов губительна сырая погода. Много куropаток гибнет от хищных птиц и зверей. Пагубны для них и холодные многоснежные зимы. Губительны и летние засухи. В сезон размножения куropатки держатся парами. Самцы охраняют гнездовую территорию и активно участвуют в заботе о потомстве. Осенью птицы объединяются в стаи. Распадаются стаи только к началу весны.

Следы пребывания наших птиц обнаружили ближе к весне. Гуляли вдоль высоковольтки, там и на броды птичьи нашли, а следом и стайку куropаток спугнули. Облюбовали они, как позже выяснилось, бугор у самой тропинки, что краем полынных людей набита. Полынный и репейник летом, под высоковольткой травяным раздольем к солнцу тянется, а зимой, по снегу бурьянами дыбятся. Тут траву никто не косит, только палы по весне «дикие» горожане творят. Но с дикаря, что возьмешь? Одним словом «диагноз», издержки цивилизации.

Ранняя весна, но ещё прохладно, снег не весь сошел, голодно птице. Стал подкормку на бугорок сыпать. Поводились куropатки на прикорм бегать, с утра и к вечеру, часа за два до захода солнца. Построили с товарищем, тоже фотоанималистом, засидку. С утра за птицами не наблюдал. Как-то не сложилось, да и вставать до рассвета и дрожать на утреннем морозе удовольствие сомнительное. Зато вечерами насмотрелся на птиц вдоволь. Приходили куropатки парами, пока одни кормятся, прочие, где-то рядом, на отшибе, своей очереди ждут.

Город не лес, не обошлось без курьезов. После схода снега появились рядом с нашим бугром землекопы. Полынные широкой полосой вдоль автодороги растут. От скрадка до асфальта метров семьдесят, не больше. Рабочие трубы в землю укладывали, долго возились, больше месяца. Кончилось тем, что пришел мой товарищ куropаток снимать, а в скрадке землекопы туалет устроили. Ну да Бог с ними. Народ наш без затей, дети природы. Перенес подкормку на другой бугорок, метров на тридцать в сторону, подальше от дороги. Птицы быстро его отыскивали, стали кормиться на новом месте. И надо же такому случиться, через месяц новая напасть. Бурьянов море, места тьма, а бомжи стоянку у новой засидки устроили. Не застал их, ушли куда-то. Подождет пару дней, пропали, канули, но после себя тряпок гору оставили. Убрал и на этот раз гадюшник, «родимое пятно демократии». А куropатки по сей день, как куры, кормиться приходят, душу греют, глаз радуют.

Декабрь - начало антарктического лета. Позади почти два с половиной месяца морского пути через Индийский, Атлантический и Южно-полярный океаны. Цель нашей экспедиции - Оазис Бангера, клочок каменистой суши на восточном побережье ледяного континента. Очень давно, десятки миллионов лет назад, здесь было теплое море, с заливом, уходящим в глубь материка на многие десятки километров. Теперь океан и суша «затоплены» льдами. Они пощадили лишь верховье залива, да примыкающий к нему участок побережья. Это и есть Оазис Бангера, зажатый с трех сторон покровным ледником и отрезанный от океана 50 километровой полосой шельфового льда.

До самого горизонта, где сливаются небо и купол ледника, дыбятся груды и горы камня. Каменный хаос прерывается студеной прозрачностью озер, дно которых хорошо видно в тихую погоду через многие метры водной толщи. Но и на дне озер все те же камни. Хотя глубже, там, куда не проникает взор, дно устлано толстым ковром водорослевой слизи, лежащей на многометровом слое мертвого ила. Местами, поверх водорослевого покрова, растут водяные мхи. Сила антарктического солнца и прозрачность озерной воды столь велики, что зеленые мхи устилают дно на глубине более ста метров. В озерах нет рыб. Огромные каменные чаши хранят в себе мертвую стылость водоемов. Только вечером, скользя на тонких, как у стрижа, крыльях, безмолвно маячат над водой темные силуэты качурок, крошечных и безысходно обреченных среди каменного безмолвия этого, почти потерянного для жизни, мира. Даже вездесущие поморники, в Оазисе Бангера встречаются не часто. Можно бродить среди каменистых холмов много часов и ничего не увидеть, кроме нагромождения скал и моря щебня. И все же, если приглядеться, то начинаешь замечать в щелях и углублениях между камней небольшие, невзрачные подушечки мхов и корочки лишайников. Чтобы рассмотреть их как следует, приходится опускаться на колени или даже ложиться на землю.

В озерах, в верхнем, прогреваемом солнцем слое водорослевой слизи, живут крошечные, полупрозрачные существа - тихоходки, нематоды, коловратки. По берегам озер, на скалах, изредка видны светлые пятна. Это гнездовые ниши снежных буревестников. Удивительные создания эти птицы. Белоснежные, с чуть уловимым свинцовым оттенком, размером с небольшого голубя. На довольно крупной голове выделяются глаза, окаймленные темными перышками. Небольшой черный клюв с хорошо выраженными ноздревыми трубками у основания. Длинные, узкие к концам крылья и хвост да черные короткие слабые лапы. В полете снежные буревестники больше напоминают белоснежных голубей, но только когда спешат, летят на кормежку в океан или возвращаются к птенцам с кормом. За ним летать приходится очень далеко. 100 и более километров отделяют гнездовья от мест кормежки - разводий в шельфовой зоне океана.

Во льдах снежные буревестники из белоснежных голубей превращаются в огромных белых бабочек, скользящих и порхающих в поисках пищи, морской мелочи, которую можно найти в ледяном крошеве. Снежные буревестники кормятся мелкими морскими рачками - крилем. Изредка они ловят мелких головоногих моллюсков и рыб. Снежные буревестники - колониальные птицы, но колонии у них небольшие. Самая крупная в Оазисе Бангера насчитывала не больше 100 пар птиц. Гнезда буревестники устраивают в естественных хорошо укрытых нишах, в расселинах скальных массивов, в развалах скальных глыб. В гнездах нет подстилки, только крупный песок и мелкий щебень. Тут же в нишах нередко находятся трупы-мумии птенцов и яйца, погибшие давно, возможно сотни лет назад, но прекрасно сохранившиеся в сухом холодом воздухе Антарктиды.

Снежные буревестники выкармливают птенцов крилевым маслом. Потревоженные в гнездах, взрослые птицы и птенцы, защищаясь, плюются пищевой отрыжкой, которая накапливается в виде серо-коричневых натеков перед гнездовыми укрытиями. Гнезда используются столетиями и даже тысячелетиями. За это время около них образуются внушительные лепешки, так называемое антарктическое мумие. Максимальный возраст таких лепешек - более десяти тысяч лет. На гнездовье снежные буревестники прилетают рано, в начале октября. Осматривают гнездовые ниши в еще заснеженных скалах и

улетают на откорм. Возвращаются птицы в конце октября. Вскоре происходит спаривание, после чего будущие родители снова улетают в море. В конце ноября в гнездах появляется по одному белому яйцу. Насиживают оба родителя более 40 дней. Яйца выдерживают многочасовое охлаждение, но гибнут, если их бросают более чем на сутки. В середине января появляются голубовато-серые пуховики. Первые три дня птенцы совершенно беспомощны, но уже на четвертый день сидят рядом с обогревающими их птицами. Через неделю после появления птенцов родители улетают от них и возвращаются только для кормления. Снежные буревестники - птицы осторожные, скрытные. Наблюдая за ними, мне никак не удавалось застать кормление птенцов. Повезло совершенно случайно. Маршрут в тот день затянулся, и возвращаться пришлось позже обычного, к вечеру. Ветер, что не унимался весь день, утих. В темнеющем небе повисла ватно-звонкая тишина. Монотонность движения по сухой каменистой долине настраивала на грустный рассеянный лад. До лагеря оставалось не более двух километров. Внезапно, на фоне вечернего неба к контуру лежащего впереди холма метнулась белой тенью птица. Несомненно, это был снежный буревестник, прилетевший кормить птенца. Торопясь, насколько позволяло беспорядочное нагромождение камней, я поспешил к месту, где только что была птица. Миновав узкий проход между скальными массивами вышел на открытое место. Слева от меня, метрах в ста впереди, над пологим склоном скального массива, заваленного каменными глыбами, вился хоромод белоснежных птиц. Кружась в виражах на большой скорости, они сходу исчезали в щелях между каменными плитами. Слышался неумолчный скрипучий гомон, кричали голодные птенцы. То и дело прибывали новые птицы. Они подлетали на большой скорости, в бреющем полете, резко кренясь с крыла на крыло. Некоторые из них заходили на гнездовье сверху, пикируя с большой высоты с такой немыслимой скоростью, что воздух гудел и жестко вибрировал, давя на уши. Птицы безошибочно находили гнезда в немыслимой мешанине каменных глыб и, резко тормозя у самого склона, исчезали в щелях между камнями. Требуемые крики голодных птенцов неслись отовсюду, но вскоре, минут через 15-20, стали затихать. Одна за другой птицы возникали белыми пятнами среди нагромождения темных глыб, вытянув шеи, совсем недолго осматривались, оставаясь наполовину скрытыми в камнях, и вдруг резко срывались в стремительном низком полете, быстро, по спирали, набирая высоту, исчезая серыми точками в темнеющем небе. Всего лишь полчаса - и над сухой долиной, окруженной скалистыми холмами, воцарилась первозданная тишина. Ни шороха, ни звука, только груды мертвого камня вокруг.

Позже удалось выяснить, что в первую половину выкармливания родители кормят птенцов не чаще одного раза в двое суток, а потом и того реже, раз в три-четыре дня. Примерно к 35 дню птенцы набирают вес, превышающий вес взрослых птиц. За неделю до вылета их перестают кормить, бросая на произвол

судьбы. В последние дни перед вылетом птенцы выходят в сумерках из гнезд и усиленно разминают крылья, но летать не пытаются. Молодые птицы вылетают самостоятельно, ночью в первой декаде марта. Слетки не сразу улетают в океан, но, по крайней мере, в течение первой ночи учатся летать. Сначала перелетают у самой земли на небольшое расстояние и подолгу отдыхают, тяжело дыша, полулежа среди камней. Но постепенно полет становится все более уверенным, дистанция его увеличивается. На следующий день, после вылета, молодые птицы прячутся от поморников под козырьками снежных надувов, по берегам замерзших озер и водотоков, а с наступлением темноты продолжают перелет к океану.

Оазис Бангера - не единственное место, где размножаются снежные буревестники. Они гнездятся по всей Антарктиде в прибрежных оазисах, по горным хребтам и на ближайших к ней островах. Общее количество этих птиц не так уж велико. Известно, что в западной Антарктиде, включая Антарктический полуостров, гнездится около 40000 снежных буревестников. Примерно столько же птиц размножается и в восточной Антарктиде. Оценивая общую численность вида, необходимо помнить, что данные о местах размножения до сих пор далеко не полны и многие пары выбывают из цикла размножения из-за гибели яиц и птенцов. Кроме того, взрослые птицы гнездятся не каждый год, возможно с перерывами в два года, а количество не размножающихся молодых не меньше, чем взрослых. Принимая во внимание все эти соображения можно оценить общую численность снежных буревестников, по крайней мере, в 300000. Размножается из этого количества меньше трети.

Врагов у снежных буревестников немного: суровый климат Антарктиды с его летними метелями и ураганными ветрами, да поморники. Следы разбойничьих нападений поморников в изобилии видны среди камней в окрестностях птичьих колоний. Поймав буревестника, поморник разрывает его пополам, поперек туловища. При этом голова и нижняя часть тела, с хвостом и лапами проглатываются целиком. Из этой части тушки впоследствии формируется погадка, плотный комочек костей и перьев, отрыгиваемый сытой птицей. Верхняя часть тела только обклеивается. Кости грудины, плечевого пояса и прикрепленные к ним крылья остаются в камнях около гнездовых, на месте гибели птиц. По крыльям можно определить не только число жертв, но и примерный возраст птиц. Из осмотренных в Оазисе Бангера 80 пар крыльев, только восемь принадлежали молодым особям, остальные жертвы были взрослыми птицами.

Приспособленность этих птиц к суровым условиям Антарктиды достойна удивления. Они привычны к ураганам ветрам и летним метелям. До 300 километров летят птицы от гнезд до мест кормежки в океане. Пуховые птенцы с недельного возраста остаются одни в холодных скальных нишах, родители навещают их только для кормления. За неделю до вылета кормление прекращается вовсе, и это при 10градусном морозе, а поздние слетки, вылетающие в начале апреля, выдерживают недельную голодовку при 30градусном морозе. В завершение всего, голодные птенцы совершают, по меньшей мере, 100 километровый перелет от гнездовых к океану. По выносливости с этими птицами могут сравниться качурки, да еще, пожалуй, императорские пингвины, выводящие птенцов на шельфовых ледниках в разгар антарктической зимы. Долгую антарктическую осень и зиму снежные буревестники проводят в океане, кочуя у кромки морских льдов, а с первыми признаками весны устремляются в синеву антарктического неба, улетая к родным угрюмым скалам, еще спящим под шапками снежников.

Белые ржанки

После бесконечного мгlisto-туманного ненастья выдалось, наконец, безветренное солнечное утро. Привычно серые земля, скалы и море, почернели до боли в глазах под неистовым полярным солнцем Антарктики. На берегу морского залива, по ковру шелковисто-блестящих мхов, стелется старый, 20летний след от гусениц вездехода, совершенно заросший, но все еще заметный - мох в нем чуть короче. У самой воды россыпь щебня и гальки, темной от влаги и приглушенно хрустящей под ногами. Остро пахнет подсыхающими водорослями, которые устилают берег по границе прилива. Выше по пологому берегу - развалы скал с гнездами ослиных пингвинов и голубоглазых бакланов. По соседству с птицами дремотно потягиваются во сне морские слоны.

У бакланов крупные птенцы, полуоперившиеся, но все еще с заметными следами дымчато-коричневого плюша от пухового наряда. У пингвинов подростки птенцы уже линяют из пухового платья в перо, но в некоторых гнездах есть еще серые пуховики. В колонии пингвинов и бакланов то тут, то там мелькает парочка суетливых птиц - белых ржанок, или как их еще называют, футляроносов. По облику это нечто среднее между маленькой курочкой и голубем. Оперенье у птиц чисто белое, темные только ноги да клюв. Глаза коричневые, с толстыми, словно припухшими веками, и от того они кажутся подслеповатыми. Около глаз и у основания клюва, обрамленного сверху кожистым ноздревым чехлом - лицевые сережки, голые участки кожи телесного цвета, сморщенной и неровной, как старое перележавшее яблоко. На лапах нет перепонки, что для антарктических птиц большая редкость. В Южной полярной области кроме белых ржанок перепонки нет еще только у одного вида птиц - Антарктического конька, единственного представителя воробьиных птиц в Антарктике, эндемика острова Южная Георгия.

В птичьей колонии ржанки ищут остатки пищи, оброненные при кормлении птенцов. При случае футляроносы всегда готовы украсть яйцо или пуховика. Не брезгуют они и падалью, ловко расклеивая ее крепким и сильным клювом.

Белые ржанки птицы удивительные и загадочные. У них нет близких родственников нигде в мире. Семейство футляроносов состоит из одного рода и двух видов: перелетных белых ржанок, гнездящихся в районе Антарктического полуострова и оседлых, чернолицых ржанок, размножающихся в Субантарктике, на островах Индийского Океана. По форме носового чехла, цвету ног и лицевых сережек, различают четыре подвида чернолицых ржанок, обитающих на острове Кергелен, в районе острова Херд, на острове Крозе и на островах Марион и Принс Эдвардс.

Генетически белые ржанки ближе всего к чайкообразным и куликообразным птицам. Считается, что семейство белых ржанок обособилось от древней группы околотовных птиц, объединявших в себе признаки чаек и куликов и развивалось изолированно в Антарктике.

Крыльями футляроносы пользуются неохотно, предпочитают бегать, но при необходимости могут лететь над морем сотни километров. Полет у белой ржанки чибисиный. У нее такие же, сравнительно длинные и широкие крылья, и машет она ими как чибис, энергично, резко, но с чуть заметной задержкой в конце маха. Перелетая на небольшое расстояние, футляроносы не поджимают ноги, и они свисают вниз, чуть согнутые, слегка покачиваясь из стороны в сторону в такт взмахам крыльев. Ходят белые ржанки по-куриному, нервными рывками, слегка кивая на каждом шагу, чуть вжатой в плечи головой, и от того

выглядят пронырливо-вороватыми. Бегают птицы ловко и вертко, совсем как куры в панике, и догнать их - безнадежное дело. Брачное ухаживание самцов похоже на поведение токующего голубя, но голос у футляроносов не голубиный - глухое, горловое карканье.

Пары приступают к размножению в октябре-ноябре. Гнездятся белые ржанки поблизости от птичьих колоний или лежек морских зверей, особенно морских слонов. Для гнезд выбирают углубления - пещерки в скалах, где устраивают немудреную, но теплую подстилку из перьев пингвинов, ракушечника и растительного мусора. И опять, как в случае с перепонками на лапах, исключение из правил - теплая подстилка в гнездах антарктических птиц - большая редкость. В декабре-январе откладывают два-три яйца, а недели через четыре появляются птенцы. Насиживают птицы с первого яйца, а откладывают яйца с промежутком в несколько дней, а то и в неделю, поэтому получается разнокалиберное потомство. Случается, что младшие птенцы гибнут, но если погода не подведет и корма вдоволь, то выживают все. Птенцы футляроносов голенастые, большеногоие, покрыты буровато-ржавым пухом с темным рисунком по спине, точь-в-точь как птенцы куликов, но только крупнее. И снова необычность - пуховой наряд антарктических птиц, как правило, мышино-серый, а тут рыжий. Постепенно у птенцов появляются белые перья, сначала на плечах, крыльях и хвосте, потом на голове и спине и в последнюю очередь - на брюшке. Птенцы футляроносов отличаются кротким нравом. Они трогательно ухаживают друг за другом, обирая клювом перышки соседей. Подростки часто выходят из гнездовой ниши, но не далеко и при малейшей тревоге прячутся в гнезде. Их безопасность долгое время зависит от гнезда, и поэтому футляроносы могут считаться полувыводковыми птицами.

Белые ржанки - одни из немногих птиц, способных зимовать в Антарктике. У перелетных белых ржанок на зимовку к восточным берегам Южной Америки улетают обычно молодые и не размножающиеся птицы. На побережье Аргентины и Уругвая можно наблюдать большие стаи зимующих футляроносов, по пятьсот-шестьсот птиц, кормящихся на свалках или около фабрик по переработке рыбы. Птицы, остающиеся на зимовку в Антарктике сильно жиреют и к концу осени перемещаются поближе к людям, на полярные станции, где буквально пасутся около столовых и жилых домиков: смиренно и терпеливо дожидаясь, собравшись в стайки, очередной подачки. Утрачивая всякую осторожность птицы, полностью доверяя людям. Но с первыми признаками весны белые ржанки уходят с полярных станций, откочевывая к скалистым участкам побережья или на многочисленные прибрежные острова Антарктического полуострова.

Там где живут пингвины

Работая зоологом, мне посчастливилось побывать в самых отдаленных уголках земного шара, в том числе и в Антарктиде. Впечатлениями об этом мире непуганых птиц и зверей я и хотел бы поделиться с читателями.

Международное право уже давно запрещает охоту и всякую добычу диких животных в Антарктиде. В результате, морские звери и птицы перестали бояться людей. Вот где суший рай для человека с фотокамерой.

Знакомство с обитателями ледяного континента начнем, пожалуй, с ластоногих - тюленей. Они, как истинные фотомодели, капризно ленивы и более всего на свете любят блаженно нежиться в полузабытье на пляже. Расшевелить заспавшегося зверя дело не простое. Максимум, на что можно рассчитывать, - поднимет небольшую в сравнении с налитой жиром тушей голову и тут же уронит ее на гальку. Снимать тюленей и морских слонов - неблагоприятное занятие. Серовато-бурые тела сливаются с фоном пляжа, а мглистая дымка и морось довершают гибельность дела. Момент для удачного снимка приходится ждать долго, чтобы солнце выглянуло, и «клиент» хотя бы голову поднял.

Совсем другое дело морские котики. Людей они тоже не боятся, даже наоборот. Если подойти слишком близко, метра на три, самец может броситься, утробно хоркая и скаля довольно крупные для маленькой усатой головки зубы. Скачет котик на передних лапах, высоко вскидывая грудь, довольно шустро, так, что убежать от него совсем не просто. Правда, долго он не преследует, рывок на десять-двадцать метров - и все, погоня кончилась.

Есть среди антарктических ластоногих немногочисленный, но, пожалуй, самый необычный тюлень-хищник - морской леопард. Почему леопард, становится ясно, стоит увидеть его пасть с жуткими зубами. Несмотря на устрашающий вид, к людям тюлени-леопарды равнодушны.

Лишь бы сильно не надоедали. Среди антарктических зверей (а здесь они все морские ластоногие, своих наземных млекопитающих в Антарктиде нет) тюлени-леопарды самые красивые, серебристо-серые, в темных пятнах.

Хороши звери Антарктиды, но все же, на мой взгляд, наиболее интересны для фотографа птицы, и, в первую очередь, пингвины. В современном мире существует семнадцать видов этих птиц, но собственно антарктических всего лишь четыре: ослиные или Папуа, антарктические или полицейские, пингвины Адели и императорские пингвины. Остальные виды этих птиц - обитатели Субантарктики, а то и вовсе жители южной Африки или Новой-Зеландии и Австралии. В западном секторе Антарктиды, о котором идет речь, больше всего антарктических и ослиных пингвинов. Адельки гнездятся, но их сравнительно немного. Они вместе с императорскими пингвинами и еще несколькими видами чаек и буревестников - аборигены самой суровой части ледяного континента, восточной Антарктиды.

Но вернемся на запад, где мы уже познакомились с тюленями и котиками. В прибрежных россыпях, порушенных временем скал, расположились колонии антарктических пингвинов. Если не очень надоедать им, вести себя тихо и мирно, они быстро, минут за десять, перестанут вами интересоваться и займутся своими проблемами, коих хоть отбавляй. Нужно следить за соседями, чтобы не стащили яйца. У кого-то уже появилась пара серых, вечно голодных пуховиков. Назойливый поморник все время рядом крутится, норовит учинить разбой. Зевать не приходится.

Там, где ровнее и скал поменьше, обосновались на щебнистых россыпях ослиные пингвины. Они чуть крупнее, массивнее, чем антарктические, и, пожалуй, флегматичней. Если вести себя аккуратно, то к птицам можно подойти буквально на метр и снимать часами, но, конечно, с краю колонии.

Чуть в стороне, в россыпи каменных глыб, сидят на гнездах-ямках, обложенных камушками, пингвины Адели. Черно-белые франты с глазами – белыми пуговками с черной середкой. Птицы не крупные, но характер у них серьезный. Внимание к собственной персоне воспринимают достойно, но вольностей не позволяют. Неосторожный наблюдатель может поплатиться за излишнюю назойливость. Раздраженные птицы преобильно клюются и, кроме того, очень сильно и ловко бьют ребром крыла-каратисты, одним словом. Удар, вернее короткая серия ударов, словно дробь отбойного молотка, способна сломать пальцы на руке или оставить на ноге основательный синяк и заметьте, - через кирзовые сапоги и кожаные брюки.

Выше по берегу моря, на живописно разбросанных скальных массивах, царство гигантских буревестников и пестро-мраморных капских голубей. Капские голуби ютятся на труднодоступных уступах и в расщелинах, а буревестники вольготно устроились на плоских вершинах скал.

Гигантские буревестники - крупные буровато-серые или почти белые птицы. На земле неуклюжи, есть в их походке что-то гусиное. У птиц большой, желтоватый клюв, уплощенный и крючковатый на конце, с парой ноздревых трубок у основания, за что и относят их к трубконосым птицам. Глаза у взрослых светло-серые. От взгляда этих не по-птичьи осмысленных глаз, внимательно, хмуро-настороженно следящих за каждым вашим движением, становится жутковато. Голос у гигантского буревестника грубый, смесь гусиного гогота с орлиным клекотом. Неуклюжие на земле, в воздухе птицы преображаются. Почти не шевеля огромными, до двух метров в размахе, узкими, как лопасти ветряных мельниц, крыльями, скользят они серыми, бесшумными теньями над мрачными скалами и синевой морского залива, высматривая пищу: погибших или обессилевших зверей и птиц, головоногих моллюсков и рыб.

Вглядываясь в угловато-сутулые, чуть горбатые силуэты птиц, невольно вспоминаешь картины из фантастических романов о затерянном мире, читанных в детстве. Описание зловонных ущелий с парящими над ними птеродактилями. Действительно, есть в этих птицах что-то зловеще-первобытное. Не знаю, может быть, дело не в птицах. Сами эти скалы, обильно поросшие мхами и лишайниками, нехоженые, великолепные в своей угрюмой первозданности, рожают в душе ощущение первобытной мощи природы, суровой ее красоты.

Как все птицы Антарктиды, гигантские буревестники не пугливы, но с ними следует соблюдать осторожность. Бить вас они не будут, но есть в их арсенале оружие пострашнее. Птицы эти, если сильно

потревожены, плюются маслянистой едкой жидкостью (полупереваренной пищей), причем снайперски точно, норовя попасть в глаз обидчику. Чуть подросшие птенцы «стреляют» не хуже родителей. Птенцы надолго сохраняют свой роскошный, почти страусиный наряд из длинного нежнейшего пуха. Для них это совершенно необходимо, иначе не выжить на сильных сырых и холодных ветрах. Подросшие пуховики размером с крупную курицу видны белыми комьями пуха издалика, а вечером, подсвеченные лучами осевшего к горизонту солнца, кажутся огромными серебристыми одуванчиками.

Задолго до вылета родители перестают кормить птенцов, успевших накопить солидные запасы подкожного жира, расходуя которые, они опереются и, в марте, антарктической осенью, самостоятельно вылетают из гнезд, уносясь на распластанных неподвижных крыльях все дальше и дальше в Южный Океан, покидая на долгие годы скалы своего детства.

Из моего очерка у читателя может сложиться неверное впечатление о природе Антарктиды. Изображенные картины изобилия и разнообразия жизни - не правило, а, скорее, исключение, обычное только на западе Антарктиды. На самом деле более 95% поверхности этого континента похоронено под ледниками, средняя толщина которых около двух с половиной километров. Участки свободные ото льда, - это крошечные пятячки каменистой суши в прибрежной части и на немногочисленных островах. Но даже на востоке ледяного континента, в условиях почти космической суровости климата, жизнь не сдает своих позиций, являя нам удивительные примеры выносливости и невероятной приспособленности животных.

Кавказский заповедник

Адлер встретил нас хорошей погодой, неумным буйством растительности в окрестных горах, спокойным, но еще прохладным морем. Предполагалось сразу по прибытию отправиться в центр заповедника, на высокогорный стационар Джуга. Но жизнь распорядилась по-своему. Короткая «беседа» с директором заповедника закончилась категорическим отказом на посещение стационара. Тон и манера разговора не располагали к продолжению беседы. На этом первый день нашего пребывания в Адлере и закончился. Положение складывалось невеселое. Предварительная договоренность с заместителем директора заповедника по науке Борисом Сакоевичем Туниевым, оформленная официальным договором о сотрудничестве с Академией Наук, в глазах директора, судя по всему, ничего не значила. Оставалось только ждать возвращения с полевых работ самого Туниева, оказавшегося человеком интеллигентным и симпатичным. В конце концов, день спустя все устроилось и серым дождливым утром наша небольшая экспедиция в составе моего товарища, почвовед Аексея, проводника Виталия и автора этих строк погрузилась в автобус Адлер-Красная поляна, и уже через час мы стояли, нагруженные рюкзаками у начала крутого подъема по лесному волоку, ведущему к «пихтовой поляне». Там предполагалась первая ночевка. Нужно было подняться на девятьсот метров.

Даже вспоминать об этом шестикилометровом пути, длившемся под непрекращающимся дождем шесть часов, не хочется. Порой казалось, что нет сил и шага сделать дальше. Но если нужно, значит нужно. И шли, отдышались, вперед и прямо еще на десять, двадцать шагов, а за ними еще и еще, пока не вползли, измотанные и полуживые, на пихтовую поляну. Внизу пихтарник, выше субальпика и скальные массивы, припорошенные снегом. Туда, наверх, нам предстояло карабкаться на следующий день еще на 800 метров. Но это завтра, а сегодня нужен костер. Дров нет, лес мокрый, но все же умудрились разжечь огонь под навесом у перевалочной избушки. Переоделись в сухое. Это первое правило для работы в горах. В рюкзаках, в непромокаемых пакетах сухая смена обуви и одежды, без этого долго здесь не протянешь. Ужин на скорую руку, горячий чай и спать. В спальнике, после адской муки преодоления горной кручи - неземной рай и мертвый сон, но не надолго. Птицы проснулись, запели часа в четыре утра, уже не поспишь. В седьмом - подъем, в восемь рюкзаки на спину и снова в гору. Но - теперь легче. Крутизна меньше не стало, лезем, как козлы по скальной тропке, но вершину, конечную цель, видно, и часа за три с

половиной поднялись-таки на очередные восемьсот метров. Впереди перевал. Крутой спуск по рыхлому снегу, а дальше по горной долине, где снег, где ручьевая талая хлябь, пока в горный поток не упрешься.

Переправа через горную речку - дело отдельное. Сравнительно просто идти вброд по колено, устоять на ногах несложно. Скорость реки более метра в секунду и скользкие булыжники на дне. Если вода доходит до торса, парусность тела столь велика, что преодолеть поток, не искупавшись с ног до головы в ледяной воде, вместе с тяжелым рюкзаком, нереально. Нас судьба от такой напасти уберегла, целиком купаться не пришлось. К четвертому дню пути остался последний, затяжной подъем, и вот он, высокогорный стационар Джуга. Несколько домиков на опушке леса у границы альпики. Выше только альпийские луга и скалы, правда, не очень высокие, около 3000 метров. Один день неомраченного солнца Джуга нам подарила, позволив увидеть кавказский тетерево, туров, серн и ланей. Всего лишь один день, но сколь же великолепны заснеженные горы, изумрудно-зеленые луга и рыжевато-серые скальные массивы. Слова тут бессильны, да и фотографии не поведают о чистоте горного воздуха, нежности солнца, торжественной тишине поднебесного мира. Рассказать об этом трудно, забыть невозможно. Повсюду, по склонам лугов, в невысокой еще траве белые, желтые и синие цветы, вестники пришедшей в горы весны. Пройдет немного времени, и высокотравье сменит их, поднявшись в рост человека, а местами так, что всадника на лошади будет чуть видно. Склоны гор изрезаны руслами ручьев и ручейков, говорливых и неугомонных в это время года. Вода шаловливо скачет и бурлит в каменистых руслах, неудержимо уносясь вниз, навстречу с другими потоками. Набирает силы, чтобы ниже обратиться в бесноватую кипящую стихию горных рек, сметающих на своем пути переправы из вековых деревьев, ревущих подобно разъяренному зверю в теснинах сырых ущелий, неудержимо несущих ледяные потоки вниз, на равнину, к людям.

Как умудряются жить в этом ледяном беснующемся вареве форель и различные водные беспозвоночные, уму непостижимо. Воистину велика созидательная сила природы, сумевшая приспособить свои чада к жизни в горных реках или на горных кручах, где нет пути человеку, но с легкостью цирковых акробатов скачут серны и круторогие туры. На зелени альпийских лугов пасутся небольшими группами

лани. Сейчас, в начале июня, у них малыши. Заботливые мамки прячут их по опушкам горного криво-лесья, наведываясь только для кормления. Малыши еще слишком слабы, но пройдет немного времени, и, если судьба убережет от медведей, шатающихся в поисках оленят, оставшиеся в живых будут пастись вместе с матерями.

Заходят в альпику и волки. Раньше в горах обитали горные, некрупные звери, теперь, если верить наблюдателям стационара Джуга, появились крупные степные бандиты, способные небольшой стаей справиться с оленем-рогачем, оставив после кровавой пирушки рожки да ножки. До сих пор бродят еще в горных лесах, выходя к солонцам на лесные поляны и альпийские луга, зубры. Стало их несравненно меньше, но увидеть кавказских гигантов пока еще можно. Тропы в местах выхода родников обращены копытами зубров в жидкое, вязкое месиво. Леса заповедника еще служат убежищем дикому зверю, но будущее копытных не столь уж радужно. Прямо по пройденному нами маршруту предполагается строительство автомагистрали Черкесск - Адлер. Суда же планируется и перенос и железной дороги. С разных сторон наступают на заповедник горнолыжные курорты. В районе горного массива Фишт курорт Лагонаки, а со стороны Адлера, Красная поляна, уже названная народной молвой Путинградом. Грустная картина, как и везде сейчас в России.

И все же хочется верить, что горная жемчужина Западного Кавказа - Кавказский заповедник, выживет, Останутся в веках горные леса, и еще долго будут радовать взор наших потомков изумрудные ковры альпийских лугов, величавые, заснеженные вершины гор и мрачные ущелья горных рек. Но для этого одной веры недостаточно. Каждому человеку, живущему ныне в нашей многострадальной стране надобно понять, что будущее наших детей и внуков зависит от нашего жизненного выбора. Жить ли, плывя по течению мутных вод российской действительности, или противопоставить себя, свой труд, свою совесть, у кого она еще осталась, бездумной жадности человеческой. Угрожающей не только большинству населения нашей Родины, но и ее нерукотворным богатствам, недрам, лесам и рекам. Тому, без чего человеку на земле невозможно жить долго и счастливо.

Оляпка

Птичка оляпка – существо необычное. Корм добывает, ныряя за ним на дно каменистых речек. Цепляясь цепкими лапками за субстрат речного ложа, ходит птица по дну водотока, порой довольно стремительного, ищет личинок насекомых. Подводник одним словом, а не птица. Интерес к оляпке был у меня давнишний, но снять птичку все не удавалось. Теперь по приезде в Кабардино-Балкарский заповедник, такая возможность могла представиться.

Середина июня. Горная река Черек-безенгийский несет с грохотом и ревом свои воды от Безенгийской стены вниз в предгорье и дальше на равнину. Частые дожди и тепло рушат ледниковые громады, талая вода, желтовато-серая от грунтовой взвеси, гулко рвется в каменистых берегах горной реки, клокочет в камнях и скальных глыбах перекаатов. Здесь то и обитает небольшая черно-белая птица, оляпка. Кургузая, короткохвостая, в черный фрак с белой манишкой обряженная. Сначала поиски птицы были безуспешными. Оляпок изредка видел на горных ручьях, тех, что из боковых ущелий говорливо и пенно стремятся к основному руслу большой реки. Несколько раз замечал птичку около балка кардона заповедника, в котором было мое пристанище. Серой тенью проносилась птица вверх по течению ручья в ущелье. Попытки выследить ее в ущелье оказались тщетными. Заметив меня, оляпка перелетала все дальше и дальше вверх по ущелью, скрываясь из глаз в недоступных теснинах с водопадами. Поведение ее как нельзя лучше соответствовало строкам из знаменитой книги одного из основателей российской орнитологии М.А.Минзбира «Птицы России», изданной в Москве в 1895 году: «Если водяной воробей заметит приближение человека, в таком случае он снимается с места и быстро, напоминая на лету скворца, улетает вперед, следуя за всеми изгибами речки, что бы остановится где-нибудь довольно далеко от своего излюбленного уголка. Если человек продолжает приближаться, птичка повторяет свой маневр, но, проделавши это три – четыре раза, уже не летит вперед, а поднимается кверху и пролетает над головой своего врага прямо на старое место». Отчаявшись найти место кормежки птицы, где можно было бы снять ее из скрадка-укрытия, занялся горными трясогузками, кормивших на том же ручье слетков. Тут то и заметил, что оляпка не только вверх по ручью мотается, но регулярно вниз по ущелью носиться. С кормом или без него не разберешь, слишком быстро летает птица. Пулей у самой воды стрижет коротки-

ми крыльями, что в клюве не разглядеть. Стал постепенно спускаться по ручью и засекал пролет птицы. Так раз за разом, спускаясь, все ниже к основному горному водотоку и обнаружил, что гнездо было не в верховье горного ручья, а на противоположном берегу основной реки, куда ручей и впадал.

Оляпка часто садилась на огромный валун, отдыхала, а потом спускалась на сырой обрывистый берег, поросший лесом, и уходила под навес обвисших древесных корней, к своему потаенному гнезду. Кстати о гнезде. Строится оно из сухих травинки, корешков и листьев, а снаружи укутывается мхом, так искусственно, что заметить его совсем не просто даже с близкого расстояния. Кладку из 4-5 белых яичек насиживает самка очень старательно. Мне добраться до гнезда не представлялось возможным, течение бешенное, о переправе и думать нечего. Перейти на другой берег можно было по мосту, выше по течению километрах в пяти, но берег местами столь круто обрывался на скальных прижимах к речной стремнине, что карабкаться, с риском ссыпаться вниз в горный поток было, по меньшей мере, неразумным. Так бы и не снял птицу, да случай помог.

К концу июня участились дожди. С утра погода неплохая, солнце, тепло, а к вечеру, часам к четырем набегают тучи, заволакивает окрестные горные склоны туманом и льет дождь до ночи. Вздвигшиеся от талых льдов и снегов ручьи образовали на каменистой грунтовой дороге, что бежала по долине вдоль реки, мелководные перекааты. На одном из них совсем рядом с кордоном и обнаружилась оляпка. Словно мышонок сновала она по брюхо в мелкой воде переката, часто окуная голову в набегающие струи, а то и вовсе исчезая из вида в водотоке ловко собирая под водой личинок. Время от времени птичка взлетала на выступающие над водой камни, задорно дергая коротким хвостиком и звонко цокая, то ли от удовольствия, что добыла корм, то ли обеспокоенная моим присутствием. Надо заметить, что оляпка птица довольно осторожная, близко не подпускает. Пришлось прятаться на краю дороги у переката. Поставил штатив, на него сбоку укрепил зонтик, а сверху накинул марлевый балахон, под которым и спрятался. У водителей проезжающих по дороге в альплагерь, что расположился в верховье речной долины, у ледников Безенгийской стены, глаза на лоб от любопытства выкатывались. Что это бородатый дядя под марлевым балахоном у обочины дороги делает? А дядя оляпку снимал, водолаза-птичку. О чем и поведал теперь читателям.

Стенолаз

Горный поток, зажатый тесниной ущелья, гулко уносится вниз, оставляя в бессильной ярости белые ключья шипящей пены на каменных глыбах и отвесных стенках скал. Дорога давно уже кончилась, оставшись далеко внизу. Вверх по ущелью чуть заметной змейкой вьется тропа, такая узкая, что местами вдвоём на ней разминуться немыслимо. Туман, пробирающийся до самых костей холодной сыростью, повис недвижной пеленой, оставив только несколько десятков метров видимого пространства. Впереди,верху - Гизельдонский перевал. Там страна стенолазов, живущих среди крутых поднебесных скал, громоздящихся над языками осыпей и газонной зеленью альпийских лугов. Выше только спящие вершины-снежники да голубая высь небес.

Туман кончился неожиданно, как-то сразу. Он лежит белым, рыхлым дымом у ног, а над головой залитая солнцем бесконечность неба и гор, словно нарисованных добросовестным художником, не забывшим малейших штрихов и тончайших линий. До гор рукой подать, но это обман. Они очень далеко. Идти вверх к сиренево-серым зубцам вершин все труднее. Тупо стучит в висках, ноги словно налиты свинцом. Все чаще приходится карабкаться по осыпям, сползая вместе с ожившим под ногами щебнем далеко вниз от места, где ступил на предательский шлейф живого камня. Но мучиться стоит, впереди встреча с удивительно красивыми птицами - краснокрылыми стенолазами.

Пепельно-серой мышкой скользит невзрачная пичуга по отвесным скалам, перебираясь от трещины к трещине, выбирая длинным, тонким, чуть загнутым книзу клювом-шильцем насекомых и пауков. Язык

у стенолаза острый и длинный с шипиками-крючками. Зацепит паучка - не сорвется. Немного вытянутая спереди, довольно крупная, коротко посаженная голова, чернощекая летом и белощекая зимой, почти без перехода граничит с широкими округлыми крыльями. Перья на плечах и до середины крыльев алого цвета. С внешней стороны, на маховых перьях, по черному фону два поперечных ряда крупных белых пятен-горошин. Короткий, широкий хвост из мягких черных перьев обряжен снизу белой ленточкой. Птица очень подвижна, суетностью движений напоминает поползня. Раньше орнитологи относили стенолазов к поползням. Теперь они числятся среди пищухообразных и не зря. Изящностью телосложения пищухе стенолаз не уступит.

Уследить за птицей не просто. Пепельно-серая головка и спина с темными, прижатыми к телу крыльями, сливаются с буровато-серым фоном скал. Но вдруг все чудесно меняется и на уныло-сером камне вспыхивает алое пламя полураспахнутых крыл такого сказочно сочного оттенка, столь тонко гармонирующего с нежностью шелковисто-дымчатого оперенья тела и матовой чернью хвоста и крыльев, что передать это словами нет сил. Можно только задохнуться в немом восхищении от совершившегося на твоих глазах чуда превращения серой птички в алый цветок небывалой красоты. В полете стенолаз напоминает огромную краснокрылую бабочку. Большую часть года птицы проводят высоко в горах на скалах альпийского пояса, но ближе к зиме спускаются в предгорье, где держатся по галечникам и береговым обрывам рек.

Голос у стенолаза довольно приятный: не громкое «сци-сци-сци» или тихий протяжный свист – «ции-уу». В мае-июне в расщелинах скал устраиваются гнезда, обильно устланные мхом, шерстью и растительным пухом. Кладка - три-четыре белых в бурых крапинках яйца. Птенцы появляются через две недели насиживания и еще три недели выкармливаются родителями. Выращивание потомства занимает чуть больше месяца, и молодые птицы приобщаются к взрослой жизни, совсем не простой в суровом высокогорье, поражая редких здесь наблюдателей чудом гармонии формы и цвета - нерукотворного творения неподражаемой природы.

Джаныбек

Местечко Джаныбек - поселок и железнодорожная станция где-то между Саратовом и Астраханью. От Москвы всего лишь сутки поездом. Скажи кто лет двадцать назад, что будет здесь государственная граница, - сочли бы за сумасшедшего, а теперь Россия делит здешние просторы с Казахстаном. Но в 50 годы 20 столетия о разделе СССР никто и помыслить не смел. Заботы были другие. По сталинскому плану преобразования природы сажали в здешних безводных местах лесополосы. Даже научно-исследовательский стационар Академии Наук организовали. Без малого 50 лет трудились в этих местах ученые, и вдруг, на тебе, - раздел владений!

Чудно вышло, как в анекдоте. Все постройки и большая часть лесных посадок оказались в пределах суверенного Казахстана, а на долю России отошли туалеты и остальные лесополосы. Вот такая история. А что поделаешь, коль так граница пришлась?

Ну да Бог с ними, с границами. Они всего лишь плод недалекой людской суетности. Сколько их было за недолгую историю человечества и что от них осталось? В лучшем случае упоминание в пыльных фолиантах былых летописцев.

Но есть в здешних местах другой рубеж - природно-климатический. Этот посерьезней будет, хоть и без погранстолбов, а существует веками, и нечего ему не делается. Рубеж этот то, что уже не степь, но еще и не пустыня – полупустыня, одним словом.

Весна, конец апреля. Вокруг раскинулись пятнистым ковром бескрайние просторы, расцвеченные изумрудом трав, тюльпанами, ирисами да седыми полынями. Под стать растительности пестро и население животных. Степные гадюки и приткие ящерицы соседствуют с жителями полупустынь - серыми сусликами, устраивающими свои поселения, где повыше. Видны они издали по желтым буграм выброшенной из нор глины. Полупустыня не только царство серых сусликов, коих тут великое множество. С наступлением сумерек выходят из нор тушканчики, степные хори. Бродят, шурша прошлогодней ветошью ежи, причем нос к носу могут встретиться обыкновенный и южный, ушастый ежик. Но ночная жизнь животных труднодоступна для стороннего наблюдателя. О том, что происходило под покровом ночной тьмы, чаще приходится судить по следам в дорожной пыли да остаткам перьев и шкурок, немым свидетельствам ночных пиршеств.

В лесополосах, посаженных 50 лет назад и уже порядком поредевших, где от засухи, а где и от злых рук с топором, гнездятся вездесущие сороки, много лесных голубей вяхирей, нет-нет, да и захрипит в зарослях золотистой смородины серая куропатка или пробьет в изумрудной зелени луговины перепел. Повсюду, на земле и в воздухе, звенят песни жаворонков. Как и положено для порубежья природных зон живут здесь, рядом, обыкновенные полевые, степные и обитатели полупустынь - белокрылые жаворонки. Полевого жаворонка, пожалуй, все знают. По крайней мере, слышали, серенький, невзрачный, а голос - чистый хрусталь.

Степной жаворонок тоже цветом сер, но по бокам шеи украшен двумя черными пятнами. Он заметно больше полевого размером будет, крылья шире, а поет - заслушаешься, такие трели в полнеба выводит, сказка, да и только. Белокрылый жаворонок - белокрыл только по заднему краю удлинённых крыльев. Шапочка, щечки и плечи нарядно коричневатые. Самочка чуть бледнее окрашена, но в целом на самца похожа, только что ведет себя потише, не заливается на всю округу, сидя на сусличьих холмиках или распластавшись черно-белым крестиком в небесах, как красавец самец.

Много в здешних местах и хищных пернатых. Все лето держатся в округе стаи черных коршунов. Десятки птиц водят нескончаемые хороводы в поднебесье. На отдельных невысоких деревьях темнеют гнезда степных орлов. Случается, что гнездятся они и на земле. На высоких деревьях устраивают свои гнезда орлы-могильники, существа сторожкие, к человеку недоверчивые. Насиживающая птица, издали завидя человека, загодя срывается с гнезда, уходя широкими кругами в небесную ширь, подальше от возмутителя покоя. В старых сорочьих и грачиных постройках гнездятся мелкие сокола - пустельги и кобчики.

Ближе к вечеру на луговых участках пасутся зайцы - русаки. Рассядутся в травах, одни уши торчат. Скачут, кормятся, время от времени встают на задние лапки, тянутся, осматриваясь вокруг, нет ли врагов поблизости. А коль есть зайцы, то на них и лисы найдутся. Тут же, по соседству, на степных участках токут, раздувая черноперые шеи, стрепеты. Ну и, конечно, какая же полупустыня без журавлей - красавок.

Пресных водоемов в здешних местах мало, но уж если они есть, то живности около них не переводится. В бочагах и близь арыков, заросших тростником, сторожко замерли у гнезд серые цапли. Рядом, в тростниковых завалах устроили гнезда камышовые луны. В глубине тростниковых джунглей по бычьей бухает выпь, возятся, побрякивая, утки. Где посуше и тростник помельче, перепархивают, тревожно покрикивая, желтые трясогузки, коим вторит неумолчный хор лягушек и редкие трели зеленых жаб. По сухим окраинам тростников и на откосах арыков греются ужи, по тревоге бесшумно стекающие черными ручейками в сырую хламелю тростниковых зарослей. Однако картина прикаспийской полупустыни была бы не полной без пасущихся лошадей, коров и редких в этих местах верблюдов, да еще овец, заменивших ныне некогда многочисленных сайгаков, которых в этих краях осталось немного.

О поездке в высокогорье Кавказа мечтал давно, да все откладывал, но все же собрался. Кабардино-Балкария, ранняя весна. Желтеют прошлогодней травой южные склоны гор, протянувшиеся вдоль реки Черек-Безенгийский, северные – в белоснежном уборе с черной щетиной обнаженного леса. Весна запыдала недели на три, зато погода хороша. Солнце, тепло, апрель на дворе. Жилье мое устроилось на кордоне Кабардино-Балкарского высокогорного заповедника. С утра, еще до солнца, птичьи голоса не умолкают. Трещат черные и белозобые дрозды, заливаются горные овсянки, слышны горихвостки - чернушки, кавказские черноголовые сойки покрикивают. У реки, еще по-зимнему мелководной, но помалу набирающей силы, горные трясогузки и оляпки кормятся. Большие чечевицы и чернобрюхие горихвостки около кордона скачут, вместе с дроздами что-то ищут в дернине. Изредка бородач прочертит голубизну поднебесную, спеша куда-то, по своим делам. У него теперь птенцы, еще с марта, видно полетел за кормом для детей. Есть здесь и белоголовые сипы со стервятниками. Но они появляются, если где-то падаль обозначилась. Расправятся с павшим бараном в считанные часы и исчезнут, будто их и не было вовсе.

Выше по течению, ближе к Безенгийской стене, в километре от кордона кошара пастуха, как раз там, где мне за улами в горы лезть надобно. К уларам, или горным индейкам, как их еще называют, у меня особый интерес. Собственно и поездка то состоялась, для того чтобы на них посмотреть. Кавказские улары не самые крупные среди своих сородичей горных индеек. Самые крупные виды уларов характер-

ны для гор Тянь-Шаня, Памира и Гималаев. Есть улары и на Алтае, но там тоже свой вид – алтайский. На Кавказе два вида уларов, кавказский и каспийский. Каспийский улар обитает в Закавказье, не очень высоко в горах. Кавказский улар птица высокогорная, пока до него доберешься, семь потов сойдет. Высоко подниматься приходится, выше 3500 метров. Туда, где альпийские луга, а выше только ледники и бездонное небо, да тишина, до звона в ушах.

На второй день после приезда в заповедник решил посмотреть окрестности. Встал пораньше, чтобы с утра уларов послушать. Они утром перекликаются. Летать активно, на большое расстояние, улары не любят. Тяжелы, да и крылья невелики. Крыльями они больше подруливают. Ночуют улары высоко на скалах, у самых вершин горных хребтов. Рано утром, после шумной переклички, планируют вниз на альпийские луга, разбросанные зелеными лоскутами по склонам гор, среди осыпей и скальных развалов. Пощипывая проростки и почки трав, улары - строгие вегетарианцы, птицы поднимаются вверх. В полуденный зной отдыхают среди скал, а к вечеру снова вниз, на кормежку. Так и мотаются, вниз на крыле, вверх пешком.

Подойдя к кошаре, напротив которой громоздился горный хребет, решил подняться немного, попробовать трудно ли будет добраться до ближайших скальных развалов на склоне горы. Склон уходил круто вверх каменистым распадком, подъем оказался тяжким с непривычки. Добравшись до ближних скал, полез выше узким скальным коридором к открывшейся седловине. Карабкаюсь на четвереньках, цепляюсь руками за пучки прошлогодней травы. На шее тяжелый фотоаппарат с телеобъективом и большой бинокль, амуниция килограмма на три потянет. От речной долины, что внизу осталась, на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, метров на семьсот вскарабкался. Жаль спускаться. Лезу дальше. Справа, совсем рядом, крик улара. Его ни с чем не спутаешь. Отрывистое звонкое квохтанье с протяжным свистом вперемежку. Замер, сердце из горла вот-вот выскочит. Надеялся увидеть птицу вверху, не скоро, а она в полгоры, где-то рядом. Меня птице невидна и на стенку каменного коридора, что высится метров на пять, подняться можно. Под ногами мелкорослый шиповник, еще без листьев, колючий донельзя. Ногу поставить без адского треска некуда. Полез на скалы, тяну шею как жираф, чтобы поскорей заглянуть туда, откуда птица кричала. Выглянул из-за скалы, а там, в двух метрах, улар из-за камня тоже шею тянет, бусины глаз на меня недоуменно таращит. Шустрый оказался. Глазом не успел моргнуть, сорвалась птица вниз, а за ней следом еще одна. Звонко и протяжно улюлюкая, скрылись улары в крутом вираже, у меня за спиной, только я их и видел.

Лезу выше, впереди развал скал, за ними седловина, а от нее прямой путь к горному хребту. Добрался до скального развала, осторожно выглянул из-за камней. Метрах в ста, прямо передо мной, кормятся на травянистом склоне несколько уларов. Снимать далековато, но что делать, могло и этого не быть. Пока снимал птиц, немного отдышался. Улары меня не видят, но шустро уходят вверх. Сбились в кучку на каменных глыбах, что далеко впереди разбросаны, шеи вытянули, встревожены, заметили что-то неладное. Может шум затвора, услышали, кто знает? Только сорвались птицы одна за другой, скользнули вниз по склону и скрылись за горой. От седловины полез дальше к скальному гребню. Там, метрах в пятистах туры малыми темными точками пасутся. Вот- вот за хребет перевалят. В бинокль их хорошо видно, одни козы, козлов нет. Подождал пока они за хребет ушли. Поднимусь, думаю, к хребту, туры как на ладони будут. То ли высота стала сказываться, или устал сильно, только ползу как черепаха. Десяток шагов, отдышался, еще десяток, чем дальше, тем труднее, а до хребта еще метров триста. Еле живой добрался до хребта. Вправо уходит выгнутый амфитеатром крутой склон, отороченный сверху гребенкой остроко- нечных скал. Козы исчезли, видно перевалили в соседнее ущелье. Шарю биноклем по склону. Перед глазами плывут бурые ковры прошлогодних трав, да развалы камней. А вот и тур, серо-палевый, о четырех ногах. Нет, не похоже, больно плавно идет, лопатки на спине так и играют. Да это ж рысь! Крупная. До зверя метров триста. Пока дрожащими от усталости и волнения руками доставал аппарат, рысь к скалам подошла. Вот-вот среди них скроется. Щелкнул затвор, зверь услышал, на таком-то расстоянии. Вот это слух! Кошка остановилась, глядя в мою сторону. Секунд через пять отвернулась и пошла своей дорогой. Еще щелчок затвора - зверь скрылся.

Немного успокоившись, посмотрел на часы. Подъем на хребет занял около четырех часов, а еще вниз спускаться. Как глянул туда, откуда приполз, голова кругом. Крутизна такая, что дух захватывает. Не дай Бог, оскользнешься, вниз километра полтора сыпаться, без остановки. Вот занесла нелегкая. Но что делать, коль залез, спускаться нужно. С другой стороны хребта, откуда рысь пришла, еще круче, да и дорога незнакомая. Решил спускаться там, где поднимался. Метров двести сползал, цепляясь, за что только можно. Чуть привык, не так уж и жутко, если вниз не смотреть. Только тяжело, ноги свинцовые, усталость сказывается. Да и спускаться оказалось тяжелей, чем вверх карабкаться. Тут еще, почти в начале спуска, спугнул гадюку. Что она забыла ранней весной на такой высоте, не знаю. Только что овцы сюда не поднимаются, не беспокоят. Внизу, позже, ни одной не видел. Я пячусь вниз и она, серым, узорчатым ремешком, чуть ниже, по жухлой траве струится. Проводила меня метров тридцать и исчезла в сухой траве, как растаяла.

С полгоры пошел в полный рост, приноровился. Спустился на дорогу, прошелся немного, будто и в горы не лазил, только ноги гудят от усталости. А с рысью история имела продолжение. Снимал я ее далековато, но в визире видел отчетливо. Проявил пленку, отсканировал. Загрузил изображение в компьютер. Смотрю на экран монитора. Скалы вижу, ковер сухой травы, вот он, а где же рысь? Нет зверя, пропал. И только, когда пригляделся, по темному кончику куце- го хвоста смог с трудом великим различить чуть заметный контур зверя. Вот что значит маскировка, покровительственная окраска хищника. Замрет зверь, вовек его не заметишь. Великая мастерица природа, ничего не скажешь.

Десять дней, что провел на кордоне, пролетели, как один день, но есть о чем вспомнить. О диких турах, которые паслись теплыми вечерами в скалах напротив балка кордона. О знакомом горностае, живущем в кошаре чабана. О радушии простых горцев и величии гор. Да что говорить, Кавказ - слово звонкое, сродни звенящей первозданной тишине. Той, что обитает на укрытых вечными снегами вершинах, однажды увидев которые, уже никогда не забудешь.

Суслики

Известная поговорка «спит, как сурок» родилась не на пустом месте, да и относится не только к суркам. Многие животные: земноводные, рептилии, млекопитающие - переживают зимние холода или засушливые сезоны впадая в спячку. К примеру, те же суслики, о коих и пойдет речь. Правда, само слово «спит» не совсем верно. Спячка - это не сон, а то состояние, при котором жизнь чуть теплится на грани небытия. Сердце почти замерло, бьется редко и слабо, тело остыло до последней крайности, ниже 100° С, а расход энергии столь мал, что запаса жира, накопленного зверьком перед спячкой, хватает, по меньшей мере, на восемь месяцев бесчувственного оцепенения.

Сусликов на земле более тридцати пяти видов, а о подвидах и говорить не приходится, впору специалистам запутаться. Но всех их объединяет травоядность и привязанность к открытым пространствам, от горных тундр и альпийских лугов, до степей и пустынь. В степи зелень держится довольно долго, но быстро грубеет, а вот в пустыне не успеешь опомниться, глядишь, от весеннего праздника жизни, расцвеченного изумрудом эфемерной зелени, алыми брызгами тюльпанов и лазурью ирисов, остается жалкое воспоминание, в виде пожухлой ветоши. Такой сыт не будешь. Как тут выжить, если не спать до следующей весны?

Поведать обо всех сусликах на нескольких страницах невозможно, поэтому ограничимся рассказом о зверьках, обитающих в полупустыне, зоне перехода от степей к пустыням. Речь пойдет о серых или малых сусликах, для которых известно 12 подвидов, объединенных в один вид - *Citellus (Colobotis) pygmaeus Pallas*.

От спячки просыпаются суслики рано, в марте, когда в западинах еще снег лежит. Всю весну зверьки усиленно кормятся, торопятся жирок запасти, пока зелень еще жива. Отъедаются всерьез, в половину веса, что к концу зимовки остался, до четырехсот - пятисот грамм в конце откорма. Ведь к середине

лета снова в спячку впадать. Сначала самцам и холостым самкам, они жир накапливают раньше. Им детей не рожать, не кормить. Ну а вскоре и всем остальным в норах укладываться. Норы сусликов и их поселения - тема для отдельного рассказа. Довольно сказать, что существуют они подолгу и, как все в жизни, начинаются с малости, одного наклонного хода с камерой в конце. Постепенно, годам к восьми, образуется система нор и отнорков, и на месте первичного холмика глины, выброшенной когда то зверьком, первопоселенцем, вырастает бугор, поросший полынью и злаками. Целое коммунальное хозяйство со своим населением, разнополым и разновозрастным, да еще и с названными соседями: сверчками, жуками навозниками, чернотелками, клещами, блохами. Бывает, что и степная гадюка или узорчатый полоз рядом поселится. В таких поселениях проходит вся жизнь зверьков. Очень не простая, порой короткая как искра ночного костра.

Сразу после выхода с зимовки, сначала взрослых самцов и самок, а немного погодя и молодняка, играют свадьбы. Зверьки в эту пору очень активны, часто дерутся из-за самок. Самые сильные и ловкие уходят с избранницами в норы, где и свершается таинство продления рода. Во время беременности, которая длится чуть меньше месяца, самочки пугливы и редко выходят из нор, только что бы покормиться, а за несколько дней до родов и вовсе сидят в подземных убежищах безвылазно.

Родятся суслики голыми и слепыми, но через неделю прозревают, а спустя еще недельку, обрастают шерсткой. В трехнедельном возрасте щенки уже кормятся самостоятельно, а в полуторамесячном покидают родные гнезда, уходя в самостоятельную жизнь. По первому году, еще до зимовки, в зубах степных хорей и лисиц, в лапах и клювах пернатых хищников и в утробе полозов гибнет больше половины ежегодного приплода. Двухлетних сусликов гибнет меньше, примерно пятая часть, трехлетних - одна десятая, а уж зверьки постарше, умудренные жизненным опытом, пропадают и того реже, один на сотню. Но это без учета неблагоприятных зимовок и повальных болезней. Перед этими бедами все равны. Смерть косит одинаково и старых и малых. Но восстанавливается население сусликов быстро, года за 3-4.

Взрослые зверьки кормятся с 6 утра, еще по росе, и до 8 вечера, съедая ежедневно около 120 граммов пищи: луковиц эфемеров, стеблей злаков и полыней. При случае не брезгуют яйцами и птенцами мелких птиц, мышатами и насекомыми. Охотно кормятся зверьки на зерновых полях, бахчах и огородах. За 80-100 дней активной жизни один суслик съедает до 4,5 кг зерна. Но это еще не все, зверьки переносят опасные заболевания человека и домашних животных: чуму, туляремию, бруцеллез и сибирскую язву. Однако в природе нет абсолютно полезных или вредных животных, так и с сусликами. Живут они на нашей планете, почти не меняясь последние 30000 лет. Из современных малых сусликов к ископаемой форме ближе всех горные кавказские суслики, живущие на высоте 1200-3500 метров. Родятся крошечные зверьки, живут и уходят, как и все сущее на земле, участвуя на равных в вечной круговерти обновления жизни.

В горах все всерьез

Черек-Хуламский шумел по-прежнему, мало что изменилось с прошлого моего приезда сюда, в Кабардино-Балкарский высокогорный заповедник. Тот же балок на кордоне, те же сумрачно суровые горы, правда, теперь, в середине июня, а не в начале апреля, как в прошлый приезд, уже не в снежном саване, но убранные свежей зеленью лесов и укрытые изумрудными коврами высокогорных лугов. Полноводный ныне, в середине лета, Черек слышен издали. Гул такой в долине, словно сильный ветер в кронах шумит, но с глухим рокотом, то река валуны по дну волочит – ворочает. В горах пустынно, безлюдно. Коровы и лошади сами по себе пасутся, на вольном выгуле, где хотят, едят, когда хотят, спят. В конце теплого сезона, к осени, сами возвращаются с горных пастбищ домой в село Безенги. Других сел, здесь в верховьях Черек-Хуламского, нет.

Сначала работал рядом с кордоном, снимал мелких воробьиных птиц, растительность и ландшафты. К концу второй недели заскучал. Поблизости от кордона все облазил, даже сходил в соседнее ущелье реки Думала, до ледника дошел, откуда река начало берет, Шесть часов хода вверх по долине, четыре вниз, назад, в сторону кордона. Куда еще податься? Боковых ущелий хватает, но все они непроходимы, вертикальные стенки с водопадами, шею сломать можно. А надо заметить, что в верховьях Черёка, у ледников близь Безенгийской стены обосновался с пятидесятих годов прошлого столетия лагерь альпинистов. Место, куда издавна стремились любители горного туризма и, конечно, альпинисты. Едут сюда, в центр высокогорного Кавказа, не только со всей России. Иностранные туристы в Безинги давно не редкость. Да и чему ж тут удивляться, если на всем большом Кавказе семь пятитысячников и пять из них, здесь, в сердце высокогорного Кавказа, в районе Безенгийской стены.

Рассказать дельно и полно о красоте здешних мест совсем не просто, если вообще возможно. Такое нужно видеть воочию. Только тут в полной мере ощущаешь тщетность человеческой суеты в сравне-

нии с этой цитаделью вечности, царством заснеженных горных исполинов, нежно розовых на восходе, слепяще-чистых в лучах полуденных и сумрачно суровых в вечерних сумерках. Мир этих гор столь далек от обыденной суеты человеческой, что диву даешься, возможно, ли такое в наши дни, когда от дикой первозданности природной повсюду остались жалкие крохи. Здесь, высоко в горах, у вечных ледников, очарованию и волшебству дикой природы подвержены не только люди. Даже звери утрачивают обычную свою осторожность, и дикие туры спокойно берут подсоленный хлеб из рук туристов или отдыхают безбоязненно в считанных метрах от обалдевших от подобного зрелища людей. Правда, что бы добратъся до этих волшебных мест в горах, попотеть надобно. Но об этом позже, в свое время.

Как и всюду, так и здесь, в Безенги, без ложки дегтя на бочку меда не обошлось. Между поселком Безенги и высокогорным альплагерем с тем же названием, окопались пограничники. Пограничные строгости ныне не в меру круты. Без пропуска ни шагу за пределы погранкордона хода нет. Правда, не очень понятно, что охраняют пограничники. Застава упрятана в верховьях Черекской долины. В ближайшем тылу у пограничников Безенгийская стена, вознесшаяся более чем на четыре километра ввысь, выбеленная вечными снегами и только опытным альпинистам доступная, да и то местами и ценой могил в окрестностях альплагеря. На нее не то, что лезть, смотреть жутко. Лето в разгаре, а там, вверху, вечные снега и седые скалы. За стеной Грузия. Нормальный человек, будь он даже грузинский поданный, через Безенгийскую стену не пойдет. Такой поход очень даже печально кончиться может. Так что тылы у наших доблестных пограничников крепкие, надежные тылы. И что же остается, а ровным счетом ничего, если только не собственные граждане. Вот от них болезных и держат оборону доблестные горные воины. Чтобы россияне, не дай бог не ринулись толпами на Безенгийскую стену, дабы уйти стройными рядами в Грузию. Вот ведь какая история, и в страшном сне не привидится. А за пропуском в Нальчик, за 80км в погранотряд ехать надобно. Но это еще не все. Мало того, что застава в верховьях имеется, ниже по течению в нескольких километрах от нее новая застава, с иголочки, красуется. Местные жители только руками разводят. Говорят видно деньги в России девать некуда, если в добавок к старой еще и новую заставу отгрохали.

Так вышло, что не оформил я пропуск в Нальчике. Не видать бы мне местных высокогорных красот в окрестностях альплагеря, если бы не люди в нем работающие. Хорошие люди везде есть и здесь, высоко в горах, их много. Помогли сотрудники спортивно-оздоровительного альпинистского лагеря «Безенги»,

привезли пропуск из Нальчика. Вот так и случилось, что погранзастава осталась позади. Попал-таки в альплагерь и, как оказалось, не напрасно. Вышел с кордона заповедника по утренней прохладе в шесть утра, а в альплагерь пришел около десяти. Двенадцать километров вверх по течению горной реки, не совсем то-же, что в городе по асфальту.

Везло мне на хороших людей в горах. Придя в альплагерь, познакомился с двумя молодыми альпинистами из Ленинграда, Сергеем и Виктором. Они накануне приехали в горы и проходили адаптацию – привыкали к высокогорному климату. По правилам, сразу высоко в горы альпинисты не лезят. Сначала обвыкаются на трех тысячах день, другой и уж потом, лезут к черту на рога, чем круче, тем лучше. Мои новые знакомые как раз собрались идти в «Теплый угол». Я это место для себя по-другому окрестил – «Фазенда дьявола», но местным людям виднее, теплый, так теплый. Вышли в маршрут только к вечеру, после четырех. Сначала шли долиной горной речки, бегущей с ледника Мижиргичиран, того, что в районе пятитысячника Дыхтау. Хорошо идти налегке, а у нас за спиной рюкзаки, у меня с оптикой, килограмм на десять, а у моих спутников много больше. Но они молодые, тренированные, скачут по камням как туры, еле поспеваю за ними. Три раза речку горную перешли и добрались, наконец, до подножья горного склона. Склон крутой, каменистый. Вершины, цели нашего путешествия не видно. Вверху все в вечернем тумане тонет. Ползем по тропе, тяжело, но терпимо. Чем выше, тем тяжелее, а всего-то между альплагерем, расположенным на 2100 метрах и «Теплым углом» километр разницы по высоте. Вскоре тропа обратилась в рыхлую смесь щебня с землей, и подниматься стало не в пример труднее. Воздуха не хватает, ползу вслед за молодежью, хватаю воздух ртом, как карась на берегу. А дальше еще тяжелее, конца края нет этому карабканью круто вверх, неизвестно куда. Сомненье гложет, доползу ли? Но отступать некуда. Шел бы один, наверняка с середины склона вернулся бы вниз. А тут следом за ребятами, куда денешься? Им завтра с утра на четырехтысячник «Думала» идти, не подводить же их. Так вот и дополз наверх, правда, еле живой. В десяти метрах от каменной избушки, перед последним небольшим подъемом, постоял несколько минут, навалюсь грудью на палку, отдышался и дошел все-таки до порога приюта альпинистов. За спиной крутой свал в долину, метров семьсот, по меньшей мере. Впереди, в вечерней дымке, каменистое дикое ущелье, уходящее маренными ступенями довольно круто вверх, к леднику, а чуть дальше заснеженная стенка отрогов горы Думала. Суровое место, теплом и не пахнет. Угрюмое ущелье – вотчина уларов, высокогорных «индеек». Их звонкие, флейтовые перебивки слышны со скальных склонов, но самих птиц не видно. Далеко, да и маскировка у них отличная. Серовато-охристая окраска, как нельзя лучше подходит к коричневатому-серым скалам высокогорного ущелья.

Быстро темнеет в горах, здесь и днем в туман сумрачно, а уж вечером совсем утрюмо. В каменной избушке чуть теплее, чем снаружи, но тихо, не сквозит. Сказывается усталость после подъема, тянет в сон. После ужина на скорую руку, нырнули в спальники. Соседи мои быстро утомонились, молодым все нипочем. А я так и не уснул, только утром, перед рассветом чуть задремал. Вместо будильника, около четырех утра, крики уларов со всех сторон, а за ними следом и птичья мелочь запела, горные овсянки, краснобрюхие горихвостки да альпийские завирушки. До восхода солнца еще часа три предрассветных сумерек. В спальнике тепло, вылезать не хочется, но бока на жестком топчане отлежал. Хочешь, не хочешь, а встанешь.

Рассказы о «ручных турах» оказались сущей правдой. Все два дня, что ждал я в каменной избушке возвращения моих товарищей – альпинистов, козлы и козы, вместе со своими разновозрастными отпрысками покоя мне не давали, выпрашивая еду. Как, оказалось, едят туры все что нипоподя. Сухие макароны, хлебцы, сублимированный порошок картофельного пюре и любую крупу. Едят так, как будто неделю без корма были. Травы кругом, спустись чуть ниже – вдоволь, а им сухие макароны подавай. Ни козлы, а жертвы цивилизации. Людей не боятся совершенно, но это только здесь, вверху, у альплагеря близко их не увидишь. Сидишь на камне у дверей приюта, а рядом, в трех метрах козлята резвятся, бодаются. Чуть дальше козлы и козы пасутся или отдыхают, дремлют, пережевывая жвачку. Подобную небоязнь зверей видел я только в Антарктиде, да и место Антарктиду напоминает. Такие же дикие скалы в брызгах накипных лишайников, а выше, у горизонта снег и вечные льды. Мечтал я с дикими турами пообщаться, только общение это мне быстро осточертело. Звери оказались не в меру назойливыми, уходили вниз только под вечер. Днем мешали снимать птиц. Только выложишь крупу да хлебные крошки для птиц, набегут и все в считанные минуты сметут.

Спуск вниз в долину оказался легче. Сбежали почти без остановки, хотя ноги после дня два побаливали. В горах все всерьез, что подъем, что спуск, намаешься. Но право, хлопоты и трата сил не впустую. Приезжайте в «Безенги», сами увидите.

Три дня с дрофой наедине

Мое знакомство с дрофами состоялось несколько лет назад, в середине мая, в ту пору, когда токуют они уже вяло, больше бродят по степи в поисках редких холостых самок, потому как, в это время дрофиные дамы на яйцах сидят. Одним словом, к разгару тока опоздал. Скрадок-палатку устроил, у подножья огромной скирды соломы на краю бескрайнего изумрудно-зеленого поля озимых. Днем бродил по степи, что-то снимал, а к вечеру возвращался к скирде в свою берлогу, метр на метр в основании. Крошка палатка, зато в такой от посторонних глаз спрятаться легче. Все бы хорошо, только долго сидеть в тесноте трудно. В полный рост не встанешь, да и ноги девать некуда. В палатке вещи и штатив-тренога половину места занимают. Ночью спишь калачиком, а к началу пятого, когда птичья мелочь голоса пробует, уже сидишь наготове, ждешь начала тока. На ток прилетают дрофы в темноте с ночи или под утро. Сидеть приходится смирно, особенно поначалу, пока на поле ничего не видно. Прожил в палатке, в тот первый приезд, пять суток. Токующих дроф видел, но далеко метров с трехсот. С такого расстояния и длиннофокусная оптика бессильна. И все же дождался свиданья с птицей. Ранним утром, как из-под земли возникла она перед палаткой, неторопливо склевывая на ходу соцветья высокотравья. И как появилась неслышно, так и исчезла, словно растаяла в зеленом мареве подрастающей полевой зелени.

Учитывая прошлый, не совсем удачный опыт близкого общения с дрофами, теперь собрался в степь пораньше и уже в середине апреля обосновался в степной балке. Было это километрах в десяти от большого села, где жил мой хороший знакомый, Константин Петрович, бывший механизатор, человек уже не молодой, хорошо знающий окрестную степь и по настоящему равнодушный к красоте природы, да и к дрофам душой прикипевший. Сухая степная балка тянулась километра на два, гранича бортами-

склонами с пашней, участками луговин или залежами, обильно поросшими бурьянами. Накануне шли дожди, было холодно, но к моему приезду, так уж совпало, распогодилось, и наступила в природе долгожданная благодать. Более всего радовались жизни жаворонки. Их песни лились сверху, из поднебесья, возникали звонким журчаньем на птичьем взлете от земли. В бурьянах вторили им замысловатыми переливами соловьи-варакушки. Гортанно, по-весеннему сочно перекликались грачи. В соседней лесополосе ворковали голуби-вяхири, трещали сороки. Изредка слышались звонкие клики мелких соколов, пока еще только присматривающих места для гнезд – старые постройки ворон и сорок.

Переночевав в лесополосе, тянувшейся рядом серых, еще без намека на зелень, деревьев, дроф на рассвете не узрел и уже намерен был выползти из осточертевшей за ночь эмбриональной тесноты палатки, даже высунул, было, голову, да так и замер. Справа, ближе к горизонту, у края пашни, на свежей зелени луговины, в лучах едва взошедшего солнца, топорщился белесо-бежевым шаром самец дрофы. Заметил ли он меня, или так по своим птичьим делам отбыл, но только исчез, стоило мне от него глаза отвести, что бы поаккуратней в палатку убраться. Прошло то всего секунд пять, глянул сквозь смотровую сетку. Нет птицы, пусто окрест, словно в воду канула. Ушел дрофач, если бы взлетел – услышал бы непременно. Взлет дрофы - зрелище эффектное. Забегая на два дня вперед, когда уже к вечеру приехал за мной на старенькой «Ниве» мой радушный степной хозяин, видел я взлетающую перед палаткой птицу как на ладони. Машины испугалась она загодя, напряглась, прислушиваясь к чуть слышному рокоту двигателя, и вдруг кинулась бежать, как скаковая лошадь. Поочередно выбрасывая вперед моластые ноги, спорно набирая скорость, резко оттолкнулась от земли. Полусогнутые лапы, с округлыми кулачками сжатых пальцев плавно подтягивались к брюху, по мере напряженного маха крыл к земле, убираясь, словно шасси тяжелого самолета. Да и в полете дрофа - замысловатая смесь орлиной стати крыл, гусиной кургузости тела и напряженно вытянутой индюшачьей шеи. Но описанная картина произойдет два дня спустя. Теперь же, выглянув наружу и осмотрев с помощью бинокля окрестные пашни, озимые и луговины, обнаружил дроф далеко впереди у горизонта, рядом с лесополосой.

К полудню дрофы куда-то исчезли. В начале весны, сразу по возвращению с зимовки они много бродят по степи, собираясь в группы. Верховодит в таких группах опытный самец. Воспользовавшись отсутствием птиц, перетащил свой лагерь поближе к тому месту, где они утром были. За устройством новой засидки время пролетело незаметно. Между тем степь преображалась, оживая на глазах. Еще вчера под ногами сухо хрустела серая травяная ветошь, чуть тронутая зеленью проростков злаков. И вот уже через

день повсюду видны вылезшие из земли кудряшки полыни, а местами и яркие пятна золотисто желтого горичвета, жадно посещаемые редкими еще насекомыми, цветочными мухами, осаами и пчелами. Утро второго дня выдалось теплым и солнечным, только бы и снимать, но дроф рядом снова не оказалось. Куда делись? Ведь вчера утром где-то здесь на луговине были, даже токовать пытались. В палатке на все четыре стороны прорехи на молниях, для кругового обзора. Осмотрелся и заметил позади палатки, на пашне, белое пятно токующей вдали птицы. В стороне еще две птицы серовато серыми пятнами на голой пашне кормятся. На пахоте долго дрофы не задержались и направились в сторону вчерашнего игрища, на луговину, ту, что опять от меня довольно далеко впереди оказалась. До полудня любовался на птиц в бинокль. После обеда прошли семь петухов во главе с вожаком в сторону упомянутой уже пашни и гуськом удалились за горизонт. Скоренько вылез из своей берлоги, размялся и по горячим следам нашел место, где только что были птицы. Даже выпавшие пуховые перья обнаружил. Место для фотосъемки малоудобное. Есть куртины обугленного весенним палом шиповника, но низкорослые, по пояс. Палатку здесь не поставишь.

Осмотрелся, с одной стороны параллельно балке жиденьякая лесополоса, за ней пашня. Собираются птицы поутру перед лесополосой на злаковой луговине. По луговине куртины уже упомянутого обгоревшего шиповника, пятна обугленной земли и редкие кусты ивняка. Поставил палатку в ивняковый куст, лицевой стороной на луговину, отороченную ближе к горизонту бурьянами залежи. Навязал на камуфляж палатки пучки жухлой травы. Лишние вещи, газовую плитку и продукты снаружи, за палаткой в ивняке укрыл. К вечеру со всеми приготовлениями управился, жду машину из села, обещали приехать провести. Заодно и водой запастись неплохо было бы. В балке редкие лужи были, но воду из них брать не хотелось. Уж больно много в ней различной живности невооруженным глазом усматривалось. Утром накануне умылся из лужи, а к вечеру обветренные губы обнесло, может и само по себе, а может и от воды, кто знает?

Приехал товарищ, воды привезти не догадался, а у меня в пятилитровой бутылке, на донышке осталось. Даже чая к вечеру сделать не хватит, а на ужин и подавно. Договорились, что воду подвезут к ночи, село то рядом, налегке пешком дойти можно за час, полтора. Ушла машина, стемнело. Ветер шуршит в ивняках над палаткой, изредка гуси прокричат в темноте, редкая ночная птица подаст тоскливый голос. В палатке тепло, не было бы так тесно, пожалуй, было бы и уютно. Пить хочется гибель. Когда чего-то нет, так всегда очень хочется, так уж человек устроен. В темноте прошуршала над головой огромными крыльями дрофа, прилетела на луговину, но где села не видно. Наконец приехали из села, привезли воду. Договорились, что заберут меня на следующий день к вечеру, на том и расстались. С ночи принялся дуть крепкий рвущий ветер, а потом посыпал бесконечный дождь. С ужином связываться не хотелось, поздно, да и дрофа, могла, где-то неподалеку сидеть. Ночью, они, будучи потревоженными, затаиваются, стараются не взлетать, хотя днем даже машину не подпускают ближе трехсот метров. Думалось, потерплю до полудня, птицы с утра если и будут рядом, то все равно, позже уйдут бродить по степи, тогда и поем. Перед рассветом, с первыми песнями жаворонков, устроился ждать дроф. Чуть забрезжило - явились. Впереди вышагивает крупный, ярко окрашенный вожак. За ним еще пяток, самцы помельче. Идут гуськом, строевым шагом, с интервалом метров в десять, пятнадцать. Прошли от меня метрах в пятидесяти, ушли вправо и начали кормиться в бурьянах. Вожак у самого края залежи держится, каждые две три секунды осматривается. Другие, под его присмотром ушли в бурьян, их не видно. Дождь как с ночи зарядил, так и сыпет без остановки. Птицы кормятся, час, два, три. Когда же наедятся? Мне уже самому есть страсть, как хочется. Со вчерашнего обеда во рту ни крошки. Газовая плитка с продуктами за палаткой, снаружи. На виду у осторожных птиц туда мне не добраться. Вожак все время округ поглядывает. Да к тому ж появился у меня неожиданный нахлебник.

Сначала послышалось сзади палатки приглушенное кряканье, совсем утиное, только тихое. Потом скрежет и похрюкивание пошли. В рюкзаке, под камуфляжной сеткой кроме всего прочего, копченая колбаса и хлеб. Мародер мой изо всех сил старается, видно не каждый день такая удача, что бы в степи до копченой колбасы добраться. Кто там, у рюкзака, под камуфляжной сеткой орудует, не вижу, но сопит,

скребется. А что мне делать? Пугнуть его не могу, птицы улетят, вся работа насмарку. Терплю, зверь, скорее всего хореk или ласка, мою колбасу уминает, Как потом выяснилось он и до хлеба добрался, правда, съел не все, но приложился изрядно.

Дождь не унимается. Птицы как заведенные, по часу с лишнем ходят на одном и том же месте, тщательно выбирают что-то на земле. Снимать далеко, а с учетом дождливой хмари и совсем бессмысленно. Нужно ждать, может, ближе подойдут? Сижу, скрючившись на низкой надувной подушке, спина отламывается. Пью воду, а там кто-то, за моей спиной, продуктами закусывает. Но ждал и терпел не напрасно. Прошли-таки еще две птицы рядом с палаткой. Первую я даже и снять не успел, вынырнула бесшумно, откуда-то сбоку, мелькнула тенью в визире камеры и нет ее. Вторая шла медленнее, что-то собирала с земли. Успел ее снять, повезло. Новоприбывшая парочка направилась к основной группе дроф, тех, что в бурьяне кормились. Подошли к вожаку, вытянув по гусяному шеи, кланяются, о чем-то своим утробно гуркают. Поговорили чуток и успокоились. Кстати полагал я ранее, что дрофы птицы молчаливые, неверно это. Оказалось, что на току они часто переговариваются, издавая мяукающие звуки и утробное урчанье, а, явившись впотьмах на ток, означают свое прибытие негромким, скрипучим гоготом. Ближе к вечеру прошли дрофы мимо меня своим маршрутом назад. Вожак теперь вышагивал замыкающим. Все прочие прошествовали мимо палатки без внимания, но он что-то заметил. Лишнее что-то появилось, а что в толк взять не может. Меня не видит, остановился напротив палатки, постоял минут пять, не шевелясь, смотрит внимательно. Двинулся в мою сторону, подошел ближе и снова замер. Долго стоял, присматривался. Наконец не выдержал, занервничал. Крылья пошли вниз, хвост за спину, начал дуться, в позу тока зашелся. Потоптался в растопырку одним боком, потом другим и остыл. Подобрал распушенные перья, постоял немного для порядка и пошел вслед своей компании.

Смотрел я на мудрого вожака и думалось, что неспроста так бесславно кончаются выпуски в природу выращенных людьми дроф. Уж и растят их без прямого контакта с человеком и выпускают группами, а все впустую, лисам на поживу. В дикой природе инкубаторский молодняк видно обречен на гибель, если нет рядом умудренного жизнью, многоопытного вожака, который за всю стаю в ответе. Пока размышлял о дрофиных судьбах, тут и машину слышно стало. Дело к вечеру, в деревню возвращаться пора, а там и в Москву.

Новая Земля

В далекой Арктике, в студеное море, раскинулся архипелаг Новая Земля. Протяженность его с юга на север более тысячи километров. Два основных острова, Южный и Северный, разделены проливом с необычным названием - Маточкин шар. Вот в эти места, на забытую Богом и людьми островную сушу, кстати, до сих пор таящую немало «белых пятен», мы и стремились с товарищем.хлопоты были немалые. Пол года ушло у моего спутника по экспедиции на оформление бумаг и разрешений разного рода. Даже фотоаппараты в соответствующем ведомстве проверили на наличие шпионской начинки. Наклейки с голограммами прилепили. Заодно и объективы с аккумуляторами «опечатали». Кто бы рассказал, не поверил бы, однако так и было. Пришло время отлета, до последнего момента неясно было, пустят на архипелаг или нет. Однако пустили, сообщив об этом буквально за сутки до отлета. С утра прибыли на военный аэродром, ждем – нет погоды, после полудня домой поехали. На следующий день то же самое, не принимает Новая Земля по метеоусловиям. Но ездили пару дней не зря. Потаскали тяжелые рюкзаки и сумки, треть груза дома оставили, и уж на третий день улетели. Не сразу конечно, с час под крылом самолета посидели на рюкзаках в неведении, пока окончательное добро на вылет дали.

Самолет небольшой, почтово-транспортный, мест на двадцать. Вырулили на взлетную полосу, моторы мощь набирают, на тормозах, чтоб потом шибче бежать. В салоне что-то дребезжит под обшивкой, поскрипывает, то ли крепеж не довернули, то ли так надо, кто их знает? Авиация дело тонкое. Но взлетели

лихо, экипаж толковый оказался, хоть и молодые ребята. Только командир в годах. Высоко поднялись, вата облаков далеко внизу осталась. Несколько часов лета и плюхнулись на Новой Земле тряско, со скрежетом. Полоса то не Шереметьево, да и ветер боковой, свежий, порывистый. Но долетели и на том спасибо. Дело к вечеру, привезли нас в гостиницу, только что обновленную, поверху сайдингом в обличку отделанную. Переночевали в ней, надо сказать, недешево, а на утро следующего дня перебрались на базу знакомых геофизиков, устроились.

Тундра сама по себе, а арктическая в особенности, да еще к концу лета, зрелище не веселое, если не сказать, унылое. Чахлые луговины с болотинами по долинам, да щебнистые увалы по буграм. С высоты птичьего полета множество озер и речек. Однако унылость этих мест и видимое однообразие только по первому впечатлению. Поживите здесь, побродите по здешним холмам и долинам, откроется Вам суровая красота этой краеземельной суши.

Интереснейший элемент животного мира Новой Земли – птичьи базары. Первые упоминания о птичьих базарах архипелага датируются концом 16 века и относятся к отчетам экспедиций В. Баренца. О достаточно точном расположении некоторых из них упоминается в отчетах экспедиции 1830 гг. П.К. Пахтусова и С.А. Моисеева. Наиболее полный список птичьих базаров был опубликован в 1956 г С.М. Успенским. В нем числится 47 птичьих базаров. Этот же автор считал, что общая численность толстоклювых кайр на Новой Земле составляет около двух миллионов особей. Необходимо отметить, что в 19 и даже в первой половине 20 столетия на архипелаге велся интенсивный, а порой и просто хищнический промысел кайр и их яиц. Так Г.П. Горбунов (1925, 1929) свидетельствует о том, что в начале 20 годов прошлого века каждый промышленник стремился добыть на прокорм ездовых собак до 10 тысяч кайр в год и еще столько же яиц этих птиц для членов своей семьи. Кроме того, на некоторых базарах орудовали норвежцы, промышлявшие сбором яиц для изготовления мыла. При этом использовались только желтки. В годы военные промысел кайр резко усиливался. В результате, если в 1933-34 гг. С.К. Красовский оценивал численность кайр на базарах губы Безымянной в 1644000 особей, то уже в 1942 г. Л.О. Белопольский отмечает 600000, а С.М. Успенский в 1950 г -371000 и, наконец, в 1994 году, на тех же базарах учтено только 141000 птиц.

Сегодня на Новой Земле известно около 80 базаров, из которых лишь пять на Карской, ледовой стороне, поныне наименее исследованной биологами. Да и западное побережье обследовано далеко не полно. Посему и теперь достоверных данных о многих птичьих базарах с их населением пока не существует. Современная малодоступность архипелага для сторонних людей и прекращение промысла кайр и их яиц, широко практиковавшегося даже в первой половине прошлого века, должны положительно сказаться на воспроизводстве морских птиц. По самым скромным подсчетам, ныне на архипелаге в летнее время бытуют от миллиона до двух миллионов кайр и более ста тысяч трехпалых чаек – моевок. Но с учетом отсутствия данных по многим районам архипелага, общая численность птиц может быть значительно больше. Кроме недостатка данных, существуют объективные трудности учета скрытногнездящихся птиц, таких как люрики. Мелких, чуть больше перепела, чистиковых птиц, гнездящихся в развалах камней. По литературным данным, конечно далеко не полным, на Новой Земле отмечено гнездование более пяти тысяч пар люриков. Не исключено, что на архипелаге имеются еще неизвестные колонии этих птиц. Обычны, хотя и не многочисленны чистики, имеются сведения о гнездовании гагарки. Весьма обычна на Новой Земле, как впрочем, и везде в Арктике, крупная чайка бургомистр, паразитирующая на птичьих базарах. Столь же широко, но sporadично распространен тупик. Обычно он роет гнездовые норы, для которых необходим выраженный почвенный горизонт, редкий в условиях архипелага. В небольшом количестве гнездятся на Новой Земле тонкоклювые кайры, предпочитающие устраивать гнезда на пологих скалах и не идущие на север далее Архангельской губы. Почти так же редок на архипелаге глупыш. Количество его гнездовий сокращено прямым преследованием человеком и собаками, поскольку гнезда устраиваются на верхних краях птичьих базаров и легко доступны для разорения. Из крупных чаек можно упомянуть малую полярную чайку и морскую. Не каждый год, но все же гнездится на Новой Земле большой поморник. Охотится он, в основном, на леммингов, но в годы бедные леммингом, пере-

Толстоклювая кайра

ключается на добычу птиц, главным образом моевок и белощеких казарок. Список гнездящихся птиц можно дополнить сапсаном, белой совой, зимняком, тремя видами некрупных поморников, различными куликами и воробьиными птицами, среди которых, конечно, на первом месте пуночки.

Сporадично и только на северном острове встречается белая чайка, вид обычный для полярных пустынь высокоширотной Арктики. Еще до начала двадцатого века она была обычна в районах скопления ластоногих и китообразных, где и проводился зверовой промысел. Но времена добычи морского зверя ушли в прошлое и нам теперь даже трудно представить былое обилие в Арктике морского зверя. Зато последние десятилетия отмечены явным и весьма успешным восстановлением численности белощекой казарки. Во многих районах Новой Земли ее стало больше, чем других видов гусей вместе взятых, гуменника, белолобого гуся и черной казарки.

Современная арктическая тундра, особенно ее южная часть, сравнительно молодое образование. К тому же, суровость климата Арктики резко ограничивает развитие видового разнообразия. Все это негативно сказывается на устойчивости арктических экосистем в целом и островных в особенности. Более того, островные экосистемы, сами по себе, легко ранимы. Достаточно вспомнить печально известные примеры угнетения или полного уничтожения видов аборигенных фаун ряда океанических островов и это в тропиках, где условия для развития жизни близки к идеальным. А причина экологических бед островного масштаба, всего лишь завоз, вольный или невольный, овец, коз, кроликов, кошек, собак и крыс. Кстати о собаках в Арктике. Известно, что взаимоотношения человека с белым медведем в последние время сильно осложнились. Со времени внесения этого вида в списки Красных книг Мира и России минул достаточный срок, чтобы медведи потеряли страх перед человеком и его жильем. Встречи с белыми медведями в арктических поселках, или на свалках неподалеку от жилья - дело обычное, особенно поздней осенью, в середине зимы и ранней весной. Раньше в Арктике были собаки «медвежатники», крайне добродушные к человеку, но злобные к зверю. Теперь в Арктику бесконтрольно везут кого ни попадя, болонок, такс, боксеров, бульдогов и другую диванную братию. Но если последние на крайнем севере просто бесполезны, то завезенные сюда овчарки, выведенные исходно для работы по человеку, попросту опасны для окружающих, особенно детей.

Возникает, и нередко, такая ситуация. Овчарка или другая сторожевая собака кусает человека и объявляется компания по отстрелу бездомных псов. Кто попадает на мушку в первую очередь? Конечно благодушные увальни с кровью зверовых лаек. Вот таким образом и извели на Новой Земле практически всех зверовых собак, по сути единственную на сегодняшний день действенную защиту людей от безнаказанных визитов белых медведей.

Мишки милы и забавны, пока малы и сыты. Можно и сгущенкой с рук покормить, да еще доверить это собственному ребенку, широко практикуется на севере и такая глупость. Но белый медведь мощный и умный хищник. Вспоминают об этом, к сожалению, когда случается очередная беда – гибель человека. Охрана краснокнижного вида – дело святое, но рядом с жильем человека медведю не место. Дикий зверь должен опасаться людей. Ему же лучше. Иначе, рано или поздно он напомним о своем зверином естестве. В результате – очередная жертва и вынужденный отстрел хищника.

К вопросу о ранимости островных экосистем относится и ситуация с аборигенным новоземельским северным оленем. Бездумная «акклиматизация» домашних оленей, завезенных в тридцатые годы прошлого столетия с острова Калгуев, привела к тому, что на архипелаге оказались «бесхозными» более полутысячи этих животных. Домашние олени, естественно, будучи более крупными и сильными, заняли лучшие пастбища на Южном острове, оттеснив аборигенных оленей на север, где условия существования наиболее суровы. Более того, аборигенные олени совершали сезонные миграции с теплой, западной стороны архипелага, на Карскую, восточ-

ную. Происходило это по причине частых гололедов на Баренцевском побережье Новой Земли. Карская сторона, где климат континентален, реже подвержена пагубным гололедам и веками служила резервным убежищем для выживания диких оленей. Теперь, островным оленям приходится «мириться» с присутствием на Карской стороне одичавших собратьев. Не менее пагубна для аборигенных животных возможность кровосмешения с одичавшими домашними оленями. К сожалению, до сих пор генетических исследований по этой проблеме не ведется. И пока не появится на архипелаге природоохранная структура федерального уровня, эта проблема решаться не будет.

Еще благо, что так случилось с режимным статусом архипелага, позволившим, хоть и невольно, сохранить в относительно приличном состоянии большую часть Новой Земли с ее уникальными природными комплексами, включающими в себя южную и северную арктические тундры и полярные пустыни высокоширотной Арктики.

В заключение этого очерка, о современной природе Новой Земли остается сказать – живет еще тундра, не до конца погубленная стараниями человеческими. Но только дай волю нынешнему «деловому человеку», пусть сюда газовиков, нефтянников, сборщиков гагачьего пуха и им подобных, прочих «предпринимателей», гибель тундры дело не долгое. Загубят вскорости, то немногое, что еще осталось недобитое, недотоптанное, незахламленное человеком. Заповедник нужен на Новой Земле, срочно, незамедлительно. Иначе поздно будет, потеряем природную жемчужину нашей высокоширотной Арктики, потеряем безвозвратно.

Белые чайки

Ступая с камня на камень, стараясь не оступаться в стылую, вязкую почву речной долины шел я к холмам противоположного берега, до которых оставалось еще с километр. Остановил меня крик птицы, раздавшийся высоко в небе над головой. Крики, подобные этому мне уже приходилось слышать у гнездовий белых чаек на острове Грэм-Белл, самом восточном из островов архипелага Земли Франца-Иосифа. Теперь, работая на Северной Земле, много летая на вертолете и бродя пешком, никак не мог найти гнездовья этих редких и малоизученных птиц. Известно, что гнездятся они на высокоширотных арктических островах, да и зиму проводят в Арктике, кормятся на разводьях и полыньях.

С белой чайкой на Грэм-Белле не повезло. Нашли несколько колоний, но творилось что-то непонятное. Яйца из гнезд пропадали, да и птиц становилось все меньше и меньше. Что мешало птицам размножаться? Наши визиты вряд ли их беспокоили – белые чайки к человеку привычны: весной и в начале лета они постоянно кормятся на помойках, собираясь стаями около полярных станций. Гнездятся чайки на земле, и, конечно, гнезда их могут разорять белые медведи и песцы. Но медведь летом весьма редко выходит на сушу, а песцов на высокоширотных островах очень мало. Они приходят сюда позже, осенью, а за зиму либо погибают в капканах, либо в зубах собак.

Около полярной станции «Солнечная», где я на время работы поселился, белые чайки постоянно кормились. Птицы были, а гнезда обнаружить не мог. И вот теперь этот крик. В слепящей синеве неба нашел птицу не сразу. Чуть заметная на большой высоте, она сделала полукруг и, не долетев до меня, потянула к холмам, лежащим на противоположном берегу реки. В бинокль хорошо видны крупные темные камни, нагроможденные у подножья холмов. Выше на склонах местами еще лежит снег, он не успел растаять, хотя уже конец июля – середина краткого полярного лета. И вдруг я увидел то, что искал. Колония располагалась на пологом склоне холма в каменистой россыпи. Птицы сидели двумя группами в полукилометре от меня. Гнезда-ямки, выстланы мхом и устроены недалеко друг от друга на пятнах мелкозема. В камнях, рядом с гнездами затаились подросшие птенцы недельного возраста, покрытые голубоватым пухом. В некоторых гнездах – только что вылупившиеся птенцы, еще не обсохшие, мокрые или одно-два серо-зеленых, в темных крапинах, яйца. Быстро осмотрев колонию, поспешил уйти, чтобы не тревожить птиц.

Через неделю поставил неподалеку от гнездовья палатку и несколько часов наблюдал за жизнью чаек. Птицы быстро успокоились и расселись парами у своих гнезд. Изредка соседи затевали короткие ссоры, поднимая истошный крик, который, впрочем, вскоре затихал и воцарялся мир. Не видно было улетающих или подлетающих птиц. Пуховые птенцы дремали в гнездах, те, что повзрослее, – в камнях по сосед-

ству. Прошло около пяти часов, но все оставалось по-прежнему. Птенцов не кормили. Это было неожиданно. Обычно птенцы чаек других видов очень прожорливы и родителям приходится часто приносить корм. Редкое кормление птенцов белыми чайками, несомненно, одно из приспособлений организма этих птиц, облегчающих их существование в суровом климате полярных пустынь.

Моя работа на Северной Земле была связана с изучением почвенных беспозвоночных животных, и часто посещать колонию белых чаек я не мог, времени не хватало. Но через полмесяца пришлось их снова навестить. Я получил телеграмму с просьбой привести несколько птиц для зоопарка. На этот раз мое посещение колонии не было столь безобидным. Я уносил с собой четырех птенцов трехнедельного возраста. На полярной станции они охотно ели фарш из рыбы и мяса и первую неделю вели себя очень спокойно. Большую часть времени дремали, ели только два-три раза в сутки. Быстро насыщались и уже не обращали внимания на корм, но зато очень любили купаться. Полярники выделили им для этого большой таз. Птенцы быстро росли, заметно менялось их поведение. Участились ссоры из-за корма, таза с водой или просто без видимой причины.

К концу августа у полярной станции появились молодые чайки в сопровождении взрослых, от которых отличались только оперением. Взрослые птицы - чисто белые, а молодые с черным крапом, особенно на концах крыльев и хвосте. У белых чаек прекрасное зрение. Они удивительно быстро находят съестные остатки. В полярной пустыне добывать пищу не просто, едят птицы не часто, но уж если корм найден, то наедаются плотно, заглатывая корм целиком, почти не расклеывая. Однажды на моих глазах взрослая белая чайка проглотила, украв у рыбака, несколько рыб, каждая из которых была только вполовину короче ее самой. Птица, первой овладевшая кормом, отгоняет других, пока сама не насытится. Если пищи много, ссоры из-за нее, если и возникают, то ненадолго и птицы собираются стаями, по несколько десятков. Ни разу не видел белых чаек, берущих корм с открытой воды, как это делают другие морские птицы в Арктике. До прихода в Арктику человека белые чайки, видимо, кормились около лежбищ морского зверя и на птичьих базарах. В осенне-зимнее время белые чайки сопровождают белых медведей, подбирая за ними остатки пищи.

Устройство гнездовых колоний в открытых доступных местах не способствует сохранению этих птиц. В зарубежном секторе Арктики белые чайки уже редкость. Да и у нас, их становится все меньше. Видимо, только от людей живущих и работающих в высокоширотной Арктике зависит судьба уникальной природы этого региона и, в частности, живой эмблемы полярных пустынь - белой чайки.

Кавказский улар

Не знаю, как других, а меня горы не отпускают. Как попал на Кавказ лет в шестнадцать впервые, так и посей день, много лет спустя, тянет в горы, стоит лишь весне обозначиться. Вот такая «горная болезнь». В горах есть у меня особый интерес – улары. Рассказывать о них можно много и долго, но щадя терпение читателей, замечу для начала, что птицы эти, сугубо высокогорные жители. В высокогорной Балкарии поведали мне легенду, связанную с уларами. Но прежде нужно заметить, что улары почитаются у горцев, как птицы особые. Считается, что отведавший крови, или мяса улара обретает необыкновенные качества души и тела и становится особенно стойким к болезням. Более того, свойства эти, по убеждению горцев, передаются по наследству детям и внукам. С давних пор и до начала двадцатого века в высокогорной Балкарии и соседней с ней Сванетии существовал обычай обмениваться малолетними детьми. Приемные малыши вырастали на чужбине, осваивали быт и язык соседей. Вернувшись повзрослевшими домой, на родину, они служили связующим звеном между племенами горцев северного и южного склонов Главного Кавказского хребта. Случилось так, что заболел знатный князь, глава рода Сванов. Для его лечения требовалось добыть улара. У Сванов улары на ту пору оказались недостижимой редкостью. И тогда случилось убийство мальчика Балкарца, воспитанника Сванов, дед которого когда-то пил священную кровь улара.

Князя вылечили кровью убитого мальчика. Страшная весть о свершенном злодеянии дошла до балкарцев, собравших воинов и совершивших возмездие за содеянное зло. Князя убили, а между племенами Балкарцев и Сванами надолго воцарились несогласие и рознь. Что в этой легенде, правда, а что выдумка, не берусь судить, а вот необыкновенно уважительное, почти священное отношение горцев к уларам, в ней налицо.

В фауне мира известно пять видов уларов: алтайский, тибетский, гималайский, каспийский и кавказский. Кавказский улар эндемик Кавказа, обитает только в высокогорье Кавказа, спускаясь зимой, часто вместе с турами, почти до верхней границы высокогорного леса, до двух с половиной тысяч метров над уровнем моря. С приходом весны птицы поднимаются в альпийскую зону, к хребтам и скальным массивам, на три, три с половиной километра над уровнем моря, а то и выше, вплоть до самых ледников. Улары птицы грузные, самцы в два и более килограмма весом и размером с бройлерную курицу. Еще в темноте, в предрассветных студеной сумерках, устраивают они перекличку, протяжными флейтовыми переливами. С рассветом срываются птицы со скальных уступов, мест своих постоянных ночевки и дневного отдыха и планируют вниз, на горные луговины, где кормятся проростками, почками и семенами трав, соблюдая вегетарианскую диету. К слову сказать, крупных беспозвоночных на высокогорных лугах - крохи, таким массивным птицам, как улары, ими при всем желании не прокормиться. Собирая корм, улары постепенно поднимаются по высокогорным кручам к местам дневного отдыха, к хребтам. К вечеру снова слетают вниз, на зелень альпийских лугов, с которых снова поднимаются вверх, на ночевку. Так и выходит, что они ежедневно дважды совершают восхождение, преодолевая, по меньшей мере, полукилометровый перепад высоты.

Дорога из Москвы в горы заняла пять дней. Полтора дня поездом, потом на двух автобусах и три дня на оформление пропуска в погранзону. Плохо-бедно, но до кордона Кабардино-Балкарского высокогорного заповедника добрался. Но кордон только промежуточная база, от него еще в альплагерь Безенги выбраться надо, а это десять километров, вверх по долине Черка-Безенгийского, на попутке полчаса, пешком - четыре часа. Как-то пусто в этот приезд в горах оказалось, около кордона птиц мало, снимать нечего. Но вскоре случилась оказия, и попал с попутной машиной в альплагерь. Здесь непривычно тихо. Сезон у альпинистов только недели через две начнется, не раньше. Окрут горы сиренево-сизыми хребтами громоздятся. Вдали, замыкая долину Черка, Безенгийская стена ослепительной белизной ледников сияет. Тихо и сонно вокруг. По утренней прохладе идти в горы легче. Солнце еще не распалилось донельзя. Накануне вечером, сразу после прибытия в альплагерь пытался уйти в горы и подняться к уларам, но неудачно. На полпути, по моим следам, снизу из долины вечерний туман нагнело. Все в белесую мглу погрузилось. Пришлось вернуться на ночевку в альплагерь. Здесь, в верховьях Черка, к вечеру обычно все туманом заволакивает. Однако к полуночи он уходит, и высыпают раскаленные добела южные звезды.

Идти вверх по долине бокового ущелья часа полтора. Три речки сзади остались, сейчас, в середине мая, еще не полноводные, по камням не замочив ноги перейти можно. Затяжной подъем на марену и показались подножье горного склона, круто уходящего вверх. Отсюда, нужно подняться каменисто-щебнистой кручей на шестьсот метров. Там, вверху,жатое с двух сторон горными хребтами, лежит высокогорное плато ледника Укю с приютом альпинистов, избушкой, сложенной из камней, холодной и неприветливой, как дикие скалы ее окружающие. Окрут все торжественно и грозно. На душе, после выматывающего подъема непокойно, давит необъяснимое чувство тревоги.

Суровы и неприветливы горы, промозглость каменной избушки высасывает тепло тела. К вечеру, после четырех часов снизу поднялся туман, одиночество и тишина, нарушаемая шелестом дождевых зарядов. Не сидится на месте, хочется двигаться, но куда? Вниз, в туман, где шестьсот метров крутого свала в долину, там и при свете дня с тяжелым рюкзаком по неосторожности голову сломать можно. Вверх, крутыми ступенями, уходят одна за другой марены ледника Укю, покрытые саваном, еще не стаявшего снега. По сторонам угрюмые скалы, вершины коих теряются в серой мгле вечерних сумерек. Деваться некуда, нужно ждать и терпеть до утра. К полуночи туман поредел, дождь кончился, показались окна звездного неба, а потом и вовсе вызвездило. Еще немного и рассвет. Предрассветная полутьма гасит серебро небосвода. Четче выступают громады горных хребтов. Розовеют убеленные снегами седые вершины.

С соседних скальных массивов пролилась первая, еще робкая протяжная флейта крика улара. За ней еще одна, другая, третья. Крики льются со всех сторон. Птицы приветствуют рождение нового дня, уже скорый восход солнца. Самих птиц не видно, утренний сумерек надежно скрывает их.

С рассветом, как уже говорилось, улары слетают вниз, на луговины горных склонов. Подобраться к ним близко сложно. На крутом, открытом склоне не спрячешься. Остается надеяться на удачу. Спускаться легче, чем подниматься, но тоже не просто. В полгоры, снизу крики улара. Теперь у птиц пора любви, они уже разбились на пары, самцы часто кричат от переполняющей их радости жизни, и означая свое право на близость с подругой. Пройдет немного времени, самки сядут на гнезда и кавалеры покинут их, оставив своим избранницам все заботы о будущем потомстве. Но, сейчас птицы еще вместе. Вот они, - поднимаются вверх по заснеженному склону. Впереди самка, она помельче, самец вышагивает сзади, часто останавливается, вытягивается во фронт, закидывает голову и «поет». Лежа за обломком скалы, снимаю кадр за кадром, очередью. Далековато, метров сто пятьдесят до птиц, если не больше, но и на том спасибо. Дни нудной дороги, мытарства полевой жизни, выматывающий подъем в горы - все позади. Десять минут общения с редкими птицами - в награду. Неудобства и тяготы канут без следа, а радость свидания с нетронутой природой высокогорья останется в памяти светлой страницей бытия. Бежит время, придет следующая весна. Возможно, удастся вернуться в горы, и кто знает, может, случится еще одна встреча с редкими птицами Кавказа? Так, что мой портрет улара еще впереди...

Чудаки и дудаки

Для читателей несведущих в области естествознания сразу объяснимся, что дудаком в народе называют царственно великолепную птицу – дрофу, обитающую в степных пространствах Евразии. Что же касается чудаков, то понятие это общеизвестное, чудачество человеческое безгранично и многолико. В нашем случае речь идет об увлечении, или, пожалуй, даже страсти – фотоохоте. Будучи по молодости охотником – натуралистом, и став впоследствии зоологом, с возрастом поставил для себя знак равенства между охотой и преднамеренным убийством. Сменил ружье на фотокамеру, о чем не жалею. Надо заметить, что фотоохота занятие более сложное, чем ружейная забава. Тут освещение очень важно, подобраться к птице или зверю гораздо ближе требуется, чем на выстрел. Порой в скрадке сутки сидеть приходится, чтобы момент для нужного кадра выждать. Много неудобств сопутствуют фотоохоте. Палаточный быт, жара и холод, концентраты вместо нормальной пищи. Вдобавок клещи, комары и прочая зараза, коей в природе вдоволь. Бывает, что умоется человек с росных трав поутру, а в результате – геморрагическая лихорадка, губительный сбой в работе почек. Но это так, для общего сведения, к вопросу о чудаках – фотоанималистах. Непростое и небезопасное дело диких животных в природе снимать.

О поездке в степь, за Саратов, договорились заранее, еще зимой. Накануне отъезда двое из пятерых отпали, собрались в дорогу втроем. Путь не ближний - тысяча километров по нашим дорогам, да еще «соловьи – разбойники», в лице дорожной полиции не зевают. Только с нас пять тысяч «налапных» сняли, как с куста. И все же, вопреки дорогам российским и гаишной напасти, до места добрались благополучно, часам к десяти утра следующего дня после отъезда из Москвы. Спутники мои, Игорь, водитель и хозяин импортного внедорожника, человек молодой, но уже опытный фотограф и его друг Митя, начинающий

фотоохотник, сразу после завтрака на природе тут же и спать повалились, во сне богатырском раскинувшись. Мне не спалось, пошел побродить по степи. Для меня эта поездка, сюда, в степь, была четвертой кряду. Не везло с дрофой, снимал птиц в прошлые поездки, но все не то, либо утром рано, на рассвете, в слабом свете, или погода подводила, дождь и холод, птицам не до тока. Теперь хотелось снять дроф как следует.

Вышел в поле, осмотрелся. Неподалеку от лесозащитной полосы, у которой мы разбили свой лагерь, заметил на озимых остатки скирды, копенки малые, а рядом с ними десятка полтора дроф отдыхающих, после утреннего тока вместе собравшихся. С утра они широко по зеленым разбредаются, токуют врозь, далече друг от друга, а к полудню собираются в табунки, кормятся. Угадать, в каком месте дрофа на следующее утро токовать будет очень трудно, дело непредсказуемое. Да и по годам место тока меняется. Подойти к птицам близко невыносимо. Чуть заметят машину или пешехода, загодя, метров за пятьсот уходят пешком прочь или на крыло и с глаз долой. Глядя на птиц в бинокль, дождался, когда ушли они по склону за свал горизонта. Пусто на поле, только жаворонки в небе заливаются да одинокий суслик, желтым столбиком на зелени всходов торчит. Добрался до соломы на поле. В одной из куч вырыл себе ямку до земли, нарастил стенки повыше, набросал сверху сухих веток и соломой все это присыпал. Соорудил засидку с бойницами на четыре стороны света. На том дело и кончилось.

Садиться в засидку надобно с вечера. Дрофы затемно на поле прилететь могут. В укрытии и ночевать до первых перепелок и жаворонков приходится. Но все пошло не так, как думалось. С вечера дело не заладилось. Наш товарищ, Игорь, сразу после ужина глаз поранил, на сухую ветку в темноте напоролся. С большого глаза хворь на соседний перекинулась, не может глаз открыть человек, к врачу показываться надобно. Делать нечего, собрались с Митей в село, где у меня еще с прошлых поездок хорошие знакомые были. Часа за три, уже в полной темноте до села добрались. Добрые люди в беде не оставили. Отвезли нашего пострадавшего товарища в районный центр, в больницу. Назад вернулись уже поздно ночью. Полегчало парню, глаз цел, только ранка на роговице. Обошлось, одним словом.

Под утро пошел в скрадок. Темень несусветная. До места километра два с половиной. Без фонаря, чтобы дроф не распугать, «наощупь» место нашел. Забрался внутрь убежища, пылища жуткая, дышать нечем, тесно. Метр на метр берлога, не больше. Свернулся калачиком, вздремнул часок с мышами по соседству, а там и птицы запели. Просидел в скрадке часов до одиннадцати. Дроф рядом не видно, далеко в поле и у горизонта ходят, а в мою сторону не идут. Осторожничают, копна то выше стала, моими стараниями. Пообвыкся к тесноте и пыли, жара сморила, задремал даже. Глаза открыл, глянул, а птица, взрослый самец, метрах в пятидесяти, прямо передо мной на куче соломы стоит и пристально на мою копну смотрит. И откуда только взялся, как из-под земли явился. Замер, дышать боюсь, не спугнуть бы. Осмотрелся дрофач, успокоился и стал неспешно кормиться, подходя ко мне все ближе. Тут уж время терять нельзя. Отснял кадров сорок, а он, не останавливаясь, идет прямо на копну. Прошел рядом, в полуметре. Поступь тяжелая, как у командора из «Каменного гостя», или мне так от волнения показалось? Зашла птица за скрадок и тишина. Куда делась? Стоит рядом – слушает или дальше пошла? Шевелиться боюсь, услышит шелест соломы – пропало дело. Подождал пару минут, глянул вокруг, нет птицы, как сквозь землю провалилась.

Ближе к вечеру еще самец с самкой явились, но ближе полусотни метро так и не подошли. Ну и на том спасибо, могло и этого не быть. Вскоре и Митя у лесополосы объявился. Дрофы, что в отдалении на поле кормились, увидев его, ушли за горизонт. Засветло из копны вылез, а не то пришлось бы в ней сидеть до темноты. Следующие три дня погода нас баловала. Поездили по округе, журавлей-красавок снимали, но с дрофами больше близко свидится, не пришлось, не сложилось токующих птиц снять. Вскоре и погода испортилась. Что делать, не все сразу. На следующий год, весной, вернемся в степь, попытаем счастья. Глядишь и повезет?

Маныч – горькая вода

Маныч, в переводе с калмыцкого – горькая вода. Не знаю как вода, не пробовал, но многие километры, что вокруг озера и у соседних пресноводных «подманков» отшагал, солонны до горечи. Кумо-Манычская впадина, в центре которой находится соленое озеро Маныч, - остаток древнего морского пролива между Черным и Каспийским морями. До середины двадцатого века в регионе впадины остро ощущался недостаток воды. Но позже, за счет переброски пресной воды из реки Кубань, ситуация улучшилась. Поднялся уровень озера Маныч, и образовались многочисленные пресноводные водоемы, озера и разливы. Кумо-Манычская впадина уникальное место для размножения околоводных и водоплавающих птиц, а так же отдыха и откорма во время сезонных миграций птиц.

Жарко, сколько глаз хватает округ голубовато-сизые пятна низкорослой полыни и желтые – злаков, ходить по коим одно мученье. Ость колосков в обувь моментально набивается, колется нещадно. У горизонта серые полосы водной глади. Ближе к большому селу Дивное, месту моего пристанища, это пресноводные водоемы – «подманки». Вытянутые в полосы плесы с седыми солончаками по низким берегам и сочной зеленым подтопленных камышей. На солончаках обычны гнездовые колонии степных тиркушек. В мировой фауне известно восемь видов тиркушек, один в Австралийском регионе и семь, от Африки до Евразии. В пределах России известно два вида луговая и степная тиркушка. Тиркушки птички своеобразные. Относятся они к куликам, но внешне на куликов мало похожи. Размером с крачку и полет у них, как у крачки, легкий, маневренный, но на земле они на ногах повыше, клюв короче и широкий в основании.

В камышах, белые и серые цапли, кваквы и многие другие околоводные птицы кормятся. Каровайки, темноокрашенные с бардовым отливом пера и изогнутым книзу тонким длинным клювом, ищут корм на отмелях. Чайки белыми и сизыми хлопьями на воде и суше видны. Чегравы, коротконогие белые птицы, с черной шапочкой и большим красным клювом у самой кромки воды отдыхают. Крачки над плесами маячат. Пеганки, огари, чирки, красноносые и красноголовые нырки, бакланы, кулики. Всех перечислять – умаешься. И все же об одной птице расскажу отдельно, речь идет о колпице, крупной белоснежной птице с голенастыми угольно черными ногами и длинным клювом, лопаточкой на конце.

Собираясь на Маныч, загадал для себя снять несколько особенно интересных птиц, коих в Московской области, да и вообще в срединной России либо мало, а то и совсем нет. Одной из таких птиц была колпица. Но вот с ней-то мне и не везло. Видел колпиц часто, но все далеко. Уже домой собираться пора, последняя поездка предстояла в окрестности села Киевка. От Дивного это километрах в 50. Расстояние для Ставрополя пустяковое, но на попутках, да еще в субботу добираться не просто. Машин на дорогах мало. Но плохо бедно к полудню в Киевку прибыли. До Маныча от этого села «рукой подать», минут сорок по накатанным степным дорогам. Кроме собственно Маныча, есть здесь немало пресноводных водоемов, пруды, озерца и речка Киевка. На одном из степных разливов, наконец, подпустили колпицы старенький москвич, на котором нас по степи возили, совсем близко. То ли они не пуганые были, то ли с кормного места улетать не хотели, кто знает? Увидеть колпицу в природе – радость, а уж снять хорошо и подавно, удовольствие редкое. Так что не зря в стареньком рыдване по пыльной степи полдня тряся.

Кроме колпицы, очень мне хотелось снять сизоворонку. Еще лет тридцать тому назад, сизоворонку можно было изредка видеть даже в дальнем Подмоскowie. Но с тех пор исчезла она здесь, перевелась. Да и на обрывах степного озера Маныч, их не так уж много оказалось, поискать нужно. Жара, слепящее яркое солнце, ни облачка. Обрывистый берег Маныча в четыре роста человеческих. В последней, верхней четверти, кое-где видны черные дыры – норы. В них гнездятся сизоворонки, а кроме них пустельга и сычики. Сизоворонки летают над обрывом, ловят насекомых или отдыхают внизу на поросшей чахлой травой отмели. Птицы осторожны, к гнездам не подлетают. Попробовал устроиться у одной норы в легком переносном скрадке, ничего не вышло. Минут сорок на жаре сидел впустую. Не видно птиц рядом, как корова языком слизала. У сизоворонок, теперь, в конце июня насиженные кладки. Лишний раз птиц беспокоить не след. Около моей норы сизоворонок не видно, но впереди, за поворотом обрывистого берега голоса их слышны, да и сами птицы, время от времени голубыми всполохами крыл плещут. Скрадок

у меня легкий, на голове переносить можно. Дошел до поворота берега, сел, смотрю, что дальше будет. Впереди берег хорошо просматривается метров на пятьсот, дальше все в зыбком мареве тонет. Даже в бинокль деталей не углядеть. Скоро высмотрел птицу, залетевшую в нору метрах в ста, впереди. Перебежками подобрался поближе к норе. Скрадок прозрачный через него все вокруг видно, а меня в нем не разглядеть. Камуфляжный рисунок сетки силуэт размывает и если не делать резких движений по первости, пока птицы к скрадку привыкают, можно будет работать. Так и случилось. Минут через двадцать подлетела птица к норе, огляделась, на скрадок покосилась и скрылась, нырнув в нору. Потом и вторая птица поблизости появилась. В работе летит время незаметно. Начиная снимать, солнце на взлете было, а тут глядь, уж к горизонту клонится.

Но вернемся к основной теме очерка, к Манычу. У горизонта, там, где пенятся в непогоду седыми гребнями волны маныча, тянутся темными лентами стаи пеликанов, возвращающихся с кормежки на пресноводных кормных водоемах, к своим родным островам, коих по Манычу немало. Гнездятся там птицы и не только пеликаны, покойно, если не добираются до них туристы – фотографы. Для этой публики фирмами стационарные скрадки на островах построены. Каждые четыре часа смена фотографов меняется. Коммерция и покой гнездящихся птиц, в том числе и краснокнижных, понятия не совместимые, но кого это теперь волнует? Платят туристы деньги и тут уж не до птиц. Сняли пенки, а там хоть трава не расти. Исчезло гнездовье пеликанов на очередном острове, новое отыщут. Как шакалы по степи рыщут, да и как иначе, если рубль глаза застит. Не жалуют простые люди, живущие округ Маныча этих дельцов.

От охотников, биологов, да и просто людей равнодушных к природе своего края, ни одного доброго слова о них не слышал. Да и поделом, совесть нужно иметь и меру знать.

Но снова вернемся к птицам и прочим обитателям приманычья. У степных сел обычны золотистые щурки, кольчатые горлицы, чернолобые сорокопуты, иволги, ну и конечно воробьи. Изредка можно увидеть черногрудых воробьев. Не редкость в селах удода, розовые скворцы и грачи. В степи болотные луни, пустельга и копчики кормятся. На больших разливах белохвостые орланы пропитание ищут. Ну а если проехать от Дивного на восток километров триста, к Нефтекумску, можно зеленую щурку, а если очень повезет, то и авдотку встретить. «Когда б Вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Смысл этой стихотворной фразы Анны Ахматовой, с полным правом можно отнести и к великолепной птице – зеленой щурке. Когда б видел читатель, в каких бесплодных, забытых Богом, выжженных солнцем глухих уголках сухой степи, среди какого хлама и мусора бытуют эти изумрудно зеленые птицы?

Зеленые щурки птицы определенно южные. Даже знойные степи центрального Ставрополя им не в пору. Что бы полюбоваться на них, нужно пробираться степными дорогами на восток, к Прикаспийской низменности. Убогие глинобитные кошары, сухая серая почва, выбитая копытами овец и лошадей, за-

Нарывник красноголовый

валенная железным ломом, мотками ржавой проволоки, соломой попеременно с навозом. Блекло-голубое небо, жара и запустенье округ. Вот тут и живут необычайно красивые птицы – зеленые щурки. В отличие от своих ближайших родственников, золотистых щурок, тут же, неподалеку гнездящихся по высохшим арыкам, зеленые щурки могут рыть свои норы просто с поверхности земли, в крайности какойнибудь бугорок отыщут. Остается только удивляться, как эти хрупкие создания способны рыть норы до трех метров длиной и на глубину до двух метров? Но факт остается фактом, роют.

Звенит объятая полуденным зноем степь от «пенья» бесчисленных кузнечиков, кобылок и цикад. Много в степи перепончатокрылых – наездников, в том числе и крупных, тех, которые тарантулов ловят, парализуют их и затаскивают в свои норы. Здесь, под землей откладывают наездники свои яйца. Со временем из них появляются личинки, постепенно съедающие живые консервы из обездвиженных пауков.

Со змеями и ящерицами не везло мне определенно. Правда, со слов герпетологов, работавших там же, в окрестностях Дивного, змей и ящериц нужно наблюдать с утра, или к вечеру, когда не так жарко. Меня с утра пораньше к водоемам, к местам кормежки птиц километров за десять на машине подвозили, а когда, в середине дня, домой пешком шел, степное пекло даже змеям не в пору. Хотя сдается мне, что нынешнее обилие овец в степи, для пресмыкающихся плохо. Овцы все, что на земле шевелится, если не сожрут, так затопчут.

Канули десять дней, как вода в песок, пролетели, оглянуться не успел. Пора домой в Москву возвращаться. Но долго еще будет помниться жаркое золото степных закатов и белоснежные россыпи птиц в изумрудной зелени камышей.

Тиркушка степная

Теберда поднебесная

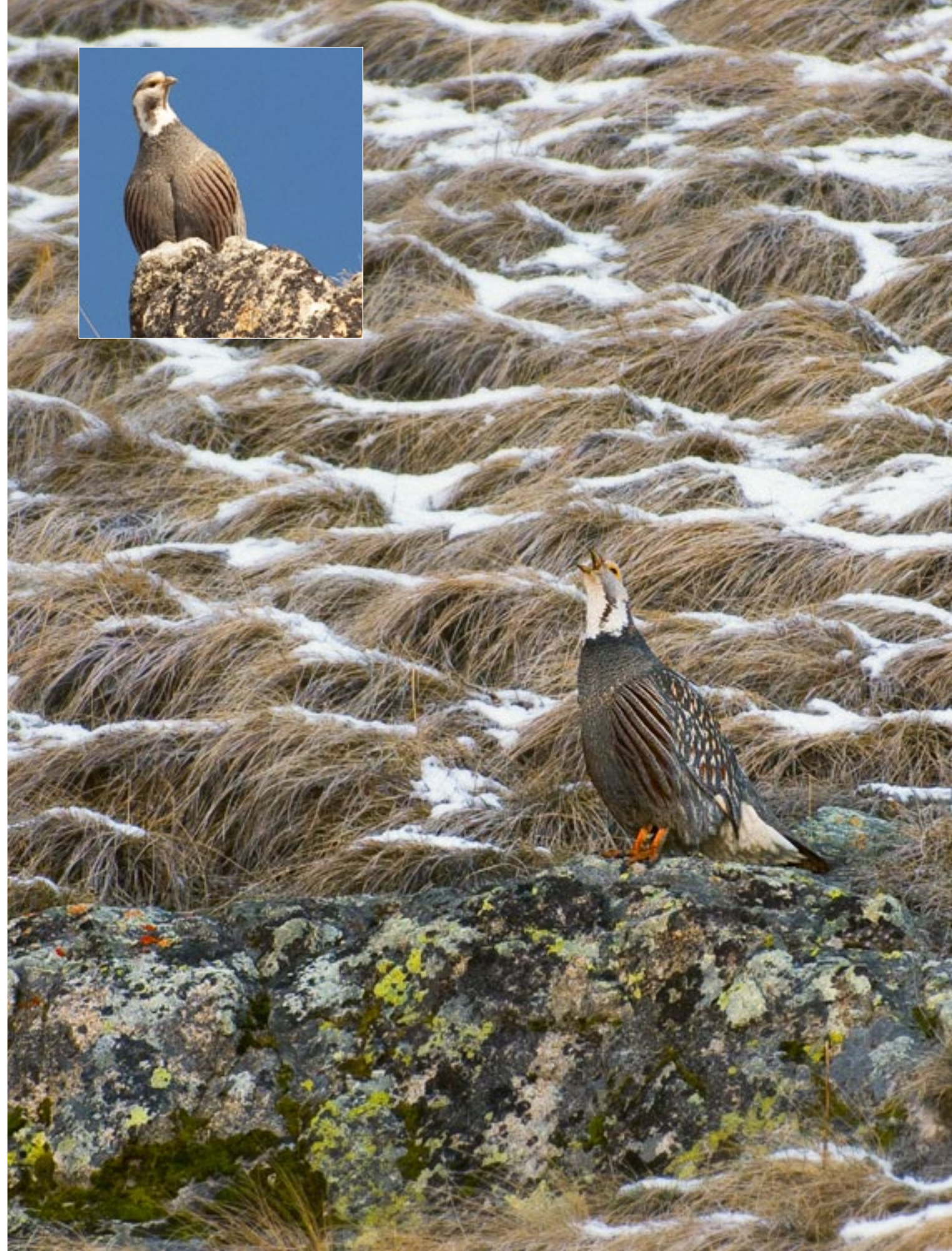
Сборы в Теберду были долгие, загодя беспокойство великое. Место новое, знакомых никого. Прежние поездки на Кавказ, в Кабардино-Балкарию не в счет. Там свои люди были, в Безенги альплагерь недо-рогой, уютный. Только горы не в меру суровые, больно круто и тяжело к хребтам подниматься было. В Теберде по слухам проще, горы пониже, природа сказочная, это и соблазняло, да и новое место всегда манит сильнее. Лазить высоко в горы не всем обязательно, но в нашем случае – нужно было. Там, в высокогорье своя жизнь, суровая и первозданно величественная и только там, на высоте обитают чудесные птицы: улары, стенолазы, корольковые выюрки и прочие пернатые перечислять коих не стоит, дабы не утомлять читателя излишними подробностями.

Нас трое, автор этого очерка и два моих товарища Слава и Миша. Все мы «больны» единой страстью к фотоохоте. Тяжко на высокогорное плато подниматься, все с собой тащить приходится. Одежда, спальник, газ, продукты, да и телеоптика с «фотожелезом», не пенопласт, рюкзак килограммов в двадцать, обуза не малая. От конторы заповедника подвезли нас до минерального источника, там, где нарзан из скал течет, дальше машине хода нет, только пешком. В целом, примерно на километр подняться нужно в горную кручу, что бы на высокогорное плато выйти, туда, где лагерем стоять думали. Тяжко шли, пять часов кряду. Поднялись к кошаре брошенной, раньше в ней пастухи летом жили. Теперь здесь заповедные земли, кошара пустует. Нам, кстати, приют, какой никакой, с палатками связываться не надо, зря только их тащили. До кошары рукой подать, метров двести, а сил, пройти пологий, затяжной подъем уже нет никаких. Отдышались, дошли.

В кошаре печка буржуйка, полати для сна, дверь, с мясом вырванная рядом на камнях валяется, крыша течет, в щели дует со всех сторон. Лачуга наша понизу из каменных глыб сложена, сверху сруб из тонких сосновых бревнышек. Обжились, дверь приладили, щели заткнули, жить можно. Округ красота дикая, величественная. Ниже нас лес сосновый зеленью свежей хвои глаз радует. По северному склону последние березки криволеся в снегу стоят. В стороне, ниже кошары речка Кышкаджер неумолчно шумит. Здесь она в верховье маленькая, по камням, не замочив ноги, перейти можно. Северные склоны в снегу, а южные желтые от прошлогодних сухих трав. Скальные останцы, осыпи и горные хребты от снега давно освободились. Вот он рай для уларов и прочей птичьей разности. Кстати и гадюки по южным склонам высоко в горах обычны, хотя ниже в Теберде они редкость.

Теперь об уларах, главной нашей заботе. Птицы они крупные, тяжелые, с большую курицу ростом и при этом строгие вегетарианцы, причем не только взрослые, но и подрастающая молодежь. Питаются улары зелеными побегами, почками и семенами трав на альпийских лугах. Зимой улары часто соседствуют с турами. Считается, что и тем и другим обоюдная польза имеется. Туры спокойно пасутся пока улары рядом. Птицы очень осторожны и в случае опасности загодя козлов о врагах криками оповещают, а туры им доступ к зимним кормам облегчают, раскапывая плотный снег и обнажая куртины сухих трав. С осени до ранней весны улары держатся вместе небольшими группами. В марте-апреле и до середины мая у птиц пора любви. Самцы часто кричат, образуются пары. Будущие отцы семейств ревностно охраняют покой своих подруг, коим необходимо спокойно кормиться, чтобы набрать вес после скудной зимней диеты. Насиживающая самка редко покидает гнездо с яйцами и запасы жира, накопленные под охраной самца, ей просто необходимы.

Семейная жизнь для самцов уларов непродолжительна. С началом насиживания яиц кавалеры покидают своих подруг и объединяются в холостяцкие ватаги. Теперь их очередь откармливаться, поправлять щедро растраченные за весеннюю пору силы. К слову, во время съёмок этих птиц, выяснилось, что бытующее мнение о невысоких летных способностях уларов не более чем миф. Старые авторы, писавшие об уларах, полагали, что птицы способны только к планированию, перелетая с хребта на хребет. Отснятые фото и видео материалы убедительно свидетельствуют о том, что птицы активно используют машущий полет для набора высоты. Наш коллега, бредящий видеосъемкой дикой природы, снял момент, когда самка улара слетает на луговину с высокой скалы по куриному хлопая крыльями, а вовсе не плани-

руя. Я сам наблюдал перелет пары уларов с хребта на дальний хребет, километров на шесть удаленный от места старта птиц. Пара летела на высоте заведомо большей высоты соседних хребтов и при этом птицы казались не крупнее перепелок.

Снять уларов с подхода трудно, удача требуется в этом деле. Птицы видят со своих скал далеко вниз, бегают прекрасно и исчезают задолго до подхода к месту, где были замечены, да и то с помощью сильной оптики. К тому же окраска настолько хорошо их маскирует в скалах, что рядом будешь, но пока шевелиться не станут, не заметишь. На мою долю удача все-таки выпала. Бестолку просидев с утра рядом со скальным массивом, на котором видел прежде токующих птиц, решил пройти вдоль гряды скальных останцев, авось, что интересное увижу. Время восьмой час утра, солнце из-за хребта только в восемь покажется. Пока холодно. Замерз в скрадке, полулежа на крутом склоне, когда утром у скального массива впустую уларов сторожил, никак согреться не могу, колотит всего. Но склон крутой, прошлогодняя трава со снегом пополам скользкая, рюкзак с тяжелым аппаратом за спиной свободно идти мешает, того гляди вниз покатишься. Тут не до холода, поневоле согреешься. Подходя к очередному останцу, услышал крики птиц, пролетевших выше и завернувших за скалы к которым я и шел. Рядом сели, недалеко, крик самца явственно слышен. Спешно пристроив рюкзак между камней на крутом склоне, с фотоаппаратом «налегке» поднимаюсь на скалы, там, где-то рядом птицы желанные. Сердце колотится, руки дрожат, удача рядом, не спугнуть бы. Наконец поднялся, выглядываю из-за гребня, а вот и пара, идут по травянистому склону, чуть ниже. Самка, как и положено ей, кормится, что-то в кочках сухой травы ищет, головы не поднимает, да и что беспокоиться, если рядом супруг, ее покой охраняет.

Странные птицы улары, издали осторожны невероятно, а здесь, в ста метрах из-за скалы выглядываю, длиннофокусная оптика в руках, аппарат щелкает в режиме серийной съемки – ноль внимания. Начал снимать в полутени птицы были, а тут и солнышко до них добралось и надо же, карточка памяти кончилась. Запасную, в спешке в рюкзаке оставил, растяпа. Сполз за камень, трясущимися руками убрал несколько десятков предыдущих снимков, из тех, что до уларов сняты были, не столь ценные. Еще на пару минут съемки карточки хватило и снова карточка кончилась. Спустился на пузе вниз со скал и к рюкзаку бегом. Поменял карту памяти, снова на свое место в скалах залег, а улары уже на противоположную скальную стенку поднимаются, быстро и ловко, не уследить, где крыльями себе помогают, где лапы сильные выручают. Насмотрелся на птиц, наснимался. Такое только раз бывает.

С погодой нам везло. За семь дней, что в горах прожили, только однажды весь день туман в горах был. А так, днем солнце, к вечеру снежная крупа, ночью луна и звезды. Жили мы на высоте 2600 метров, а улары и прочие высокогорные виды ближе к трем тысячам обитают. Значит нужно в три часа утра встать в промозглой лачуге, из теплого спальника страсть как вылезать не хочется, собраться быстро и в горы с рюкзаком. До пяти часов утра успеть следует на место, высоко в скалах у самых хребтов устроиться, пока птицы еще не активны. В начале шестого улары голос подают. Словно кто-то на флейте хрустальные звуки извлекает. Слышно песню улара километра за полтора – два. Ни с чем ее не спутаешь, если хоть раз услышишь. И с уларами нам повезло, такого количества птиц я нигде не видел, ни в Северной Осетии, ни в Кабардино-Балкарии. Да и не удивительно, за неделю пребывания в горах не единого выстрела не слышали. Для высокогорных птиц, заповедник - благо великое, несомненно.

Быстро время в горах бежит, словно речка горная по камням событий скачет. Неделя в высокогорном раю кончилась. Конечно, устали от неудобства жизни в горах, одичали малость, а расставаться с Тебердой поднебесной грустно. Манят горы человека, тяжело от красоты первозданной отрываться. Спуск вниз тоже не сахар. Рюкзаки не намного легче стали, только что еду с собой не несем. Но знакомой теперь дорогой вместо пяти часов, за два с половиной сбежали. По пути, пониже, там, где речка полноводней стала, повезло нам с оляпкой и горной трясогузкой. Спокойные птицы оказались, без беготни сняли, по сути, на отдыхе. Кончилась сказка. Дела у всех, кому на работу, кого дела семейные требуют. Но не забудутся горы, останутся навсегда в памяти, да и есть чем с читателями поделиться. А не в этом ли смысл работы фотографа-анималиста? Радоваться истинной красоте и делиться ею с ближними?

Синица синице рознь

Кто ж не знает синиц? Имя на слуху, сами на виду. Всю зиму даже в крупных городах у кормушек снуют. Весной во дворах, скверах и парках звенят. Но не все так просто, как кажется. На виду да на слуху, пожалуй, только два вида: большая синица, самая крупная в группе, и лазоревка, одна из самых мелких не только среди своих собратьев по синичьему племени, но и российских птиц вообще. Меньше - королек, но тот уж совсем крошка. О синичках в одном очерке всего не перескажешь, такие они разные и не только внешне, у всех своя особая жизнь в природе. Классическая наука объединяет синичек в 3 семейства: синицевых, с 2 подсемействами, ремезов и собственно синиц, семейство длиннохвостых синиц и семейство суторовых, куда включают усатых синиц и сutor. Ремезов мы оставим в покое, уж больно они своеобразны по облику и образу жизни. Закрытые гнезда «рукавички» на концах тонких веток, над водой устраивают. Вроде и не лесные птицы вовсе. И о суторах речи у нас не будет, южные птицы, экзотика.

Подсемейство собственно синиц в мировой фауне многочисленно, примерно полсотни видов, да и у нас в России с десятков видов наберется, а с подвидами и того больше. Самая обычная большая синица, одна из немногих птиц этой группы у которой самец и самка легко различимы. У самцов, особенно старых, а живут синички в природе лет пять, темная полоса от черного горла продолжается на груди, уходя в подбрюшье, где разливается темным пятном, тем ярче и больше, чем старше птица. У самок темная полоска тоньше, бледнее и теряется на животе. Большую синицу все знают, настолько она обычна в лесу и около человеческого жилья. Другое дело скрытая синичья жизнь. Ведь гнезда свои большая синица прячет в дуплах, дуплянках, под карнизами, в трубах-стойках оград, да мало ли где еще, лишь бы подальше от лишних глаз, да чтобы кошки с воронами не добрались. От того видно и неистребимо племя больших синиц в городах, где вороны крепко повывели птичью мелочь: щеглов, малиновок, зеленушек да зябликов, птах гнездящихся открыто на земле, в кустах и кронах деревьев. Еще снег кругом, весной чуть пахнет. Солнышко пригрело, ожила первая капель, а ей уже вторит звонким хрусталем весенняя песня синицы. Из наших синиц большая менее всего привязана к гнездовой территории вне сезона размножения. Городские синицы, а теперь есть и такие, возможно проводят зиму в своих родных дворах и парках, где их подкармливают горожане. Но лесные птицы на зиму отлетают южнее или переселяются ближе к человеческому жилью. Они и осенне-зимних запасов не делают, как другие синички, хотя чужими, при случае, не побрезгуют.

Прокормиться в городе или поселке большим синицам проще, они не связаны жестко с хвойными лесами, как хохлатые синицы или гаички с московками. Им в корм годится любая живая мелочь, что в трещинах коры или на ветвях деревьев зимует. Семена деревьев и трав в пищу годятся. Дойдет дело до ягод, и они не лишние. Станет совсем голодно, на крошках хлеба вместе с воробьями продержатся. А уж если сердобольная душа кусочек сала за окном повесит или семечек насыплет, тут уж у синичек пир горой. Долго птахи на одном месте не задерживаются. Постоянно перелетают стайкой от одной кормушки к другой, а от той к третьей, пока не вернутся туда, с которой начали. Так и крутится стайка по своему знакомому маршруту с утра до вечера. Но это зимой и в городе. Летняя жизнь много хлопотнее. Продление рода дело не простое. Сначала нужно место выбрать с подходящими для гнезд дуплами и где пищи для будущего потомства вдоволь, так, чтобы на каждую синичью семью приходилось примерно по одному гектару гнездовой площади. Тогда птенцы голодать не будут. А семьи у больших синиц не малые. В гнездах по 9-13 белых в красноватых крапинках яиц.

Родительские обязанности в паре строго распределены. Самочка строит гнездо, очень теплое и уютное, насиживает пару недель яйца и греет первые несколько дней вылупившихся птенцов. Самец все это время ее подкармливает. Подрастающих детей, к слову очень прожорливых, кормят оба родителя, принося за день по 300-500 порций пищи. После вылета птенцов отец семейства докармливает слетков еще дней десять, и на этом родительская опека заканчивается. Супруга кормильца времени даром не теряет. Приводит в порядок старое гнездо или строит новое. В старых гнездах птенцы повторного выводка выживают хуже, гибель вдвое больше, чем в начале сезона размножения. Видимо, сказывается

Большая синица

Лазоревка

зараженность семейного очага различными паразитами. Неприхотливость больших синиц в выборе корма и мест для размножения позволила им освоить огромные пространства от Атлантики до Тихого океана, где и определились, в силу различий природных условий обитания три вида: большая европейская синица, среднеазиатская, или бухарская, и дальневосточная, или малая.

О подвидах больших синиц и говорить не приходится, тут и специалисту орнитологу впору запутаться. Перейдем к синичкам малым и, прежде всего, вспомним о лазоревках. Само название птицы настраивает на поэтический лад, и не напрасно. Внешность этой небольшой изящной птички, изысканность окраски нежного оперенья как нельзя лучше соответствуют ее имени. А вот что пишет об обыкновенной лазоревке знаток певчих птиц Г.Н. Симкин: «Обыкновенная лазоревка сохранила свою ослепительную окраску и донесла до нас облик тех птиц, которые обитали на просторах древней лесной Евразии с ее могучими широколиственными лесами» Область распространения лазоревки в долготном простирании примерно такая же, как больших синиц. Но лазоревки явно тяготеют к широколиственным лесам. В группе этих птиц различают три основных вида: обыкновенную или европейскую лазоревку, белую лазоревку, или князька и желтогрудую лазоревку, обитающую в горах Тянь-Шаня и Памиро - Алая. Лазоревки охотно зимуют у человеческого жилья, но стаек не образуют, держатся парами. Несмотря на свою малость, в бойкости большим синицам они не уступают, бывает, что и от корма отгоняют. Поведение лазоревки в гнездовое время в целом повторяет повадки больших синиц, но есть и отличия. Уча-

сток для выкармливания птенцов им подходит поменьше, всего-то 3-7 тыс. м². Корм собирают птички почти исключительно на лиственных деревьях, особенно охотно в дубравах.

Подобно большим синицам лазоревки селятся в городах, но только с недавнего времени, последние лет двадцать. Для размещения гнезда довольно им даже пустотелого бетонного столба, если в нем есть небольшие технологические отверстия в 25-30 мм. диаметром. Да и в природе лазоревка предпочитает дупла с таким же небольшим лазом. Есть среди лазоревки и такие, которые в трещинах скал и обрывов и даже в заброшенных норах гнездятся. Это уже упомянутые желтогрудые лазоревки, живущие в горах Средней Азии. Еще один уже названный вид, белая лазоревка или князек – обитатель пойменных зарослей, часто бывает, особенно по осени и зимой, в заболоченных местах, зарастающих камышом и тростником, где кормится, ловко выщипывая личинок из стеблей растений. Белые лазоревки объединяют собой три подвида. Горный или Тянь-Шанский, обычный в тугаях Средней Азии, включая Тибет, Северную Монголию и север Китая. Второй подвид южно-сибирский или енисейский - обычен в южных таежных лесах Сибири. Третий – европейский, распространен на восток не далее восточной Прибалтики и Белоруссии.

В отличие от лазоревки и больших синиц, предпочитающих леса и заросли широколиственных пород, москвичи кормятся в кронах хвойных деревьев, предпочитая внешние, концевые участки ветвей. Обыч-

ны эти птички в горных хвойных лесах Юго-восточной Азии, на западном побережье Европы и в горах Атласа, в Африке. Есть москвичи и у нас, даже в крупных городах, если имеются в парках куртины старых елей. Гнездятся птички в дуплах, под корнями деревьев, в норах грызунов. Москвичи большие индивидуалисты, скоплений не любят, потому и селятся отдельными парами на участках в 4-6 тыс. м². Охотно запасают корм впрок. Живут прочными постоянными парами.

Среди наших синиц есть одна особенная, небольшая птичка – хохлатая синица. Она даже внешне от других синиц отличается. Прежде всего, окраской и хохолком. Помню, отдал как-то в печать негативы с хохлатыми синицами, а приемщица, вручая фотографии, спрашивает: «А где вы таких попугайчиков снимали?». А ведь и действительно, с распушенными крыльями хохлатая синица на маленького попугайчика похожа. Короткие широкие крылья, хохлатая головка и довольно длинный хвост, чем не попугай? Правда, расцветкой в попугая не вышла, но и тут как посмотреть. В изяществе оперенья этой синичке не откажешь. Серовато-коричневатое перо, чуть тронутое на спинке струйчатым муаром, с черным рисунком на голове, грудке и хохолке, со светло-охристым подхвостьем – чем не щеголь? Хохлатые синицы, как и москвичи, живут в хвойных лесах, ельниках и сосняках. Гнезда начинают строить рано весной, раньше других синиц, в конце марта - начале апреля. И яичек откладывают меньше чем другие синички – всего-то 4-7 штук. Насиживает самочка 15-17 дней, а птенцы сидят в гнезде долго, около трех недель, иногда чуть больше, до 23 дней, да и докармливают слетков хохлатые синицы дольше, чем другие виды, около месяца. Кормовой участок у этих птиц, по крайней мере, вдвое больше обычного для других синиц, от 12 до 22 тыс. м². Пары постоянны, в этом от других синиц отличия нет, но вот складываются они рано, начиная с двухмесячного возраста. Хохлатые синички большие домоседки и могут селиться в одном и том же участке леса многие годы. Известен случай гнездования одной и той же птицы, до девяти лет, а это по синичьим меркам целая вечность.

Есть среди синиц еще одна, пожалуй, самая разнообразная группа – гаички. Начнем знакомство с ними с самой теплолюбивой из наших гаечек - черноголовой, обитающей на юге Швеции в Норвегии, на Кавказе и по смешанным лесам до Урала. Любит эта птица селиться в поймах и заболоченных ольшаниках. Как и положено теплолюбивому виду, гнездится черноголовая,

Хохлатая синица

Московка

Длиннохвостая синица

или как ее еще называют болотная гаичка, с середины апреля до конца мая. Кладку из 6-10 яиц насиживают 13-15 дней. В гнезде птенцов кормят не долго, меньше двадцати дней и вне гнезда с неделю, а вот корм приносят часто, каждые две три минуты. Самостоятельными птицы становятся рано, уже с начала июля. Как и другие синицы, не считая большой, заготавливают корм впрок, склеивая комочки пищи слюной. Из теплолюбивых гаечек стоит упомянуть о средиземноморской гаичке, реликтовой обитательнице субтропических лесов Северной Италии, стран Балканского полуострова, Малой Азии, Ирана и Закавказья. Это одна из самых древних и редких гаечек южной Европы и Передней Азии. О древности птички свидетельствует ее привязанность к реликтовым гирканским лесам субтропиков.

Теперь, самое время перейти от теплолюбивых видов синиц к нашим типично таежным гаичкам. Речь пойдет о буроголовой гаичке, или пухляке. Заселяет эта птичка смешанные леса Европы и нашей страны, вплоть до Тихого Океана и далее всю Северную Америку. Кроме того, гнездится в горных районах Центральной Азии и Тибета. Птицы эти ведут оседлый образ жизни, очень привязаны к своим брачным партнерам. Делают запасы кормов, особенно активно занимаясь этим с конца лета и осенью. Гнезда выщипывают, как и многие другие синицы, в трухлявых подгнивающих пнях невысоко над землей, устилая их шерстью и мхом. Впрочем, в отличие от других видов синиц, стоящих, как правило, очень теплые гнезда, пухляк может откладывать яйца прямо на древесную труху. Как и у других, низко гнездящихся синиц, хохлатых и москотов, гнезда пухляков часто разоряются большим пестрым дятлом. В осенне-зимнее время пухляки охотно поедают растительные корма, ягоды и семена, в том числе и травянистых растений. При всей своей «таежности», пухляк не самая морозоустойчивая из наших синиц. Пальма первенства по этому признаку, несомненно, принадлежит сероголовой гаичке, обитательнице северных таежных лесов Скандинавии, нашей страны и северной части Аляски, где у нее имеется ближайшая родственница – гудзонская гаичка, вид обычный для Северной Америки. Суровость климата в местах обитания сероголовой гаички не позволяет гнездиться ранее мая, птенцы же появляются только с середины июня по начало июля. Прочие детали жизни буроголовых гаечек такие же, как у пухляка.

Как уже говорилось, особняком от прочих синиц отстоят длиннохвостые и усаые синицы, входящие в семейство толстоклювых синиц. Об усаых синицах, как и о ремизах и суторах у нас речи не идет. А потому ограничимся знакомством с длиннохвостыми синичками, птицами примечательными и не менее интересными. Есть они в Европе и Азии. У нас эти птички обычны от западных границ до Камчатки. Вообразите себе нежное создание розовато-коричневого цвета с длинным ступенчатым хвостиком и круглой пушистой головкой, глядящее на вас черными бисеринками глаз. Шустры птички необычайно, на месте не задерживаются ни на миг. Одинаково уверенно чувствуют себя в любом положении, вверх ли головой, вниз ли, неважно. Необычны у длиннохвостых синиц и гнезда. Это не дупла, а искусно сотканые из растительных волокон и прочего подручного материала, наличного в лесу, закрытые серые мешочки с небольшим лазом-дырочкой сверху. Снаружи гнездо инкрустировано кусочками лишайников, маскирующих его под фактуру замшелых развилок ветвей и стволов ивняков, берез или ольх, на коих гнезда и устраиваются, иногда на высоте более 10 метров, но это только если птиц часто беспокоят. В условиях покоя гнезда располагаются много ниже, в 3-5 метрах над землей.

Пары у длиннохвостых синиц прочные, отношения семейные нежные, подстать самим хрупким птицам. Гнезда строятся с середины апреля, кладки, 8-10 яиц, с начала мая. Птенцы вылетают из гнезд скоро, в возрасте 15-16 дней уже способные сносно летать. Впоследствии родители докармливают выводок сначала около гнезда, но уже к концу июня - началу июля семейные группы покидают гнездовые участки и пускаются в летние миграции. Кормятся длиннохвостые синички, как на деревьях лиственных пород, так и на хвойных. Охотно посещают заболоченные опушки и поляны, поросшие ивняками и ольхой. Осенью и зимой кормятся на сухом высокотравье, выискивая кладки яиц и личинок насекомых.

Вот и все, если коротко, о синичках. Остается только добавить, что живут синички бок о бок, в чем-то похожие и все же такие разные. Так в природе устроено. Каждому места ровно столько, сколько для прокорма себя и потомства потребно. Вот бы нам, людям, так. Каждому по разумной надобности для себя и детей, без диких излишеств, а голубая планета, как лес для синиц, всем вместе.

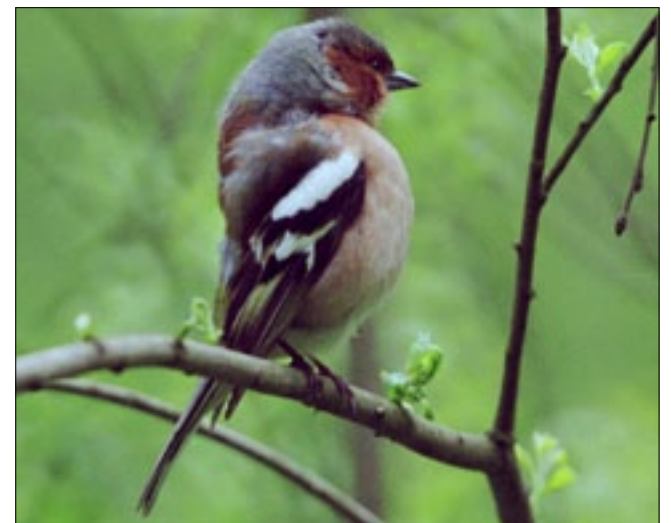
Нет нет, а бывает

Инстинкт - великая сила, но бывает, что и он отказывает. Из года в год, веками летят перелетные птицы от зимних холодов и голода к теплу и изобилию заморских стран. Но случается, правда очень редко, что кое-кто из вынужденных любителей заморских путешествий остается у нас на зиму. Что их ждет? Конечно, неминуемая и скорая гибель от голода, если только не добрые люди. Чаще дети и старушки, они к добру ближе других, приносящие в сады и парки хлебные крошки, семечки, орешки, творог, кусочки мяса и сала. Кто чем богат. Бывает, что зимуют так грачи, зеленушки, дрозды, но это птицы, для которых растительная пища впроку, а ее на кормушках и помойках вдоволь, да и на деревьях плодов и ягод в городах и поселках много остается. Около скотных дворов зимой не редки овсянки. Реже остаются у нас на незамерзающих ручьях и речках крапивники. Даже о зимующих зимородках в книгах упоминается. Сам я их в Средней полосе зимой не встречал. В Закавказье сколько угодно, а вот чтоб у нас в России - не знаю, не видел. Но вот свидетелем совсем необычного случая, когда в Москве, в районе Речного вокзала, зимовала зарянка, птичка типично насекомоядная, точно привилось быть. Кормятся такие незадачливые птахи-бедолаги около человеческого жилья. У каждой своя причина, не давшая вовремя улететь. Кто клюв надломил, у кого крылышко приболело, ножку повредил ли, или другая какая хвороба с осени приключилась. Результат один - осталась птаха дома, и не будь добрых людей, не видать бы ей весеннего солнышка.

Уж как об этом хорошо написал Мамин-Сибиряк в “Серой шейке”, лучше не расскажешь. Однако и с птичьими инвалидами тоже не все так просто. По ранней весне случилось наблюдать за странным зябликом, только что прилетевшим с зимовки. Самец хорошо летал, пел, но прыгал по земле и сидел на ветвях столбиком, с выгнутой дугой шеей. Очевидно, птица повредила когда-то позвонки шеи, но приспособилась к своей нелегкой жизни. Мало того, умудрилась проделать неблизкий путь с зимовки на родину.

Более того, слышал я от своего товарища, орнитолога о случае, когда добыли птицу с некогда поломанным крылом, причем не мелочь, а крупного канюка, с петуха размером. Сломанная кость срослась таким образом, что обломки легли один поверх другого, образовав массивную костную мозоль. В результате птица вполне нормально летала, со стороны и не скажешь, что калека. В охотничьей литературе и вовсе упоминается о случаях «самолечения» птиц. В частности, вполне солидные зарубежные авторы утверждают, что вальдшнепы способны накладывать себе шины для лечения переломов конечностей. Для этого используются перья, травинки, скрепленные глиной и слюной. Как бы там ни было, но во время весенней охоты на тяге охотники довольно регулярно добывают вальдшнепов с зажившими переломами крыльев, одноглазых и одноногих. Так что «герои», преодолевшие свое увечье, в природе среди птиц не такая уж редкость.

Ну а что же с нашей горемыкой, зарядкой? Присоседилась к кормушке и выжила птаха. Обошлась вопреки всему, зиму напролет, без мошек и козявок. Перезимовала дома у птичьей подкормки с синицами, воробьями да белками.

Попугаи

Не много найдется птиц, способных сравниться по яркости оперенья и разнообразию форм с попугаями. Да и само слово «попугай», рождает в воображении картины тропического буйства и великолепия загадочного, затерянного мира дождевых лесов, населенных ядовитыми змеями, великолепными бабочками и, конечно, попугаями.

Но это фантазии, а что же представляют собой попугаи на самом деле? Какие они, где обитают и каковы их повадки? Всего в мировой фауне известно более 350 видов этих птиц, а если вести счет подвидам, то разнообразие их возрастает много больше. Правда, уже ныне, немало видов и подвигов находится на грани вымирания или канули в вечность. В память о них, еще недавно существовавших, сохранились немногие чучела и шкурки в музеях да рисунки в старых книгах.

Есть среди попугаев сущие крошки, мельче воробья, в десять грамм весом, те которые в сто раз легче своих крупных собратьев. Хотя отличны попугаи роскошностью оперенья, не менее существенно их своеобразие в строении тела, клюва и лап. Внешне клюв попугая напоминает таковой хищной птицы, толстый у основания, уплощенный с боков, крючковато изогнутый. Основание надклювья (верхней части клюва) у многих видов покрыто мягкой кожей (восковицей), где расположены ноздревые отверстия. Все как у хищников. Однако на этом сходство, пожалуй, и заканчивается. Клюв попугаев предназначен не для убийства жертвы и разрывания ее тканей, а для поедания плодов, ягод, семян и орехов. Правда, есть среди них и такие, которые питаются насекомыми и их личинками или высасывают цветочный нектар.

Лапы попугаев очень похожи на нижние конечности дятлов: те же 4 пальца, 2 спереди и 2 сзади. При этом, в отличие от дятлов, четвертый палец (задний внутренний) особенно развит и может отставляться в сторону. Но у дятлов лапы совершенный инструмент для лазанья по стволам деревьев, а у попугаев - приспособление в основном хватательное, одинаково удобное для лазанья в ветвях и удержания кусочков пищи. Своеобразен и язык попугаев. Обычно он мясист и снабжен совершенными органами осязания, вкусовыми рецепторами в виде разнообразных углублений на поверхности языка или пучков чувствительных сосочков, собранных в своеобразные вкусовые кисточки. Этот признак используется систематиками для классификации соответствующих попугаев.

Попугаи - птицы большеголовые, с хорошо развитым зрением. Неплохо летают. Длиннохвостые попугаи (килехвостые или клинохвостые) хорошие летуны, но не столь ловки в лазанье по ветвям как короткохвостые. Особенно отчетливо видна разница у лори. Клинохвостые лорикеты ловки и быстры в полете, а широкохвостые лори - признанные мастера лазанья. Карабкаясь по ветвям, многие попугаи используют клюв как крюк поддержки, подтягиваясь на нем.

12-14 хвостовых перьев образуют у различных видов хвосты куцые, прямообрезанные, закругленные, длинные, клиновидные или ступенчатые. Копчиковая железа развита у попугаев слабо, а у американских тупохвостых и клинохвостых попугаев ее нет вовсе. Зато в косметическом арсенале попугаев имеется подобие пудреницы, при помощи которой они покрывают оперенье светлой пылью, предохраняющей перо от намокания.

Подавляющее число видов попугаев - лесные птицы, хотя есть среди них и настоящие обитатели степей, такие как австралийские плоскохвостые попугаи. Многие виды попугаев освоили высокогорье. Так, некоторые виды куцехвостых и клинохвостых попугаев обитают очень высоко в Андах, а новозеландский кеа обычен в горах выше зоны древесной растительности, местами и у границы вечных снегов.

Кормятся попугаи в основном растительной пищей, однако есть среди них виды своеобразные по типу питания. Так, кистезычные лори высасывают мякоть сочных фруктов, древесный сок или мед. Носатые какаду и кеа копаются в почве и подстилке, отыскивая насекомых. Вороновые какаду питаются древесными жуками и их личинками, а дятловые попугаи кормятся семенами растений, сосут древесный сок в местах повреждения коры, отыскивают насекомых.

Некоторые попугаи совершают в поисках корма дальние перелеты. Характерно это для некрупных австралийских видов, принадлежащих к группе плоскохвостых попугаев, к которым относятся, в числе прочих и волнистые попугайчики. Да и в Южной Америке, как это не странно звучит для тропиков, имеются настоящие перелетные виды попугаев. Птицы улетают на зиму из постоянных мест обитания в Южной Америке севернее, на юг Центральной Америки.

Попугаи живут в одинобрачье. Многие гнездятся в дуплах. При этом зачастую кладут яйца на дно дупла без подстилки. Иногда выстилают дупло веточками и ветошью. Неразлучники и некоторые другие попугаи выщипывают на себе перья для устройства гнезда. Есть виды попугаев, гнездящиеся в скалах. Таковы скальные попугаи, гнездящиеся в скальных нишах, или в норах по обрывам и в мягких горных породах среди скал. В расселинах скал гнездится новозеландский кеа. Дятловые попугаи часто устраивают гнезда по соседству с термитами. Попугаи монахи строят общественные гнезда на деревьях из веток и сучьев, а некоторые австралийские плоскохвостые попугаи кладут яйца просто на поверхность почвы.

Некрупные виды попугаев выводят потомство дважды или даже трижды в году. Крупные попугаи выкармливают не более одного выводка и откладывают обычно пару яиц, мелкие – больше - 6-8. Форма яиц разная: круглая, овальная, бывают даже бочкообразные, это у некоторых какаду.

Насиживают птицы, в зависимости от групповой и видовой принадлежности, от 16 до 30 дней. Птенцы появляются на свет голыми и слепыми, но вскоре покрываются сероватым пухом. Птенцы крупных видов остаются в гнезде до трех месяцев, покидая его уже вполне летными птицами, до этого дважды сменив птенцовый наряд.

Стоит упомянуть и о вокальных возможностях попугаев. Как правило, они издают мало приятные резкие, хриплые звуки, особенно крупные виды. Но среди мелких форм есть настоящие певцы. Существует даже группа певчих попугаев. Многие попугаи способны подражать голосам других животных, в том числе и человеческой речи. Особенно искусны в этом серые попугаи и амазоны. Ученые полагают наличие у попугаев зачатков абстрактного мышления. Считается, что интеллект некоторых из них сравним с уровнем сознания трехлетнего ребенка.

Происхождение попугаев связывают с регионом Новой Гвинеи и Северной Австралии, где и поныне отмечается наибольшее разнообразие мировой фауны этих птиц.

С Новым светом (Южной Америкой) связаны по происхождению только две трибы (ранг выше рода, но ниже подсемейства) из подсемейства настоящих попугаев - ступенчатохвостые и клинохвостые, не встречающихся в районе Новой Гвинеи и Австралии. В череде прочих птиц место попугаев где-то между кукушками и стрижами. Наиболее древние ископаемые формы попугаеобразных известны с Миоцена (около сорока миллионов лет тому назад).

По современным воззрениям зоологов (Handbook of the Birds of the World, volume 4, 1997) отряд попугаев, делится на два неравноценных по объему семейства. Первое семейство - Cacatuidae, в котором насчитывается только 21 вид, 6 родов и 3 подсемейства: подсемейство черных какаду, с 6 видами и 2 родами; подсемейство белых какаду, с 14 видами и 3 родами и подсемейство нимф, с 1 видом и родом.

Второе семейство - Psittacidae объединяет в себе 2 подсемейства, - Lorinae, 53 вида и 12 родов и подсемейство настоящих попугаев - Psittacinae, более 270 видов и 66 родов. В группе настоящих попугаев имеются очень интересные и своеобразные формы, принадлежащие к трибам - Nestorini (2 вида и 1 род) и совиным, ночным попугаям – Strigopini (1 вид и род).

Наиболее близки к предковым пропопугаям обитатели Новой Зеландии, относящиеся к подсемейству Nestorinae. Это крепко сложенные птицы размером с ворону. Для этого подсемейства известно 3 вида, один из которых - тонкоклювый Нестор (*Nestor productus*) уже исчез с лица земли.

Ныне обитающий вид - Кака, или *Nestor meridionalis* обитатель горных лесов Новой Зеландии. Вот как описывают его в середине прошлого века авторы публикации New Zealand Birds, 1948: « Живой, общительный, шумный этот попугай один из самых интересных и в то же время полезных обитателей горных лесов. Мигрирует стаями в поисках пищи, при этом полет птиц методично деловит и цель его очевидна, как можно скорее добраться до новых мест богатых пищей. Мигрирующие птицы не так шумны, как в другое время, когда голоса их можно услышать и ранним утром и в плохую сырую погоду и даже ночью. Но сколь шумны эти птицы в обычном стайном общении, столь же мелодичными могут быть их голоса, будь то «песня» самца около гнезда или голос самки «говорящей» с птенцами - чудная, негромкая мелодия в низких тонах флейты и виолончели».

Гнездятся эти птицы высоко на деревьях, в дуплах. Четыре белых яйца покоятся на толстом слое древесной трухи. Выживают обычно только два птенца, о которых нежно заботятся оба родителя. Трудно переоценить полезную роль этих птиц в лесу. Язык их прекрасно приспособлен для добывания нектара из соцветий цветущих деревьев. Одновременно с поиском пищи происходит и перекрестное опыление кормовых растений. Поедают они также ягоды и семена, при этом крупные раскалывают, а мелкие глотают целиком, не нарушая покоящихся в них зародышей. Но основная заслуга этих птиц - уничтожение насекомых, вредителей леса. Добывая насекомых и их личинок, попугаи деловито обдирают кору и выщипывают подгнившую древесину на пораженных вредителями деревьях. Кормятся насекомыми они и на земле, разгребая мох у корней лесных исполинов.

Третий вид из этой группы птиц, ныне обитающий Kea - *Nestor notabilis*, населяет высокогорье выше линии произрастания древесной растительности. Питается фруктами, ягодами, медом, кореньями, и насекомыми. Гнездится в раселинах скальных утесов. Существует мнение, что эти попугаи могут нападать на овец, выщипывая у них со спины кусочки мяса. Однако чаще они кормятся на трупях овец.

Еще одна древняя группа попугаев, известных только из района Новой Гвинеи, образует трибу щетиноголовых попугаев, представленных ныне только одним видом. Живут они в горных лесах. Питаются ягодами, фруктами и семенами.

От того же корня древних первичных попугаев образовалась уже известная нам группа какаду, распространившаяся из своего древнего ареала в районе Австралии и Новой Гвинеи в Индо-Малайзийский регион и на Филиппины. Один из видов какаду - черный какаду, и ныне еще типичен только для первичной родины этой группы птиц - Новой Гвинеи.

Еще одна группа попугаев, обитающих только к Новой Гвинеи, - мелкие дятловые попугаи - 6 видов рода - *Micrositta*. Их ближайшие родственники карликовые попугаи перешли на питание медом и соком мягких фруктов. Относятся они к группе щеткоязычных попугаев, освоивших в большом разнообразии форм и великолепии оперения, не только свою первичную Ново Гвинейскую родину, но еще Австралию и Индонезию.

В Новой Зеландии и на небольшой группе близлежащих островов обитают попугаи группы плоскохвостых, (37 видов и 14 родов), древние корни которых относятся все к той же, упомянутой выше предковой основе пропопугаев. Один из представителей этой группы - земляной попугай полностью перешел на наземное гнездование, как и родственный ему ночной попугай, состоящий в родстве с уже известным нам совиным попугаем.

Относительно совиного попугая, настолько оригинальной птицы, что один единственный вид удостоен от систематиков ранга рода и трибы, воспользуемся переводом из уже упомянутой нами книги New Zealand Birds: «Маори называют этих птиц ночными попугаями, у бушменов их величают земляными или совиными попугаями. По всем основным статьям - это настоящие попугаи, однако прозвище «совиные» вполне оправдано формой лицевого диска, мягкой текстурой оперенья и ночным образом жизни этих птиц. Не так давно в прошлом, попугаи эти были широко распространены в Новой Зеландии. Теперь же, став редкостью, встречаются в наиболее диких горных районах южного острова».

Птицы эти населяют каменистые, заросшие кустарником склоны и замшелые берега лесных речек в горах. Удивительно, что, имея полноразмерные и нормально оперенные крылья, птицы ведут наземный образ жизни. Мускулатура их крыльев слишком слаба для настоящего полета. Бегают эти попугаи довольно быстро, балансируя при этом крыльями, но не быстрее собак, что птиц и губит.

Неспособность к полноценному полету компенсируется отчасти той легкостью, с которой они карабкаются в ветвях, активно используя при этом не только цепкие лапы и клюв, но и крылья. Днем птицы отсиживают в нишах под корнями деревьев или в расщелинах скал, но с наступлением сумерек заметно оживляются и выходят на поиск пищи, удаляясь при этом от своих дневных убежищ довольно далеко. Длинные волоски на лицевом диске, возможно, помогают птицам ориентироваться в темноте. Любимая пища этих птиц - снежная трава. Неусвоенные, жесткие части растений исторгаются птицами в виде сухого шарика - погадки, а это уже вполне в совиной манере. Кроме того, поедают совиные попугаи мох, семена, ягоды и сочные стебли раkitника. Птицы эти очень любят воду и устраивают своеобразные тропы от своих убежищ к лесным ручьям или речкам.

Голос совиных попугаев лишен музыкальности, но сравнительно разнообразен. Во время кормежки птицы глухо ворчат. Обычный крик - хриплое карканье, иногда переходящее в истошные вопли. В брачный период самцы издают глухие утробные звуки, подобные крику выпи, но более громкие и протяжные.

Гнезда устраивают среди корней или в нишах среди скал, выстилая древесной трухой и перьями, выщипанными у себя на груди. Три - четыре больших белых яйца насиживает только самка. Самки яростно

защищают свое потомство в случае опасности. Изредка совиных попугаев держат в неволе. При этом они общительны и очень восприимчивы к ласке. Их сообразительность, беззащитность и мягкость характера вызывает симпатию и не может оставить к себе равнодушным любого, кто познакомится с ними поближе.

Представители большой и разнообразной группы воскоклювых попугаев из подсемейства Lorinae, обычные в Австралии и Новой Гвинее, заселили Индо-Малайзийский регион и через Мадагаскар - Африку и в лице рода ожереловых попугаев распространились на восток и запад, расширив свои владения в Старом свете.

Обособленно, в ранге трибы (12 видов и 3 рода) существуют афротропические короткохвостые попугаи, среди которых широко известный серый попугай жако.

И, наконец, триба - Arini, сто сорок восемь видов и тридцать родов из подсемейства настоящих попугаев, обитающих в Центральной и Южной Америке. В их числе и широко известные во всем мире попугаи ара, (около 20 видов) и амазоны, (более 25 видов).

К сожалению, в небольшом популярном очерке всех попугаев даже перечислить невозможно, не то, что рассказать о них более подробно, столь они разнообразны и различны по происхождению, распространению и образу жизни.

Сорока

Люди старшего поколения помнят время, когда у нас не ждали “милости от природы”, а воевали с ней. При этом попадало и правым и виноватым, без разбора. В частности истребляли “вредных птиц”- хищников и врановых. С хищниками, слава Богу, довольно быстро одумались, а вот от врановых пух да перья долго еще летели, а порой летят и до сих пор. Конечно, проблема врановых птиц не проста, но деление на вредных и полезных - порочная практика. Суть отношений любого существа с окружающим миром не что иное, как сумма плюсов и минусов. В естественных условиях, без чрезмерного вмешательства людей, результат природной арифметики, как правило, нейтральный - плюсов и минусов поровну.

Примерно с такими, еще не четко оформившимися мыслями, но ощущениями, начинал я свою первую самостоятельную работу в науке, связанную с защитой диплома биолога-охотоведа. Темой диплома была сорока. Тогда ее считали вредной птицей, полагая, что при выкармливании сорочат, она активно уничтожает яйца и птенцов мелких воробьиных и промыслово-охотничьих птиц. Мне предстояло выяснить, чем же на самом деле сороки выкармливают своих птенцов и насколько справедливы обвинения в их адрес. Особых сюрпризов от работы не ожидалось. Птица более чем обыкновенная и все о ней должно быть давно известно. Оказалось что не все! Началось с того, что во всех гнездах, а у меня под наблюдением было их штук тридцать, на птенцах паразитировали кровососущие личинки мух. Личинки эти были известны как специализированные паразиты птиц-дуплогнезdnиков. Оказалось, что личинки, окукливаясь, остаются на зимовку в глиняной обмазке сорочьих гнезд и наличие там хитиновых чехликов однозначно свидетельствуют - птенцы в гнездах были.

Нужно заметить, что сорока использует гнездо, как правило, только один раз. Глиняная обмазка перезимовавшего гнезда после размораживания теряет свои связующие свойства и быстро осыпается. Новое гнездо строится рядом. Поэтому, вылетевшие из старого гнезда мухи легко находят новых хозяев для своих личинок. Перед вылетом у птенцов интенсивно растут крупные перья крыльев и хвоста. Остатки перьевых чехлов в виде перьевых чешуек (перхоти) остаются в гнезде и определенно указывают на прошлое пребывание в нем слетков. Дальше - больше. Выяснилось, что выкармливают сорочат по строгой схеме. Сначала мягкими личинками и гусеницами, потом мелкими насекомыми, вслед за этим - крупными насекомыми и только с двухнедельного возраста приносят им грубую мясную пищу с костями и шерстью. Хитин, кости, волос формируются в погадку и остаются в гнезде. Очевидно, возникает возмож-

ность заглянуть в прошлое сорочьих гнезд. Для этого достаточно осмотреть осенние, брошенные птицами гнезда, и по сохранившимся в них признакам жизнедеятельности птиц, установить судьбу выводков.

Но, прежде, следует отметить еще один момент. При поверхностном осмотре старых гнезд никаких остатков не видно. Природная влага поддерживает глиняную обмазку гнездовой чаши в «сыром» состоянии. Постоянное движение птенцов и самого гнезда, устроенного чаще всего в кустах, способствует тому, что остатки-индикаторы проваливаются через рыхлую подстилку гнезда и вмуровываются в обмазку гнездовой чаши. Поэтому улики сорочьей жизни обнаружить можно только после тщательной разборки всего гнезда. Если в гнездах найдены лишь пупарии личинок мух, значит, птенцы точно были, но погибли в самом начале выкармливания нежной и мягкой пищей. Мелкий хитин от покровов насекомых соответствует птенцам, по меньшей мере, недельного возраста, крупный хитин указывает на птенцов двухнедельного возраста. Кости, шерсть и перьевая перхоть могут быть только в гнездах с подростками птенцами - слетками.

После весенне-летних наблюдений, осенью того же года, мне представилась возможность участвовать в экспедиции, маршрут которой пролегал с севера на юг Европейской части нашей страны, от Смоленской области до побережья Азовского моря. За время работы в экспедиции удалось осмотреть более 300 гнезд. Результаты этой работы оказались интересными. Выяснилось, что сорочат выкармливают, в основном, различными насекомыми и лягушатами. С севера на юг количество видов насекомых в их корме увеличивается, а доля мясной пищи резко сокращается. Наибольшее воздействие на мелких позвоночных сороки оказывают в лесной зоне, но даже здесь доля костей птиц не превышает 6%. Основная масса костных остатков (91%), от лягушек и 3% от мышевидных грызунов. В лесостепной зоне, более половины остатков - кости лягушек, треть - остатки мышевидных и только 1% - птичьи кости. В степной зоне костные остатки найдены только в трех из 150 осмотренных здесь гнезд, и все они принадлежали мышевидным грызунам. Зато на самом юге, в Приазовье, в сорочьих гнездах обычны остатки раковин моллюсков, которыми здесь выкармливаются подрастающие птенцы.

Факты - упрямая вещь и они говорят в пользу сорок. Как оказалось, мелкие птицы от них страдают незначительно, поэтому винить их во вредительстве нет оснований. Скорее наоборот, можно говорить о существенной пользе. Эти птицы уничтожают значительное количество насекомых, причем охотно и быстро переключаются на массовые виды, будь то хрущи, долгоносики или листоеды. Им все равно, лишь бы корм был обильным и легкодоступным.

Но как же тогда объяснить общеизвестные факты воровства сороками цыплят и яиц на фермах по разведению пернатой дичи и в птицеводческих хозяйствах? На самом деле все просто. Чтобы выкормить ораву прожорливых птенцов (8-12 штук) нужно много корма. Сороки хорошо приспособлены к жизни в густой опушечной или пойменной поросли, но в открытом ландшафте летуны они неважные и корм добывают недалеко от гнезд, обычно не далее полукилометра. Как можно в этих условиях прокормить птенцов? Только имея рядом, под боком, обильный источник корма. В природе - это массовые виды насекомых, черви, лягушата, моллюски. Но если сороки поселились рядом с птицефермой, то более доступной и обильной пищи, чем цыплята им не найти, да и искать не надо, бери - не хочу. Конечно, с такими фактами мародерства приходится бороться самым решительным образом. Но подобная ситуация исключение из правил, да и то, спровоцированная человеком.

Однако сорокам довольно лиха и без людей. Большая часть выводков (до 80%), а зачастую и взрослые птицы, ежегодно гибнут в когтях ястребов и сов, тем самым отвлекая их от других птиц, в том числе и от промысловых видов.

Взаимоотношения сорок с другими животными, с теми же хищниками, могут быть и не столь драматичными. Старые сорочьи гнезда часто заселяются, особенно на юге, мелкими соколами и совами. А однажды, при осмотре гнезда сороки в лесополосе, под Ростовом, я был до смерти напуган куницей, заспавшейся в нем и подпустившей меня практически вплотную.

Положительная роль сороки в жизни других животных не ограничивается жилищными проблемами, но простирается гораздо дальше. Кому не доводилось быть объектом сорочьего переполоха на охоте, рыбалке или просто на прогулке в лесу? Вездесущие кумушки первыми растрезвонят на всю округу о вашем приближении. Остальные обитатели леса, птицы и звери, прекрасно понимающие значение сорочьего переполоха, поспешат уйти от греха подальше, в безопасное место. В том, что животные понимают сорочьи сигналы, я убедился сам.

Было это ранней весной, той порой, когда подтаявший за день наст к ночи подмерзает ледяной глазурью и хрустко подламывается под ногами, а утром, изнемогая от сумасшедшего солнца, оседает легким шелестом умирающего снега.

В тот раз я наблюдал за тетеревиным током, еще с ночи поднявшись в скрадок, устроенный в нескольких метрах над землей, на опушке леса. У меня за спиной, в густой поросли березняка, устроилась пара сорок. Пригревшись на припеке, около недостроенного гнезда, они то и дело шумно выясняли отношения. Громкое стрекотание временами сменялось чуть слышным щебетом, переходящим в легкий лепет, разомлевших от весеннего солнца и нежности птиц.

Лесная поляна, на которой токовали тетерева, начиналась довольно далеко слева, тянулась широкой полосой, огибая, под прямым углом скрадок справа, и упиралась в лесной массив, метрах в двухстах у меня за спиной. Здесь, почти у самой опушки леса, уже давно мышковала лисица. Оптика бинокля заметно усиливала впечатление плавности и грациозности движений рыжего зверя, делая их чуть замедленными, словно в мультфильме. Неожиданно в эту сказку цвета и формы ворвался вскрик сороки, короткий, как удар хлыста, и тревожно-определенный. В тот же миг лиса, словно споткнувшись, окаменела, проволочно вытянувшись на всех четырех лапах, с высоко поднятой головой. Мгновение, и, крутнувшись на месте, она большими прыжками понеслась к лесу. Еще через секунду, последний раз мазнув белой кисточкой хвоста по кустарнику на опушке леса, зверь исчез.

Придя в себя от неожиданности, я стал выяснять, что так напугало лису. В лисьем углу спокойно, никого. На тетеревином току, прямо напротив скрадка, тетерева притихли, но не улетают. Опушка леса, подтянутая сильной оптикой, совсем рядом, четко рисуясь в хрустальной чистоте весеннего утра, уплывает вправо. И вдруг, я даже вздрогнул от неожиданности, - волк. Матерый, крутолобый, гладкий зверь медленно шел ленивой трусцой от опушки леса прямо на меня, заполнив собой почти все видимое в бинокль пространство. Картина эта до сих пор жива в моей памяти и ничто не смогло поколебать моей уверенности в том, что крик сороки, в то далекое мартовское утро, означал только одно – «волк». Обитатели леса сразу поняли значение сорочьего крика и замерли, насторожившись. Правда, тетерева могли увидеть волка сами, без помощи сорок, а вот лисица увидеть или почувствовать его никак не могла, и ее паническое бегство означало только одно – страх. Лиса поняла, с кем будет иметь дело, задержись она на поляне чуть дольше.

Зимнее братство

Осенним ненастьем скучно в лесу, сырость и уныние правят миром. Поблекли краски, стихли голоса. Вот в эту пору грусти и увяданья рождается особое братство, союз лесных птиц, не покидающих снежную родину ради тепла и изобилия заморских стран. И что примечательно, остаются не самые сильные и видные, те в первых рядах улетают с родных полей, болот и лесов в страхе зимы - остаются самые слабые, коих заметить - приглядеться надо. Синички, например, видов наберется - по пальцам перечесть. Крохи птахи, размером с мышонка, комочек перьев да бусинки глаз, и сколько же нужно жизненной силы, чтобы пережить стужу и бескормицу долгой российской зимы?

Не легче зимняя жизнь и у пищух с поползнями, а уж о короляках, наших северных колибри, и говорить нечего. Как умудряются такие крошки, десяток на пригоршню, зимовать в российских лесах, уму непостижимо. Но у зимующих птиц есть свои секреты, и главный из них - невероятно быстрое усвоение пищи, идущей в основном на обогрев тела. Поэтому, если есть у птиц корм, то мороз им не так уж и страшен. К слову, в восточносибирской тайге синички-пухляки в лютый мороз, под минус пятьдесят, умудряются летать, искать корм и даже петь, а живущие в наших лесах клесты, в годы урожайные шишками, гнездятся в зиму и даже выводят птенцов на хвойных деревьях, присыпанных мартовским снегом. Вот уж воистину мудры дела твои, Природа.

Но пищу в зимнем лесу найти не просто. В эту пору даже сойки и сороки ближе к людям жмутся. Правда, есть среди зимующих у нас птиц хutorяне-одиночки, такие, как крапивники, остающиеся порой по незамерзающим ручьям, но таких героев мало, тяжело зимовать в одиночку. Истины раде следует заметить, что не все птицы зимуют в смешанных стайках. Щеглы, чижи, снегири, куропатки, тетерева и рябчики проводят зиму сами по себе, в одновидовых стайках, или семейных группах. Но им проще, они кормятся зимой растительной пищей - семенами трав, почками и плодами различных растений, пылью из сережек деревьев и кустарников, содержащей массу полезных и питательных веществ. Такой пищи в зимнем лесу вдоволь. А вот насекомоядным птицам зимой бывает туго. Вот тут и приходится в пору зимнее братство.

Откуда берутся смешанные стайки зимующих птиц? Для ответа на этот вопрос ученые-орнитологи придумали убедительный и простой способ. Устроили в лесу переносную кормушку и поместили около нее птиц. Потом кормушку перенесли, чтобы посмотреть, будут ли следовать за ней помеченные птицы. Оказалось, что птицы тянутся за кормушкой триста-пятьсот метров и отстают, а вместо них появляются другие, немеченые. Таким простым, немудреным способом удалось доказать оседлость зимних стай.

У каждого вида птиц, сбивающихся к зиме в смешанные стайки, будь то различные синички, поползни, пищухи, королики или малый дятел - свое место в летнем лесу, своя манера поиска корма и устройства гнезд, поэтому они и не мешают друг другу, хоть и живут рядом, бок о бок. Кто на стволах кормится, кто на ветвях да в хвое копошится. С гнездами тоже все в порядке, и тут они друг другу не помеха. Королек свое жилище высоко над землей, снизу еловых лап прилаживает. Пищуха в трещинах стволов да за отставшей корой гнездится. Длиннохвостые синички устраивают свои закрытые теплые гнезда в развилках толстых ветвей. Все другие синички, живущие в наших краях, гнездятся в дуплах. Буроголовые гаички-пухляки и хохлатые синички-гренадерки селятся невысоко над землей, чаще в обломках сухих полусгнивших стволов, там и тут торчащих в захлавленных, сырых участках леса. А вот лазоревки и большие синицы стараются селиться повыше, обычно в дуплах лиственных деревьев, на осинах, липах и дубах. Но и тут их вкусы различны. Лазоревке сойдет дупло с маленьким отверстием, а большой синице такое не годится, ей подавай квартиру побольше. Так и уживаются птички летом рядом, на одном и том же участке леса, а на зиму собираются в смешанные стайки, вместе зиму коротать.

Многие из зимующих птиц, некоторые синички, поползни, сойки, еще с осени начинают запасать корм. Правда, часть своих запасов они тут же вскоре, через день-два съедают, но все же много остается. К примеру, один единственный пухляк скромно окрашенная серовато-бурая птичка, в темной шапочке, ежегодно запасает до 300 000 семян сосны, но съедает за зиму не больше пятой части своих запасов. Территориальная группа поползней, москочков, пухляков, хохлатых синиц и болотных гаечек каждый год прячет на своей территории от 100 до 200 килограммов корма. Согласитесь, запасы не шуточные. Но за один раз птички прячут немного, сколько унести могут, и таких кладовых набирается уйма, всех

не упомнишь. Искать утерянные запасы в одиночку хлопотно, а вот стайкой, много проще и быстрее. Обнаружит кто-то из птичьей компании под корой, в трещинке ствола или в другом подходящем месте крошечный тайник - налетает вся стайка. Несколько секунд попиrowали и полетели дальше до следующей находки. Так и снуют с утра до вечера, подбывая свои и чужие запасы.

Все люди, даже самые далекие от дел природы, знают о существовании дятлов. Живут они повсюду - в парках, лесах и перелесках. Были бы только старые деревья, в которых дупло можно устроить, да корма под корой и на ветвях вдоволь. С утра до вечера долбит дятел усыхающие полусгнившие стволы, добывая себе нелегкую зимнюю трапезу, а заодно и других лесных птиц кормит. Но дятел дятлу рознь. Большой пестрый дятел для смешанных зимних стай малоинтересен. Он зимой кормится в основном семенами сосны. Зато белоспинные дятлы, черные и трехпалые - большие любители живой пищи и для зимующих птах - находка. Тянутся за ними шустрой неугомонной стайкой пищухи, поползни, длиннохвостые и хохлатые синички, пухляки, лазоревки, большаки. В самую трудную зимнюю пору и королики в таких стайках не редкость. Долбит дятел дерево сильным клювом, труха да куски коры во все стороны летят. Крутится птичья мелочь рядом. Синички и поползни все больше с земли упавший корм собирают, каждую кучку трухи, каждый кусочек коры осмотрят. Где кладку вредителей леса отыщут, где личинка подвернется, все в дело сгодится. Пищухи с королями больше с ошкуренного ствола и ветвей живую мелочь подбирают, какую дятел за малостью размеров проглядел, на их долю оставил. Но дело не только в корме. В стайке легче от хищника уберечься. Налетит ястреб-перепелятник на одиночную синичку, спастись ей ой как трудно, а в стайке с товарками шанс остаться живым выше. И кто знает, может птахам, как и людям, зимнюю беду горевать вместе легче? Так или иначе, а издавна было и поныне живет зимнее братство птиц, радуя глаз и душу людей в зимнем лесу.

Не смотрите свысока на простого червяка

Из года в год, с осенними криками журавлиных стай роняют леса золотисто-багряный убор, устилая землю многоцветным ковром опавших листьев. Недолгое величие осени блекнет под холодными морозящими дождями осиротевшей природы. Зима укрывает продрогшую землю снежным саваном. Редкий крик вороны, одинокая, замирающая флейта снегиря, стрекотание неугомонных сорок на опушке да сиротливый писк питчей мелочи в кронах спящих деревьев. Но зимний сон не вечен. Голубея, поднимается небесная высь. В хрустальном воздухе звенит серебряной каплей синица. Вороний крик уже не тает уныло, в стылом низком небе, но льется вольно и чисто над вершинами потеплевших весенней коричневой березняков. Оседают темными воронками вокруг стволов снег, пугливо прижимаясь к земле под слепящим солнцем, ноздреватый и пестрый от вытаявшего древесного сора. А там уже засеребрились бесчисленные змейки талых ручейков, сливаясь, урча и булькая в пенные потоки, жадно слизывая остатки снежного покрывала с оживающей земли. Но где же золотой ковер, с осени укрывший землю? На отпотевшей, пригретой солнцем почве остались от него буроватые кучки полуистлевших листьев. Но осеннее золото не пропало даром, оно исчезло, чтобы возродиться великой тайной весеннего пробуждения земли.

Чтобы прикоснуться к этой тайне, придется расстаться с весной и светом и, обратясь к языку сухих фактов, мысленно перенестись в мир, лежащий у нас под ногами, населенный удивительными существами, крошечными и невзрачными, но вершащими великое дело созидания плодородия земли. Все, от мала до велика, знают о дождевых червях, во множестве выползающих на поверхность земли после ливней. Червей едят птицы, на них ловят рыбу, много их в старых садах и огородах. Вот, пожалуй, и все, что известно о червях большинству современных людей. На самом же деле, дождевые черви - "живые фабрики почвенного плодородия". Об этом говорил еще великий Дарвин. Органическое вещество растительных и животных остатков в первоначальном своем виде непригодно для питания растений. По-

падая в кишечник червей, оно преобразуется в легкорастворимые вещества, насыщенные ферментами микрофлоры кишечника, и, поступая в почву в виде копролитов, обеспечивает ее плодородие. Для простоты и наглядности всех дождевых червей можно разделить на три группы: норников, подстилочников и собственно почвенных.

Крупные норники роют длинные вертикальные ходы глубиной до двух метров, выползая наружу в сумрачное время суток для сбора пищи - свежеспавшей зелени деревьев и трав. Часть собранной листвы затаскивается в норку, остальная остается снаружи для прикрытия норок. Подстилочные виды живут в листовом опаде у самой поверхности земли. Это некрупные, темноокрашенные существа, поедающие полуразложившуюся листву. Глубоко в почву они не проникают. Почвенные виды, как правило, светло окрашены, живут в почве до глубины в несколько десятков сантиметров. Питаются они частичками почвы, смешанными с разлагающимися остатками растительного и животного происхождения. Кроме червей в преобразовании мертвых органических веществ задействованы и другие обитатели почвы: личинки различных насекомых, коллемболы, почвенные клещи, круглые черви (нематоды), слизни, простейшие и микроскопические грибы.

Благополучие и работоспособность всего комплекса почвенных беспозвоночных теснейшим образом связаны с деятельностью червей-норников. Копролиты и остатки растений, накапливающиеся вокруг жилища червей-норников являются прекрасной пищей и благоприятной средой обитания для беспозвоночных-почвообразователей, поскольку органическая масса сама по себе обладает повышенной влагоемкостью и, кроме того, увлажняется выделениями обитателей норок. Возле ходов червей-норников создаются участки с повышенной биологической активностью субстрата, где численность и биомасса почвенных беспозвоночных вдвое выше, чем на участках между норками. Совершенно очевидна взаимосвязь с червями-

норниками целого комплекса почвенных беспозвоночных, первичных и вторичных разрушителей опада, а также хищников. На «активных» участках около норок, занимающих всего 25% площади, в условиях стабильного увлажнения концентрируется не менее 70% почвенной мезофауны (беспозвоночные животные крупнее 0,5 см), и совершается основная работа по переработке лесного опада. Любые серьезные нарушения целостности комплекса почвенных беспозвоночных неизбежно отражаются на эффективности переработки опада и, как следствие этого, на плодородии почвы.

Многочисленные иллюстрации этого положения, к сожалению, обычны в наших городских дворах с их пыльно-серыми сквериками и палисадниками, где зелень трав и цветов давно не радует взоры горожан. Армии дворников, с упорством, достойным лучшего применения, каждую осень прилежно выметают золото листьев, сгребая их в безобразные кучи, сжигая или хороня, здесь же, во дворах, в огромных ямах, как в «братских могилах». Какие уж тут норники, какой уж тут комплекс почвенных беспозвоночных и, как конечный результат, откуда тут взяться плодородию почвы? Вот и пылят из года в год городские дворы, и будут пылить, пока не переведутся у нас среди функционеров коммунального хозяйства, горе-экологи. Воистину, заставь чиновника Богу молиться, он и листву уберет!

Коллемболы – живущие на грани света и тьмы

Удивительно многолика созидательная сила природы, бесконечно разнообразны ее творения. На протяжении невообразимо долгой истории нашей планеты уже не раз кардинально менялся облик населения животных Земли, но герои настоящего очерка, появившись на исторической арене задолго до динозавров, по меньшей мере, 400 миллионов лет тому назад, не исчезли бесследно, живут и поныне. Однако многие из нас даже не подозревают об их существовании. Наше восприятие живой природы непросто-легкомысленно. Публику интересует экзотика: тигры, медведи, птицы, крупные змеи, занятные обитатели морей и океанов, на худой конец, яркие насекомые. Но мало кто знает, что совокупная доля крупных животных в природном сообществе совершенно не соизмерима с таковой обитателей «параллельных микромиров», в силу малости своей едва различимых невооруженным глазом. Они, живущие на грани тьмы и света, обитатели микромира, бесконечно разнообразные и невообразимо многочисленные, по сути, и вершат судьбы мира, создавая основу жизни на земле – почву, без которой немыслимы зеленые растения, а уж без них и сама жизнь на суше во всем ее разнообразии.

Оставив за кадром простейших, тихоходок, коловраток и червей, обратимся к царству наземных членистоногих, богато представленных коллемболами, или, как их еще называют, ногохвостками. Долгое время они числились первично бескрылыми насекомыми, но современная наука классифицирует их в числе низших ракообразных. Крайне миниатюрные создания, обычно размером с маковое зерно, хотя есть среди них и свои карлики, всего лишь в четверть миллиметра, имеются и «гиганты», в десять и более миллиметров «ростом».

Первое упоминание о крошечных существах, аналогичных коллемболам, относится к временам Аристотеля, (четвертый век до нашей эры). Карл Линей, в десятом издании своей знаменитой книги «Systema naturae», (1758 год.), уже знал и описал 10 видов ногохвосток. Для сравнения отметим, что ныне число известных науке видов коллембол приближается к 7000. Термин коллемболы ввел в научный обиход Д. Лаббок в своей знаменитой книге «Monograph of the Collembola and Thysanura», 1873., совершенно верно подметивший наличие у ногохвосток уникального органа, вентральной (брюшной) трубки. Само слово коллембола восходит к двум греческим: Colle = клей и Embolon = пистон, что дословно означает – клейкий пистон и верно отражает способность некоторых видов ногохвосток удерживаться при помощи вентральной трубки на различных субстратах.

Прямые предки коллембол науке не известны. Ученые могут только предполагать, опираясь на современные достижения молекулярно – генетического анализа, что пращуры их были обитателями морской среды, из группы низших ракообразных. Вначале существа эти обитали на водорослях и пленках цианобактерий литорали и речных эстуарий. В ходе эволюции и приспособления к обитанию на суше у предков коллембол исчезла вторая пара антенн, и сократилось число сегментов тела до головного, трех грудных и шести брюшных. Парные ходильные конечности остались только на трех грудных сегментах, а на четвертом брюшном преобразовались в фурку, или, проще говоря, в прыгательную вилку. Конечности третьего брюшного сегмента превратились в зацепку прыгательной вилки. В свою очередь, конечности первого брюшного сегмента переродились в уже известную нам вентральную трубку.

Вслед за развитием царства наземных растений некоторые коллемболы «пошли» по пути освоения поверхности почвы, заняв ниши на поверхности земли и в растительном покрове и приобретя в ходе эволюции сильную прыгательную вилку и сравнительно развитую систему зрения. Другие специализировались на жизни в подстилке и верхних слоях почвы, обходясь, за ненадобностью, без сильных прыгательных вилок и органов зрения. Но у всех коллембол без исключения имеется совершенный комплекс органов осязания.

В норме коллемболы способны реагировать на вкусовые раздражители, запахи, свет, прикосновение, вибрацию звуковых волн. Они чувствительны к изменению концентрации металлов в почве, чутко реагируют на атмосферное давление, влажность, количество кислорода и углекислого газа. Как и положено членистоногим, тело коллембол снабжено сравнительно развитой нервной системой. Ориентируясь в пространстве своего сумрачного мира, полагаются они в первую очередь на органы осязания - многочисленные чувствительные щетинки (хетты), расположенные на сегментах брюшка, груди, конечностях, на голове, и членистых усиках - антеннах. Сегменты антенн, снабженные чувствительными хеттами, легко улавливают направление движения воздуха и его вибрацию. Кроме того, на антеннах имеются специализированные щетинки - сенсиллы, исполняющие роль хеморецепторов. Размер и форма усиков у разных видов различны. Так, у амазонских *Mastigoceras camponoti* (Orchesellinae) усики втрое длиннее тела. Нередки случаи утери части усиков в коллизиях с плотоядными беспозвоночными. Но изъян этот легко поправим, поскольку усики отрастают за несколько последовательных линек. У основания усиков расположена пара постантеннальных органов, назначение которых полностью не расшифровано, но предполагается, что они ответственны за чувствительность к запахам, влажности и температуре.

Ротовой аппарат коллембол внешне не заметен, поскольку скрыт внутри головной капсулы. Не оставиваясь на его детализации, заметим, что основной способ питания этих существ - соскабливание пищи с поверхности различных микросубстратов. Пища коллембол - микроскопические грибы, бактерии, водоросли. Некоторые виды коллембол питаются цветочной пылью или тканями растений. Имеются и плотоядные формы. Так, коллемболы из группы *Frisea* могут поедать яйца и молодь других коллембол, тихоходок, коловраток и нематод. Хотя, строго говоря, все они более трупоеды, чем настоящие хищники. Есть среди ногохвосток и вредители сельского хозяйства. Но, тут, как правило, не обходится без вмешательства человека. Известный пример тому - случай с видом – *Sminthuris viridis*. Вполне «безобидные» растительноядные коллемболы, будучи завезенными человеком в Австралию, стали злостными вредителями посевов люцерны.

Глаза ногохвосток в виде пигментных пятен на голове способны реагировать на свет, но редко более того. Для животных, обитающих во влажной среде - почве, подстилке, гниющей органике, прямой солнечный свет нежелателен. Их мир - сырой полумрак, где глаза не самое главное. Вся их жизнь проходит «на ощупь». Хотя справедливости ради надо заметить, что в великом разнообразии племени коллембол имеются существа, обладающие сравнительно сложным устройством органов чувств, в том числе и зрения, позволяющих им сносно ориентироваться в среде обитания, вне почвы. Так, например, коллемболы из рода *Nuragstrura* используют «глаза» для измерения положения солнца перед прыжком и могут определять угол поляризации света. Кстати, та же способность присуща птицам, использующим ее для навигации во время сезонных перелетов.

Как уже говорилось, на теле коллембол имеются чувствительные щетинки - хетты. Общее количество их может быть очень большим. До тысячи и более таких «датчиков», помогают коллемболам ориентироваться в пространстве. Кроме того, коллемболы способны оценивать степень напряжения в разных частях «внешнего скелета» и контролировать положение конечностей и всего тела в целом. Как уже упоминалось в начале очерка, на первом (конечном) сегменте брюшка имеется, в той или иной степени развитый орган - вентральная трубка. Собственно сама трубка не одинарна, ближе к внешнему концу она раздваивается на пару придатков сложного внутреннего строения. Основная роль этого органа связана с регуляцией водного и солевого баланса в организме. На третьем сегменте брюшка располагается зацепка прыгательной вилки, ее «спусковой крючок». Прыгательная вилка коллембол - приспособление древнее и совершенно уникальное. Прыжок совершается не за счет мускульных усилий, а в результате гидравлического напряжения всего тела коллемболы. Эффективность прыгательной вилки поразительна. Так, коллембола *Eutomobrya dorsalis*, длиной всего в 2 миллиметра, может прыгнуть с места на 16 сантиметров. Представьте себе человека среднего роста, способного прыгнуть на 140 метров, примерно таков аналог олимпийских возможностей некоторых коллембол. Скорость реакции ногохвосток тоже достойна восхищения. Обычно она лежит в пределах 50 миллисекунд. Но есть и здесь свои чемпионы, такие как *Allasma fusca*, способная стартовать за 12 миллисекунд.

Прыгают коллемболы не ради удовольствия, а спасая себе жизнь. Врагов у них достаточно. Поедают ногохвосток молодые земноводные, мелкие птицы. Из беспозвоночных охотятся на коллембол муравьи, пауки и почвенные клещи. Кстати, в экстремальных экосистемах холодных пустынь Антарктиды, где кроме коллембол и почвенных клещей других «крупных» беспозвоночных нет, поедание ногохвосток плотоядными клещами в порядке вещей. Специализируются на питании коллемболами некоторые жуки. Тут следует вспомнить об исключительной скорости коллембол в момент прыжка. Но, как ни шустры они, есть и на них управа. Так, жуки *Loricera policornis* успевают набрасывать антенны, снабженные ловушками-захватами, всего за 12 миллисекунд, что вдвое выше скорости реакции их жертвы. Для защиты от врагов некоторые коллемболы выделяют отпугивающие вещества, особенно малоподвижные почвенные виды, лишенные прыгательных вилок и зрения. В ряде случаев прыгательные вилки являют собой высокоспециализированные «инженерные» устройства. Так у коллембол, обитающих на поверхности водоемов на концах вилок размещены крошечные лопасти - весла.

На пятом сегменте брюшка расположены внешние отверстия половых органов, поперечные у самок и продольные у самцов, а на последнем, шестом - выходное отверстие кишечника. Все коллемболы, от мала до велика, обладают внушительным набором внутренних органов в виде: слюнных желез и лабиальных нефридий, размещенных в головной капсуле, кишечного тракта, окруженного другими внутренними органами. У некоторых видов коллембол есть зачатки выделительной системы в виде примитивного узла мальпигиевых сосудов и «мозговой центр». Циркуляция «крови» обеспечивается спинным кровеносным сосудом - «сердцем». Газообмен происходит у ногохвосток в основном через внешние покровы тела, но у «эволюционно продвинутых» групп, таких как сминтуриды, намечается примитивно устроенная система трахейного дыхания.

С развитием электронной макрофотографии стало возможно снимать с невероятным увеличением не только коллембол целиком, но и отдельные участки их тела. Исследователям открылся удивительный мир микроструктур, в том числе и на поверхности тела ногохвосток. Обычно внешние покровы обильно гранулированы, имеют восковой налет и не смачиваются. Существуют виды коллембол, покровы которых забраны в чешуйчатый убор. При физическом воздействии чешуйки легко отделяются от поверхности тела, что, возможно, спасает коллембол от гибели в жвалах плотоядных жуков. Чешуйки могут придавать ногохвосткам яркую радужную окраску, но, яркие ногохвостки - редкость. Почвенные виды бледны и малоцветны, обитающие вне почвы черны телом или буровато-серы. Темная окраска хорошо аккумулирует солнечное тепло и благоприятствует скорому прогреву коллембол, что особенно важно для ногохвосток, живущих в холодных пустынях высокогорий и тундрах высоких широт. Кроме того,

темная окраска защищает покровы от воздействия ультрафиолетовых лучей. Как видно, созидательной силе мироздания все равно защищать ли людей в Африке или коллембол в Антарктиде, крася их в черный цвет. Для нее все мы дети одной матери - природы.

Размножаются коллемболы как половым путем, так и без участия самцов, партогенетически. Самцы ногохвосток могут прикреплять капельки семени (сперматофоры) на различных субстратах, с защитной оболочкой, если самки не сразу подбирают сперму, или без нее, если самки соответствующих видов с этим не тянут. Есть виды ногохвосток с «контактным» оплодотворением. Вот как поэтично изображает брачный ритуал коллембол Лаббок (1873г.): «Забавно наблюдать брачные игры этих крошек. Самец, будучи помельче, кружит около самки, временами они бодаются друг с другом, подобно крошечным барашкам. А то вдруг самка делает вид, что убегает, а самец, как будто рассерженный, ее догоняет. Обогнав подругу, он загораживает ей дорогу «лоб в лоб». И они принимают играть друг с другом, соприкасаясь антеннами, по-видимому, совершенно довольные собой». В сложных случаях спаривание может занимать довольно много времени. При этом самец удерживает самку антеннами, одновременно перенося капельки спермы с помощью третьей пары ног на половое отверстие самки. Такой ритуал характерен для европейского вида *Sminthurides aquaticus*, но дело осложняется тем, что все это происходит на воде. Сложности полового поведения коллембол на этом не заканчиваются. Есть виды коллембол, у которых самец загоняет самку к тому месту, где он поместил капельки спермы. Бытуют у коллембол и зачатки половой конкуренции. Так, самцы *Orchesella cincta* поедают чужие сперматофоры, ликвидируя потенциальных конкурентов собственного потомства. Однако, не смотря на видимую сложность полового поведения коллембол, оно остается «примитивным» по сути своей. В сущности, сохраняется древний тип оплодотворения, при котором половые продукты самцов выделяются во внешнюю среду и только после этого попадают к самке. Плодовитость коллембол не очень велика. В среднем одна особь за жизненный цикл откладывает несколько сотен яиц. Яйца ногохвосток могут развиваться сразу или претерпевать стадию покоя. Личинки отличаются от взрослых меньшими размерами, отсутствием половых отверстий и неполным набором хетт.

Вскоре после появления на свет они начинают интенсивно питаться и быстро растут, проходя ряд стадий развития (от 3 до 13), в среднем 5-8, связанных с последовательными линьками. У взрослых коллембол линьки не прекращаются до конца жизни. Общее число линек может достигать 40 и более. Сроки развития разных видов ногохвосток различны. В австралийских сухих пустынях имеются виды коллембол, у которых полный жизненный цикл от яйца до яйца занимает только одну неделю. Впрочем, и в условиях умеренного климата, такие сроки тоже не редкость. А вот ногохвостки, обитатели холодных высокогорий и полярных пустынь, могут развиваться до взрослого состояния два года, а то и больше, живя при этом довольно долго, по меньшей мере, до семи лет.

Собственные способности коллембол к расселению не так уж малы. Хотя многие, особенно почвенные виды, существа не суетливые, считать этих животных законченными домоседами не приходится. Даже не очень подвижные ногохвостки, такие как *Hypogastrura socialis*, увальни телом, могут «пройти» за день до 300 метров, ориентируясь при этом по солнцу. Переносятся коллемболы и ветром. Их часто находили в воздушных ловушках на высоте более чем три километра. В Антарктиде ногохвостки обнаружены в воздушных ловушках на 77° южной широты.

В лесах Австралии ногохвостки в больших количествах поднимаются на деревья, откуда легко сносят сильными порывами ветра. В лесах Индонезии наблюдается то же самое, но здесь они еще используют дополнительную парусность тела за счет частичного отслоения линяющих покровов. Переносятся коллемболы и морскими течениями, путешествуя на стволах и растительном мусоре. Ярким примером естественных способностей коллембол к расселению может служить распространение литоральной формы *Megarhogura arctica*, на севере Скандинавии, Новой Земле, Шпицбергене, Гренландии. В то же время вне литорали этот вид обычен во влажных тундрах южной Норвегии и в альпийских горах.

Расселению коллембол в немалой степени способствовали люди. На заре мореплавания в качестве балласта для увеличения остойчивости порожних судов использовался грунт. По прибытии в порт назначения землю сбрасывали за борт или переносили на берег, чтобы освободить место для груза. Часто перевозили живые растения, в корнях которых естественно, были различные беспозвоночные, в том числе и ногохвостки. Масштаб антропогенного заноса коллембол можно проиллюстрировать на примере фауны Гавайских островов. Полагают, что из ста шестидесяти семи видов ногохвосток, отмеченных здесь, 60 видов - выходцы из других стран.

Коллемболы вездесущи, нет такого уголка земли, где бы их не было вовсе. Но особенно хороши для них увлажненные субстраты с разлагающейся органикой. Велико видовое разнообразие коллембол в тропических странах, что не удивительно. Но не мало их и в высокоширотной Арктике, включая и самые суровые ее районы, на островах Земли Франца Иосифа, Северной Земле, Новосибирских островах, острове Врангеля. Обычны и многочисленны коллемболы и там, где жизнь существует на грани жизни, речь идет об Антарктиде, включая и высокоширотные горные массивы. *Bischoia sudpolaris* (Hypogastruridae) и *Antarctophorus subpolaris* (Isotomidae) найдены среди чахлах лишайников Антарктических гор. Мало того, что существа эти сумели заселить Антарктиду, они обитают там с незапамятных времен до ледникового прошлого, будучи представленными в основном, эндемичными видами и родами, нигде более на Земном шаре не найденными. Следует отметить, что в полярных странах обоих полушарий Земли общее обилие в населении ногохвосток поражает, местами до 4000 и более особей на дециметр. Другими словами, при средних размерах ногохвосток в два миллиметра, по одной особи на каждые два квадратных миллиметра высокоширотного биотопа. Выходит, что понапихано их, « как сельдей в бочке». Однако следует учитывать, что даже в высоких широтах Арктики и Антарктиды, почвенный горизонт не двумерная плоскость, а объем. Ногохвосткам довольно места, что бы разминуться.

Неудивительно поэтому, что роль коллембол в круговороте веществ значительна и многогранна. Они активно участвуют в разложении органического вещества в почве, преобразуя мертвое органическое вещество в кишечнике. Поставляют переработанную органику, в виде копралитов (фекальных гранул), для дальнейшего ее разложения микроорганизмами и грибами. Интенсивно поедая грибной мицелий, могут резко изменять соотношение обилия различных видов грибов и, наконец, способствуют перераспределению органики в различных почвенных горизонтах. Особенно велика почвообразовательная роль ногохвосток в кислых почвах и на антропогенно загрязненных участках, где, как правило, подавлена жизнедеятельность дождевых червей и многих других почвенных беспозвоночных. Справедливо это и для пионерных почв на начальных этапах экологической сукцессии, а также для экстремальных экосистем холодных пустынь высокогорий, Арктики и Антарктики.

В систематике коллембол, как и в целом в науке о классификации живых существ, существуют свои разногласия, связанные в первую очередь с определением границ видового ранга. Споры, порой ожесточенные, ведутся между сторонниками укрупнения видов, с одной стороны и делителями их на фракции, с другой. И то и другое, очевидно вредно, в крайних своих проявлениях. Истина, как всегда, находится где-то посередине. Однако вопрос не прост и от его решения зависит корректная оценка видового разнообразия. На него завязаны природоохранные проблемы, экологические и прикладные вопросы экотоксикологии – оценки состояния природной среды по реакции отдельных видов или групп животных.

Заканчивая очерк, остается только добавить, что при всем разнообразии мира ногохвосток и неодинаковости их жизненных форм, в одном они похожи. Каждая в отдельности и все вместе, наряду с другими почвенными беспозвоночными, ежесекундно вершат они великое деяние, участвуя в таинстве круговорота веществ, созидании почвенного слоя для растений. И с этой их ролью никакие исполины - слоны, носороги, жирафы не в состоянии сравниться. Вот и выходит, что внешняя заметность, как и у нас, людей, еще не означает подлинного величия жизненного предназначения, а истинная грандиозность жизни на Земле, возможно, кроется в исчезающе малой, но такой загадочной ее «простоте».

Птичьи имена и душа народа

Приходилось ли вам размышлять о названиях окружающих нас существ, к примеру, птиц? Наверное, вряд ли, а ведь дело это довольно занятное, особенно если сравнивать птичьи имена в русском и европейских языках, скажем немецком, английском и французском. В качестве отправной точки будем брать наиболее выразительные русские названия птиц, и сравнивать их с именами, принятыми в странах Западной Европы. Начнем хотя бы с сороки. Привычное имя, что тут особенного. Но сдаётся мне, что наши предки, будучи ближе к природе, чувствовали её тоньше. Прислушайтесь к звучанию слова сорока - сорок а. Если многократно и по возможности слитно и сипло воспроизвести звук «а», то получится отдаленное стрекотание потревоженной птицы, тысячу раз всеми слышанное за околицами деревень и по лесным опушкам, да и в городских парках звуки эти не редкость. У немцев сорока зовется Elster, и не более того, без всяких аналогий. У англичан чуть поэтичней - Magpie, дословно - болтунья. То же значение и во французском варианте - Pie bavarde, - болтливая. А теперь прислушайтесь к названию другой, очень обычной птицы – галка. Чем не отрывистый крик птицы в потревоженной вечерней стае? Звучно и точно, лучше не скажешь. А что у немцев? Dohle. У англичан - Jackdaw, у французов и того длинней - Choucas des tours, что примерно значит «обитательница башен». Звучит, возможно, не плохо, но больно длинно и по смыслу тяжеловато. Еще одно звукоподражательное имя птицы в русском языке - фифи. Серенький, невзрачный куличек. Кормясь или в полете, птички пересвистываются негромко и мелодично: фи-фи, фи-фи. Имя сие на слух изящно, да и птицу характеризует удачно. Стройная, тонкоклювая, чем не фифи?

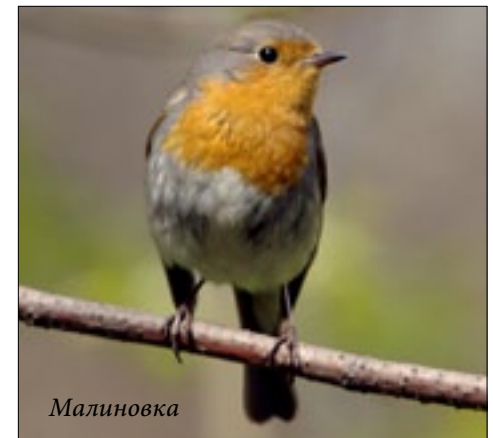
Ну а теперь немецкое имя той же птицы - Bruchwasserläufer, что переводится как хрупкий водяной бегун. У англичан не лучше - Woodsandpiper, что с трудом, но можно передать как лесной песочный свистун. У французов имя этой птички звучит как- Chevalier sylvain, или лесной рыцарь (всадник). Все есть, только лошади не хватает. Еще одна известная птица - свиристель. Кто слышал серебряные трели этих чудесных птах, тот безошибочно узнает их в русском имени этих пернатых. У немцев птица зовется - Seidenschwans, шелкохвост. Хвост у птицы действительно не жесткий, но не более того. У англичан название птицы Waxwing, или воскокрыл. Дело в том, что на кончиках мягких перьев крыльев у птички имеются твердые точки-капельки красного цвета, напоминающие пластмассу. Но во времена оные пластмасс не знали, сравнили с воском. Французский вариант имени - Jaseur boreal, или лесной сплетник. Что ж, при наличии известной доли фантазии стайку свиристящих птиц можно сравнить с кучкой сплетниц. И, наконец, еще одно звукоподражательное имя - чибис. Прислушайтесь: чии-бис, чии-бис. Кажется, достаточно закрыть глаза и при звуках этого имени возникнет перед умственным взором зелень сырого луга с черно-белой птицей, полощущей крыльями, словно рушник на ветру. У немцев название птицы похоже по звучанию на русский вариант - Kiebitz. У англичан чибис значит как Lapwing, Чему в русском языке более всего соответствует, фалдокрыл. Образно, но несколько тяжеловато. У французов на чибиса поэзии не хватило, назвали просто - Vanneau huppé, что значит, хохлатый.

Галка

Свиристель

Малиновка

Однако перейдем от звукоподражательных имен к тем, что отражают внешние признаки птиц. Вслушайтесь в звучание слова голубь и производного от него голубчик. Сколько нежности и ласки! Возможно, я ошибаюсь, но сдаётся мне, что значение слов связано с теплым голубым небом России и голубоватым оперением птиц. Ну а что на этот счет предлагают языки наших европейских соседей? У немцев голубь звучит как Felsentaube, то есть скалистый. У англичан то же самое значение - Rock dove, а и у французов - Pigeon biset, - дикий. В названиях этих и намек нет на лирику переноса теплого небесного сияния в образ всем известной птицы. Более того, у французов для обозначения сизого цвета существует громоздкое выражение Gorge de pigeon, что значит горлышко голубя. Проще говоря, сначала дали птице имя и только потом заметили изящество цвета.

Надо, однако, отдать должное европейцам в том, что не всегда они слепы сердцем. Если образ лежит на поверхности, он не остается незамеченным. Пример тому имя птички зеленушки. Как и в русском, то же значение у немцев - Grunling и французов - Verdier. А англичане называли эту птицу «зеленой певчей» - Greenfinch. А вот и еще пример приземленности европейских вариантов птичьих имен. Немецкое Austernfisher обозначает, как и английское Oystercatcher, ловец устриц. У французов - устричная сорока - Huitrier pie, а всего-то кулик-сорока по-русски. Кулик-сорока птичка сравнительно крупная и, возможно, не располагает к поэтизации имени. Обратимся к созданию более хрупкому, немецкое имя которого Rotkehlchen, или красногрудка. В английском языке птичка зовется и того проще - Robin, что соответствует имени собственному, а у французов - Rougegorge, то есть красногорлка. А теперь вслушайтесь в поэтику русского определения птички - зарянка, это за грудку цвета холодной зорьки. Вот так, комментарии излишни. Но возможно поверхностное виденье сущностей не правило для европейских языков? Продолжим сравнение. Русское слово белобровик - название небольшого дрозда, отличающегося от прочих птиц этой группы белыми бровками. У немцев эта птица названа Rotdrossel, что значит рыжий дрозд, хотя рыжеваты у него только перья на боках тела. У англичан имя этой птицы Redwing, то есть рыжеккрыл, а у французов - Grive mauvis, дрозд, без малейшего намека в названии на белобровость. Но закончим с примерами по признаку внешнего сходства и обратимся к случаям обозначения птиц по общим ассоциативным признакам. Есть в русском языке такое название птички - зимородок. У немцев он же Eisvogel, то есть ледяная птица. У англичан - King fisher, король-рыбак, у французов - Martin pecheur, или мартин-рыбак. В русском и немецком вариантах видно явное смысловое сходство, связь птицы с холодом, зимним сезоном. У англичан зимородок ассоциирует с королевским величием окраски. Французский вариант прагматичен. Ловит птичка рыбу - значит рыбак, но с добавлением имени собственного, широко употребляемого для названия небольших птиц. Но как же объяснить два первых варианта в русском и немецком языках? Судя по всему, такое имя возникло по причине очень позднего вылета слетков из последних, повторных кладок. У зимородков бывает до трех выводков за сезон размножения. По моим собственным наблюдениям в псковской области, в отдельные годы, последние слетки вылетают из гнезда только во второй половине сентября и покидают родные места перед самым ледоставом. Улетели птицы - жди скорого прихода зимы, вот и все объяснение.

Но продолжим сравнение. Самая маленькая наша птичка зовется корольком. Это потому, что головку крошки, с тельцем меньше мизинца, венчает золотисто-желтая шапочка-корона. Но мало того, что в имени обозначена венченосность создания, в нем же слышны изящество и миниатюрность птички. В немецком варианте имя приобретает многоэтажную монументальность - Wintergoldhahnchen, что примерно значит «зимний золотоголовый петушок». В английском варианте имя птицы Gold-crest, золотой хохолок, а у французов - Roitelet huppe, или хохлатый царек. Довольно нежно, но в изяществе русскому имени проигрывает.

Всем известный воробей мог получить свое имя за вороватость натуры. Слово сочетание «вора бей», возможно, и определило имя птички. Европейские варианты имен птицы не отличаются замысловатостью. В немецком языке Haussperling, обозначает всего лишь «домашний», без малейшего намека на воровские наклонности. У англичан воробей прозывается House sparrow, что можно перевести как «домовый скандалист». У французов чуть интереснее - Moineau domestique. Тоже домашний, но в корневой части слова возможна связь с Moine - монах, намек на невзрачность оперения и обыденность означенного существа. Еще один пример изящной словесности - гренадерка, русское имя крошечной хохлатой синички. Немецкий вариант - Haubenmeise, или хохлатая синица. То же самое по-английски и по-французски - Crested tit и Mesange hupper.

Подобное сравнение можно было бы продолжать и далее, благо примеров более чем достаточно, но полно. Скажу лишь что, сознательно не делая обобщающего вывода, оставляю его за читателем, теща себя надеждой посылить содействовать пробуждению уважения и любви к родному русскому языку и природе.

Птицы в городе

Большой город и дикие птицы понятия, на первый взгляд, мало совместимые. Но это только на первый, отрешенно-равнодушный взгляд. Конечно, город, разрастаясь, выжимает диких животных, оставляя всё меньше шансов для их благополучного существования. И, тем не менее, многие животные, в том числе и птицы, приспосабливаются к жизни в условиях даже такого огромного города как Москва. Что, в основном, обуславливает процветание или исчезновение здесь животных? Прежде всего, это наличие в пределах города хотя бы небольших участков лесов, лугов и других родных для птиц и зверей природных местообитаний, а на застроенных территориях – обилие доступной пищи и надёжных убежищ, в том числе и для безопасного гнездования пернатых.

В условиях большого города пищи для многих видов птиц более чем достаточно. Убежища или гнездовые станции тоже не редкость, да и врагов естественных не так уж много. Горожане диких птиц, как правило, мало беспокоят, они просто не обращают на них внимания. Дикости человеческой стало поменьше. Хотя случаются и исключения. Уместно заметить, что и у нас, на западный манер, появились горе-охотники, кроу-хантеры, как они себя велеречиво именуют. Охотники на ворон – если с английско-го на русский. А правильнее сказать – кроу-киллеры, как их называют орнитологи и любители птиц. По сути же это экологически невежественные субъекты, в руках которых оказалось изощренное средство убийства – сильные и бесшумные пневматические винтовки с первоклассной оптикой. В оправдание своих неблагоприятных деяний они ссылаются на угрозу птичьего гриппа или на вред, наносимый воронами мелким птахам. Даже не будучи специалистом-эпидемиологом, а только биологом по образованию, можно понять, что проблема птичьего гриппа, в основном, имеет коммерческую подоплёку, истоки коей надо опять же искать за океаном. Вред от ворон для птичьей мелочи действительно велик, но, как говорится, «всех не перестреляешь», тем более что наряду с воронами бьют всё, что шевелится. К слову, совсем недавно прошла в московских СМИ информация о массовом отстреле из пневматики остановившихся в Москве подкормиться и отдохнуть на пути домой, в северные края, таёжных птиц – свиристей. Это ж надо быть таким вырожденком, чтобы такую красоту сгубить! Кроме подобных недочеловеков, в числе врагов у городских птиц – многочисленные бездомные кошки и собаки – бездумная «богадельня» сердобольных граждан. Кто же против домашних любимцев! Но нужно отчётливо понимать, что собаки и кошки по своей природе – высокоспециализированные хищники, со всеми вытекающими отсюда последствиями, как экологическими, так и социальными.

В Москве основную часть птичьего населения составляют те виды, коим корма вдоволь – домовые воробьи, сизари, серые вороны, кряквы. Из естественных врагов их только ястреба и изредка сокола донимают. Но последних в Москве по пальцам пересчитать можно, а вот численность ястреба-тетеревятника на голубино-врановой диете заметно возросла. В хорошо озеленённых городских кварталах вольготно живется большим синицам, лазоревкам, скворцам и белым трясогузкам. Корма им тоже хватает, да и всяких укрытий для устройства гнезд пока ещё вдоволь. На Москва-реке и многих прудах кормятся озёрные и сизые чайки. Там же и речных крачек увидеть можно. В черте города на водоёмах с заболоченными берегами изредка выводят птенцов чомги, лысухи, камышницы и даже большая и малая выпь. А на восточных окраинах Москвы в зонах отчуждения под высоковольтными линиями с бурьянистым высокотравьем сохранились даже серые куропатки. В недавно построенном микрорайоне Кожухова они на подкормку каждый вечер, как куры, прибегают. На трубах ТЭЦ нередко устраивают гнезда ближайшие родственники серых ворон – вороны. В том же Кожухове, в пяти минутах от конечной остановки автобуса, пара воронов загнездилась на опушке ближнего лесочка, в березняке. Невысоко, меньше 10 метров от земли, фотографировать удобно, но нужно было скрадок устроить. Птицы от гнезда улетели ненадолго, вскоре же вернулись и более уже не обращали внимания на человека, нарушившего их покой.

В качестве «экзотических» для города видов птиц можно привести случаи гнездования в Москве ремеза, чёрного и белоспинного дятлов, кулика-черныша, вальдшнепа, перепела, болотной совы, осоеда и др. В целом же, на территории Москвы, за последние годы зарегистрировано размножение около 130 видов птиц. К сожалению, эта цифра склонна к уменьшению.

Следует понимать, что недоверчивость или дикость птиц есть не что иное, как степень дикости человеческого отношения к ним. Кстати, здесь будет не лишним еще раз вспомнить о кроу-киллерах – яркий пример человеческой дикости. Там, где птиц не тревожат, даже самые осторожные из них ведут себя на удивление доверчиво. В Голландии, в столичном городском парке, приходилось видеть серых цапель, отдыхающих на берегу искусственного водоёма буквально в пяти метрах от гуляющей публики. С подобной доверчивостью птиц доводилось встречаться только в Антарктиде, на самом «краю» земли. А что у нас? В Москве выпустили не так давно пяток серых цапель, выращенных в специализированном питомнике ВНИИприроды. Обосновались, привыкшие к людям птицы на Царицынских прудах, там их и перестреляли вскоре из пневматики, всех поголовно. Ещё пример. Сизари в городе под ногами крутятся, ничего не боятся. Но попробуйте подойти на две сотни метров к их ближайшим родственникам – скалистым голубям где-нибудь в высокогорной Кабардино-Балкарии. По личному опыту знаем, что проще к диким гусям на это расстояние подобраться, чем к голубям.

Но прямое преследование диких животных в городе – ещё полбеды. Есть напасть и пострашнее. Прежде всего, это экологическая безграмотность, а сплошь и рядом – меркантильность людей, отвечающих за содержание озеленённых территорий Москвы, чиновников от городской коммунального хозяйства. Тут уместно будет вспомнить о слепом копировании у нас порочной практики обустройства парков на европейский манер. Внешне выглядит это весьма привлекательно. Декоративные деревья и кустарники, подстриженные газоны, убранный лиственный опад – всё просматривается на сотни метров, насквозь. Речки и пруды с декоративно оформленными берегами, аккуратно стоящими вертикальными брёвнышками. Но для птиц и других животных, включая и беспозвоночных, такой парковый «евростандарт», укоренившийся у нас в Москве, тяжелое испытание, если не гибельный вариант.

В свое время один из авторов очерка проводил научные исследования, связанные с выяснением роли дождевых червей-норников в процессах почвообразования. В работе была показана взаимосвязь с ними целого комплекса почвенных беспозвоночных животных, первичных и вторичных разрушителей лиственного опада, а также хищников. На активных участках, около норок червей, занимающих всего 25% их площади, в условиях стабильного увлажнения концентрируется не менее 70% почвенной мезофауны (беспозвоночные животные крупнее 0,5 см.). Здесь и совершается основная работа по переработке органического опада. Уборка листвы подрывает основу жизнедеятельности червей-норников и, как следствие, со временем вызывает необратимые нарушения в процессах восстановления почвенного плодородия.

дия. Кто первый применил практику повсеместной массовой уборки листвы в городе – сказать трудно. В Европе она существует не одну сотню лет и уже привела к необратимым последствиям. Истощение и общая дистрофия почвы зашла там настолько далеко, что вновь посаженные деревья зачастую не могут подняться выше 4-5 метров. Недостаток кормности облагороженных таким образом биотопов, в которых полностью ликвидирована естественная, пусть даже сорная, по мнению человека, растительность, привёл к тому, что, например, в Англии, ставшие малочисленными теперь щеглы, коноплянки, овсянки и другие питающиеся семенами «сорняков» птицы, не способны выдержать даже мягкую английскую зиму без интенсивной подкормки, поскольку человек лишил их естественного осенью и зимой корма – очень питательных семян сорных трав. И в наших парках и на других озеленённых территориях по тем же причинам в последние годы заметно уменьшилась численность зимующих птиц. Меньше стало гнездящихся дроздов, соловьёв и даже скворцов, поскольку все они выкармливают птенцов главным образом дождевыми червями, которых почти не осталось на тех озеленённых территориях, где выгребают опавшую листву и регулярно выстригают траву. Даже ещё недавно вездесущих галок и сорок в Москве весной и летом теперь редко где увидишь. Их птенцам в первые дни жизни тоже необходимы живущие в почве дождевые черви, моллюски и другие беспозвоночные. Не будем утомлять читателя перечнем грустных фактов. Хочется ещё раз заметить, что бездарное и основанное на чисто декоративных принципах содержание озеленённых территорий в Москве являет собой не только слепое копирование западной глупости, но и отражает материальную заинтересованность причастных к этому чиновников. Для них подобный «природный евроремонт и евростандарт» выливается в крупные бюджетные суммы и удобен для отчётности.

Существование разнообразного мира диких животных рядом с человеком в крупных городах, хотя и локально, но возможно. И это не прихоть отдельных любителей природы, а жизненная необходимость любого большого города. Пора понять, что даже в современном городе реально избежать экологического кризиса только в союзе с дикой природой, которую, как теперь становится ясно, надо сохранять не только в заповедниках, но везде, где живёт человек. И не так уж много для этого нужно сделать. Беречь ещё чудом оставшиеся в черте города малые клочки дикой природы – участки естественного леса или разнотравного луга, сырые ложбины с зарослями болотных трав, реки и пруды в естественных берегах. Не воспринимать природу в городе как обязательный фронт работ по её декорированию и превращению в причёсанный по европейскому образцу внешне эффектный, но мёртвый парк. Не пакостить, устраивая пикник в лесопарке или у реки, не выжигать весной вместе с птичьими гнёздами сухую траву, не наводнять город полчищами бездомных псов, уничтожающих уцелевшую здесь живность.

Вымести поганой метлой экологически невежественную чиновничью братию из коммунальных служб, той же метлой, коей по их указке выгребают осеннее золото опавшей листвы, обрекая почву наших скверов и парков, а вместе с ней растения и птиц, на хронический голод. А за возвращением птиц в город дело не станет. Как показывает жизнь – «свято место пусто не бывает».

Сорокопут-жулан

В. И. Булавинцев

Булавинцев Валерий Иванович, родился в августе 1944 года в Новосибирске. С 1945 года проживает в Москве. С 1963 по 1966 гг. служил в Армии. В 1969 году поступил в Сельскохозяйственный институт заочного образования, закончив его в мае 1973 года по специальности «Биология». В 1981 году получил степень кандидата биологических наук.

Работал зоологом в Арктике, на Земле Франца Иосифа, Новой Земле, Северной Земле, Новосибирских островах. Участвовал в трех антарктических экспедициях 1987-1989гг.

Журналист, фотоанималист.

Там где живут зимородки

• РАССКАЗЫ • ОЧЕРКИ •
• ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ •
• ПРОСТО О РАЗНОМ •

2010